

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(53)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕМА НОМЕРА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS & FINANCE
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Расим Агаев (*Азербайджан*), к.и.н.

Михаил Делягин, д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

Владимир Егоров, д. филос. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.и.н., декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике

Андрей Кокошин, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Николай Михайлов, д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Алексей Пушков, к.и.н., председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)

Владимир Рыжков, к.ист.н., профессор ГУ ВШЭ, сопредседатель Республиканской партии России — Партии народной свободы (РПР — Парнас)

Леонид Слуцкий, д.э.н., председатель комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы

Андрей Фёдоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственная
за выпуск:

Мария КОРТУНОВА

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Надвигаются сложные времена5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Михаил Горшков. Бедность в России9

ТЕМА НОМЕРА: Российская элита — прогресс или стагнация?

Оксана Гаман-Голутвина. Метафизические измерения трансформаций
российских элит. *Часть I*17

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачёв (Украина). Геополитическая трансформация
Латинской Америки. *Окончание*25

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тарик Рауф (Австрия). Нераспространение ядерного оружия:
размышления о прошлом и будущем33

Андрей Суздальцев. Белорусско-европейский дипломатический кризис ..38

Александр Оськин. Левые партии в Польше в борьбе за власть44

Евгений Канаев. Третье ядерное испытание КНДР: вызовы, ответы
и интересы России52

Алексей Пилько. Российско-американские отношения (1992–2013):
неумолимая логика цикличности60

Эльдар Касаев. «Газовая ОПЕК»: развеивая мифы с места событий70

Сергей Демиденко. Международная обстановка вокруг Сирии:
реальность и мифы77

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Василий Колташов. Российская экономика — от замедления роста к спаду ..85

Александр Гончаренко. Северный морской путь как конкурентное
транспортно-логистическое пространство91

ДЕБЮТ

Юлия Соколова. Транснациональные корпорации
как субъект современного мирового политического процесса98

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Реформа как социальный феномен105

ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Рошупкин. Об океанской дали и о Туре Хейердале128

Елена Комлева. Нефть или ядерные отходы136

Увидеть своими глазами

Мария Кортунова. Путь на Соловки141

Философия и политика

Валерий Подорога. Что такое философия и чем она должна быть сегодня ...147

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. Утраченная самотождественность.
О книге Бруйейкера Роджерса «Этничность без групп»155

Новые книги, которые могут вас заинтересовать159

Тезисы статей на английском161

Об авторах168

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Hard times approach	5
---	---

PRESSING TOPICS

Mikhail Gorshkov. Poverty in Russia	9
---	---

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: Russian Elite: Progress or Stagnation?

Oxana V. Ghaman-Golutvina. The Metaphysical Dimensions of the Russian Elite Transformations. <i>Part I</i>	17
---	----

ГЕОПОЛИТИКА

Vladimir Dergachev. Latin America's Geopolitical Transformation. <i>Complition</i>	25
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Tariq Rauf (Austria). Nuclear Non-Proliferation: Past and Future Considerations	33
Andrey Suzdaltsev. The Belarus-EU Diplomatic Crisis	38
Alexander Os'kin. Left Wing Parties Struggling for Power in Poland	44
Yevgeny Kanayev. The Third Nuclear Test in Democratic People's Republic of Korea: Russia's Challenges, Responses and Interests	52
Alexey Pil'ko. The Russian-American Relations (1992–2013): the Inexorable Logic of Cyclisity	60
Eldar Kasayev. «The Gas OPEC»: On-the-Spot Myths Shattering	70
Sergey Demidenko. The International Situation about Syria. The Reality and Myths	77

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashov. The Unfortunate Consequences: the Recession and Its Going On	85
Alexander Goncharenko. The Northern Sea Route as Competitive Transport and Logistic Space	91

DEBUT

Yulia Sokolova. Multinational Corporations Viewed as the Player in Modern World Politics	98
---	----

«ROUND TABLE»

<i>Reforming as a social phenomenon</i>	105
---	-----

PUBLICATIONS

Vladimir Roschupkin. Thinking of the ocean that is long way off and Thor Heyerdahl who is still close by	128
Elena Komleva. Oil or nuclear waste	136

Eye witnessing

Maria Kortunova. The Way to Solovki	141
---	-----

Philosophy and politics

Valery Podoroga. What is Philosophy and what is to be today?	147
--	-----

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Elvira Spirova. The Lost Self-Identity. <i>About the book by Brubaker Rogers. The Ethnicity Without Groups</i>	155
---	-----

New books that might be of interest	159
---	-----

SUMMARY	161
---------------	-----

OUR AUTHORS	171
-------------------	-----

НАДВИГАЮТСЯ СЛОЖНЫЕ ВРЕМЕНА

Политическая и экономическая жизнь в России продолжает развиваться по проложенной более десяти лет назад колее, и сойти с нее она может только в результате каких-то форс-мажорных обстоятельств. Если этого не случится, движение по намеченному пути так и будет продолжаться, пока наш «состав» не окажется в тупике. Ведь главным внутриэкономическим событием первого полугодия экономисты признают замедление российского экономического роста и борьбу властей с этим замедлением: к стенке припирает сама экономика, причем уже не сценарными расчетами, а оперативными данными, например, по сокрушительной динамике рентабельности отечественного производства в несырьевом секторе, да и в сырьевом тоже.

Правда, свидетельств того, что власть видит возможные опасности, в первую очередь, в экономике, становится все больше. Обращает на себя внимание приказной характер поручений в последнее время: требуют улучшить не условия, а именно сами показатели, будто цифры можно улучшить, транслировав экономике приказ свыше. Когда-то, в других условиях, это было бы вопросом мобилизации, но сегодня экономика на такие стимулы уже не реагирует. Поэтому начинать пришлось бы с разработки системы мер, позволяющих остановить сползание экономики в деградирующую сырьевую модель. Речь именно о разработке, потому что такого сколько-нибудь убедительного проекта все еще нет.

В этих условиях российская власть по-прежнему стратегически ставит на «своих», т.е. на патерналистский электорат, но ограничена в средствах и потому стремится сблизиться с «простым народом» в морально-нравственной сфере. Ее политика в последнее время характеризуется парадоксальным сочетанием преобладания консервативных процессов в общественно-политической сфере и одновременно ярко выраженным курсом на демонтаж патерналистских устоев социальной системы. Подобное сочетание является альтернативой курсу на комплексную модернизацию (предусматривающую либеральные экономические и политические реформы) и связано с набором вызовов, перед которыми оказалась российская власть.

Россия стареет, зависимость ее экономики от ТЭКа сохраняется, темпы роста ВВП затухают, и государству все сложнее нести бремя «советской» социальной сферы. Неудивительно, что государство стремится сократить свои обязательства — проводить популистскую социальную политику оно не в состоянии. В 2014 году расходы федерального бюджета на здравоохранение предполагается уменьшить на 25%, на образование — на 16%. Формально, впрочем, расходы в этих сферах даже вырастут, так как часть обязательств передается на региональный уровень, однако следует принять во внимание, что бюджеты субъектов Федерации и без того трещат по швам.

Продолжается курс на сокращение количества высших учебных заведений путем их объединения. Реформа РАН также вписывается в этот контекст — вслед за установлением контроля над финансами и имуществом Академии государство намерено существенно сократить количество научных институтов, чему все последние годы противилось академическое руководство. Таким образом, власть продвигает выгодную ей повестку дня — политически удобную и не требующую затрат из бюджета.

Площадкой для ее политических действий все больше становится Общероссийский народный фронт (ОНФ), получивший организационное оформление, тогда как «Единая Россия» сохраняет свою роль электорального инструмента и парламентской «машины для голосования», но в случае падения популярности может быть заменена на ОНФ, позиционирующий себя как антибюрократическое движение. Вообще, политика «непатерналистского консерватизма» нуждается в консолидации элит.

Но в реальности она проводится в условиях, когда внутри власти усиливается внутренняя конкуренция, что нашло свое яркое отражение в «деле Навального», история с приговором, задержанием и освобождением из-под стражи которого может породить долговременные тенденции во внутренней российской политике, полагают наблюдатели. Ведь теперь любое решение по Навальному будет прибавлять очков оппозиционеру. Стремительно развивающиеся на этом направлении события продемонстрировали разбалансированность отечественной политической системы. В целом эти события вокруг А. Навального подтверждают, что в системе, где отсутствует публичная политика, первый же настоящий политический деятель оказывается центром притяжения интересов для всех конкурирующих «под ковром» группировок. Иначе говоря, он оказывается центром притяжения, вне зависимости от того, хотят ли его использовать противоборствующие группировки в своих целях или же их установки в какой-то части пересекаются с его политическими целями и задачами.

Другое важное событие последнего времени случилось в провинциальном городе Пугачёве Саратовской области. Убийство бывшего десантника Р. Маржанова выходцем из Чечни спровоцировало массовые беспорядки и требования выселить всех компактно проживающих в районе чеченцев. Попытки властей успокоить протестующих пока приносят паллиативный результат — накал страстей спал, но акции протеста все равно могут возобновиться в любой момент.

И хотя природа конфликта носит чисто криминальный характер, трагедия накладывается на ряд острых социальных и межнациональных проблем, которые в последние годы приобрели общенациональное значение, в том числе став и одной из тем для кремлевской повестки дня. Во-первых, это значительное снижение толерантности в регионах, считающихся традиционно «русскими». Криминальные преступления, совершенные «выходцами с Северного Кавказа», становятся детонаторами социального взрыва. Одна из главных причин роста межнациональной напряженности — растущая внутрироссийская миграция жителей Северного Кавказа в более благополучные города России. Во-вторых, неэффективность российских правоохранительных органов в самом широком смысле этого слова.

Наконец, третья проблема, которая имеет отношение к бунтам в Пугачёве, — социальные протесты в целом. Сейчас власть особенно опасается как всплесков стихийных акций (после декабря 2011 года), так и межнациональных конфликтов. Между тем народные волнения, подобные тем, что произошли в Пугачеве и ряде других регионов, рискуют стать типичными для городов юга России. Порождающие их конфликты, воспринимаемые как этнические, связаны, прежде всего, с продолжающейся эрозией государства.

Вышеописанные события, как отмечают провластные эксперты, носят «региональный», т.е. якобы второстепенный характер. А между тем в июле был опубликован очередной доклад Центра стратегических разработок (ЦСР), согласно которому в регионах заметно вырос протестный потенциал, теперь он даже превышает столичный: центрами напряжения становятся города-миллионники и столицы регионов. Самый высокий процент людей, которые будут протестовать по экономическим причинам, зафиксирован в областных центрах с населением выше 1 млн жителей — 63%. Меньше всего к такому варианту склоняются жители Санкт-Петербурга — 10%, не сильно отличаются показатели Москвы — 15%. При возникновении кризисной ситуации претензии президенту собираются высказывать 22% москвичей, 21% жителей Санкт-Петербурга и 30% респондентов всего по стране. Самый высокий показатель снова наблюдается в региональных столицах — 55% респондентов.

Что касается тезиса переноса протестной активности в регионы, то подобного рода прогнозы делали и ранее многие политологи и экспер-

ты. Еще год назад они предупреждали, что привлечение властями «русской провинции» в качестве активной силы, способной противостоять «креативному классу», провоцирует региональные интеллектуальные элиты на осознание собственной субъектности. Признание же за собой права формулировать какие-то ценности неизбежно влечет и желание эти ценности отстаивать. В том числе и методами, которые наблюдаются во все возрастающем количестве в различных регионах страны...

Судя по всему, политический курс власти, скорее всего, будет ужесточаться с тем, чтобы сохранить безусловный контроль над социально-политическими процессами — как среди населения, так и в элитах, что особенно актуально в условиях замедления роста и неблагоприятной демографической ситуации. Однако этот контроль не решает другой проблемы — в рамках противоречивого «непатерналистского консерватизма» может возникнуть внутренний диссонанс между его элементами, чреватый кризисом системы, куда более сильным, чем события декабря 2011 года.

В. Тусов.

Михаил ГОРШКОВ

БЕДНОСТЬ В РОССИИ

Институт социологии РАН завершил в апреле 2013 года уникальное исследование «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя»¹. Его фундаментальный характер обусловлен, в частности, сопоставительным анализом результатов социологического изучения российской бедности специалистами ИС РАН в 2003, 2008 и 2013 годах.

Анализ десятилетней динамики позволил выдвинуть принципиально новый методологический подход к исследованию бедности, которую ранее рассматривали лишь в экономической плоскости². Социологическое толкование проблемы можно назвать «голографическим» — оно не сводит бедность к уровню дохода, а дает ей объемное видение как «бедности по лишениям» — утрате таких бытовых и личностных измерений жизни, без которых нельзя назвать человеческое существование полноценным (одежда, питание, жилье, образование, полноценный досуг, отдых и т.д.). Если по уровню дохода к бедным можно отнести 9% россиян, то к «бедным по лишениям» — не менее 25%. Еще одно важнейшее измерение бедности — длительность существования в этом качестве: после 5 лет соответствующей жизни человек теряет даже надежду на лучшее — таких выявлено 4% среди опрошенных, а ведь это около 6 млн. россиян...

В целом к бедным можно отнести 30% населения страны. Причем, сегодня наполовину это — «новые бедные», что говорит о высоких рисках опуститься на «социальное дно» для тех, кто сегодня вполне благополучен... Вторая половина попала в жернова межпоколенческого воспроизводства и не может вырваться из социальных низов (для

¹ Исследование «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» проведено Институтом социологии РАН в сотрудничестве с представительством фонда Ф. Эберта в России. Руководители исследования — академик РАН М.К. Горшков и доктор социологических наук, профессор Н.Е. Тихонова, научный консультант — доктор Р. Трауб-Мерц. Выборка.

² За порог, черту бедности предлагается принять нормативно устанавливаемый уровень денежных доходов человека, семьи за определенный период, причем уровень, обеспечивающий физический прожиточный минимум. См., напр.: Экономический словарь. — URL: <http://www.360n.ru/dictionaries/economic/1053>

сравнения — 75% небедных остались на уровне или даже превзошли своих родителей). В нашей стране бедные сосредоточены преимущественно в селах и малых городах, однако их достаточно и в крупных городах, где сама структура расходов выталкивает вниз наименее платежеспособных.

Социологически зафиксирован парадокс: у многих россиян уровень реальных доходов понижается, а обеспеченность товарами длительно-го пользования улучшается. Для многих россиян престижное потребление не только навязывается СМИ как показатель социального статуса и жизненного успеха, но и становится формой псевдокомпенсации несостоявшихся надежд. Поэтому в разы за последние годы увеличилось число тех, кого затягивает в воронку кредитных долгов, а это самый прямой путь к бедности. Активнее всех «вверх» по этой лестнице престижного потребления, ведущей вниз, забирается молодежь, и эта проблема может иметь очень серьезные последствия.

Именно стремлением оценить реальные масштабы, причины и основные признаки «бедности по-русски», отношение россиян к бедности вообще и разным группам бедных, а вместе с этим проанализировать восприятие населением страны сложившейся в обществе ситуации с социальными неравенствами, и определялась основная цель исследования. Его результаты дают основание сформулировать ряд общих выводов и умозаключений.

1. В современной России достаточно выражено прослеживается ухудшение отношения к бедным. При этом сами бедные называют три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. Бедность чаще стала ассоциироваться в общественном мнении с пьянством и наркоманией, а также другими асоциальными формами поведения.

Еще десять лет назад 70% населения относились к бедным слоям с сочувствием, жалостью, а некоторые даже с уважением. Однако за прошедшие годы более чем в полтора раза сократилось число относящихся к бедным сочувственно, и втрое выросла доля тех, кто стал относиться к ним безразлично. В то же время россияне в большинстве своем признают, что к бедности в современном российском обществе могут привести и не зависящие от людей обстоятельства — болезнь, смерть кормильца и т. д., — которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль. В результате такого видения причин бедности исчезает четко выраженное отношение к ним как к единой социальной группе, происходит, по сути, «дробление» проблемы бедности на ее отдельные проявления.

Сокращение общей численности бедных в последние годы и значительное уменьшение доли россиян, имеющих бедных в своем ближай-

шем окружении, приводит к сдвигу проблемы бедности на периферию сознания наших сограждан. Все это требует усиления адресности социальной помощи и корректировки социальной политики по отношению к бедным слоям населения.

2. У россиян существуют четкие представления о «черте бедности», которая ныне, по мнению населения, составляет около 9000 рублей — т. е. порядка 60% от средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 5%, практически не попадающих в выборки массовых опросов). Официально же установленная в России «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже примерно в 1,3 раза. Однако такой разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них.

Примечательно, что малоимущие россияне стараются в последнее десятилетие скорее приукрасить свое положение, чем преувеличить собственную бедность. И это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от 1990-х годов, когда бедность обуславливалась в основном структурной перестройкой экономики, была распространена очень широко, и к бедным относились, прежде всего, как к жертвам ошибочной государственной политики. Отказ многих бедных признавать себя таковыми является своего рода асимметричным ответом на складывающийся в обществе образ бедных и свидетельствует о том, что постепенно в России быть бедным становится стыдно. В итоге многие реально бедные не готовы принять на себя подобную социальную роль, даже теряя при этом право на разного рода льготы и выплаты, им полагающиеся.

3. Характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, свое свободное время, а детям — добиться того же, что и большинству их сверстников. Такие представления, в сущности, обозначают разного рода жизненные лишения. И, что особо примечательно, они за последние 10 лет практически не изменились.

Это позволяет использовать для оценки бедности в России широко распространенный в мире подход, основанный на выделении бедных не только по критерию душевого дохода, но и по критерию испытываемых ими лишений. Применение данного подхода дает основание утверждать, что численность бедного населения «по лишениям» составляет в России около 25% населения. Это намного меньше, чем в 2008 году и даже в 2003 году, но в разы больше, чем количество бедных «по доходу», выделяемых на основе официально принятой в России методики.

Российская бедность очень многолика, неоднородна и аморфна, но у нее есть хроническое «ядро», которое составляет не менее 4% населе-

ния. В целом, это позорное явление охватывает 9% россиян — бедных «по доходу», 25% — бедных «по лишениям» — то есть тех, кто испытывает нужду в удовлетворении таких базовых потребностей, как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи и т.п., и 4% хронически бедных — те в составе бедного населения, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой и застойной бедностью.

Таким образом, общее количество бедных в составе российского населения составило около 30%. Безусловно, рост в России в два раза (с 34 до 70%) за последнее десятилетие небедного населения демонстрирует значительный успех государственной политики преодоления бедности. Однако в целях дальнейшего осуществления в стране эффективной социальной политики следует учитывать, что реально в РФ бедных не 9%, а около 30%.

4. Еще один парадоксальный вывод исследования: бедные «по доходам» далеко не всегда оказываются самой неблагополучной частью российского общества. Это означает, что бедность в ее социологической трактовке, т. е. как невозможность поддерживать обычный, «как у всех», образ жизни, распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать. Однако Росстат, рассчитывая прожиточный минимум, продолжает игнорировать разницу стоимости жизни в различных населенных пунктах, особенности потребительского поведения разных возрастных групп населения и т.д. Оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов вообще не совсем правильно: почему не учитывается при этом накопленный ранее объем имущества, возможные кредитные ресурсы и уж тем более особенности здоровья членов домохозяйств, а также существенные перепады в разных регионах размеров оплаты услуг ЖКХ?

5. В современной России широко распространена бедность работающих. Наличие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности — прежде всего, из-за мизерности зарплаты: у пятой части работающих бедных она не превышает 7 тыс. руб. Поэтому возможности устроиться на хорошую работу и самореализоваться в профессиональной сфере и т. п. оцениваются бедными с гораздо большим пессимизмом. Невысокий уровень социальной защищенности таких работников сочетается с распространенностью их занятости в теневом секторе. Куда большая, нежели среди небедных, доля их трудится на приватизированных и вновь созданных частных предприятиях. Преимущественно бедные сконцентрированы в селах и в малых городских населенных пунктах, отличающихся узким и депрессивным рынком труда.

Бедным фактически недоступна интересная работа, их удел — постоянная «борьба за выживание», при которой главное — размер оплаты труда, а не его содержание. Неравенство в доступе к хорошим

рабочим местам отмечает около трети наших сограждан независимо от того, к какой группе — бедных либо небедных — они принадлежат. По остроте этой проблемы для себя лично бедные «обгоняют» небедных примерно на 10%. Поэтому сегодня, как и десять лет назад, численность работающих бедных, испытывающих страх перед будущим у себя на работе, оказывается больше аналогичной доли среди занятых небедных. Аналогичная картина наблюдается и в том случае, когда речь заходит об опасениях, связанных с утратой работы. Понятно, что растёт разрыв между бедными и небедными по объёму и качеству социального капитала.

Практически половина работающих в нашей стране не использует ни один из имеющихся способов пополнения социального капитала — среди бедных таких в 1,5 раза больше, в три раза меньше бедняков сумели повысить образование или квалификацию по сравнению с небедными (соответственно 5% и 15%). Каждый шестой среди бедных убежден, что причиной его плачевного положения является низкий уровень образования и квалификации.

6. Судя по разрывам в инвестировании в человеческий капитал своих детей со стороны бедных и небедных россиян, уже в ближайшие годы можно ожидать дальнейшего углубления неравенств и межгенерационного воспроизводства бедности, а не просто ее консервации. Это неизбежно будет способствовать падению качества человеческого потенциала страны и росту социальной напряженности.

В целом россияне пессимистично оценивают возможности в ближайшее время улучшить материальное положение своей семьи, у бедных, особенно бедных «по лишениям», еще более скептические оценки. В их среде нарастает ощущение безысходности, невозможности улучшить свое положение за счет собственной активности. Поэтому сокращается доля тех, кто для улучшения своего материального положения ищет другую работу, еще более заметно снижение числа респондентов, использующих ресурсы домохозяйства и, в первую очередь, выращивающих продукты питания. При этом значимых различий в активности между бедными и небедными нет, что позволяет говорить о системных ограничениях и барьерах, не позволяющих выйти из зоны бедности.

7. Существенно увеличивают вероятность бедности пенсионный возраст и плохое состояние здоровья. Поэтому пенсионеры и инвалиды, а также их домохозяйства, составляют значительную долю бедных, зачастую попадая и в зону хронической бедности. При этом для пенсионеров как группы в целом ситуация в последние годы заметно улучшилась, а для инвалидов и лиц с плохим здоровьем — ухудшилась. Далеко не последнюю роль играет в формировании рисков бедности и такой социально-демографический фактор, как иждивенческая

нагрузка (критическим значением является соотношение иждивенцев и работающих как 3:1). В настоящее время, в отличие от ситуации десятилетней давности, критичной становится и нагрузка, связанная с несовершеннолетними детьми — их наличие в семье заметно увеличивает для нее риск бедности, что свидетельствует о недостаточности реализуемых в последнее время в отношении материнства и детства мер государственной политики. Особенно тяжелой является ситуация у многодетных и неполных семей.

8. Наряду с закреплением доли бедных, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет, сегодня активно идут и процессы межгенерационного воспроизводства бедного населения. Почти половина нынешних российских бедных — это люди, которые еще с детства принадлежат к «социальным низам». Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности. Тем самым формируется и приобретает устойчивые черты такой социальный слой, который принято называть андерклассом. Речь идет о социальной категории людей, представляющих «социальное дно» общества, живущих вне рамок общества и являющихся носителями культуры обездоленных.

Постоянно воспроизводящимся феноменом стали в нашем обществе «новые бедные» (более половины всех бедных). Это свидетельствует об очень высоких рисках оказаться в группе бедных даже для вполне благополучных в данный момент россиян.

9. Процессы социальной мобильности имеют у бедных и небедных россиян противоположный вектор, что усиливает поляризацию даже массовых слоев российского общества и все дальше разводит бедных россиян и остальное население страны: в отличие от нисходящей, процессы восходящей межгенерационной социальной мобильности свойственны бедным в значительно меньшей степени, чем остальному населению.

10. Проблема неравенств в современном российском обществе очень остро и болезненно воспринимается всеми слоями населения, но в наибольшей степени — именно бедными россиянами. Подавляющее большинство из них отмечает, что лично страдает от тех или иных типов неравенств. На первом месте со значительным отрывом оказывается неравенство по доходам, затем следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий, а также неравенство в доступе к рабочим местам. В последние годы к этому добавилась новая форма социального неравенства — цифровое неравенство. Отсутствие навыков в области информационных технологий практически лишает «входного билета» на привлекательные рабочие места.

11. Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последние годы ухудшается. Среди бедных растет ощу-

щение того, что неравенства, связанные с доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми. Неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных. Более того, подавляющее большинство из них не фиксируют никаких положительных изменений ситуации со справедливостью в последние годы.

13. Говорить о ценностном расколе между бедным и небедным населением или о формировании особой культуры бедности в России пока не приходится, хотя по ряду позиций количественные различия между бедным и небедным населением достаточно заметны и в случае их нарастания вопрос о наличии в России особой субкультуры бедных может актуализироваться. Однако в отношении к свободе, совести, морали бедные выражают ценности, характерные и для небедных россиян. Так, в представлениях большинства из них свобода имеет безусловный приоритет над материальными ценностями, а спокойная совесть и гармония — над властью и влиянием на других. При этом большинство бедных считают, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом. Доля сторонников подобных взглядов заметно сократилась за последние 10 лет, демонстрируя разочарование в возможностях добиться улучшений своей жизни с помощью честного труда.

Что касается трудовых мотиваций бедных, то для них материальная компонента работы оказывается важнее, чем для небедных. Важным фактором дифференциации самих бедных здесь выступает опять-таки возраст — ценности современных обществ в значительно большей степени свойственны молодым бедным, чем бедным из старших возрастных групп.

С другой стороны, молодые бедные характеризуются одновременно и большим стремлением к власти и возможности влиять на других, а также одобрением любых доходов независимо от способа их получения и готовностью при необходимости преступить через нормы морали ради материального успеха в жизни. Однако, несмотря на разную степень распространенности тех или иных ценностей и установок среди бедных и небедных у большинства россиян существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и невозможности копировать для нее западный путь развития.

13. Досуг российских бедных отличается скудным содержанием и отсутствием видового разнообразия, причем из досуговой палитры бедных вымываются даже такие виды досуга, которые не требуют финансовых затрат. В нынешних условиях можно говорить о том, что скудность досуга становится неотъемлемой чертой их образа жизни. Происходит сужение их жизненного кругозора, ослабляется интерес к разнообразию, эмоциям и впечатлениям, саморазвитию. При сохранении

столь негативных тенденций можно ожидать дальнейшего сужения социокультурного горизонта бедных, пребывания их в своем коммуникационно и культурно замкнутом мире и, как следствие, их дальнейшей социальной деградации.

14. Бедные резко отличаются от своих более благополучных сограждан по всем показателям социально-психологического самочувствия в худшую сторону. Значительная их часть пребывает в уверенности, что жизнь их складывается плохо, они массово находятся в состоянии подавленности и апатии, либо тревоги и даже агрессии, постоянно испытывают чувства несправедливости всего происходящего вокруг и собственной беспомощности повлиять на ситуацию, стыда за состояние страны и ощущение того, что дальше так жить нельзя. Общее состояние тревожности, пессимизм и негативизм бедных остается важнейшим маркером социального самочувствия данной группы, все больше отличающих их от небедных россиян.

15. Вряд ли можно отнести бедных к числу субъектов социально-политической активности. Интерес к политике не только остается в их среде на низком уровне, но и с течением времени падает: за последние десять лет более чем в 2 раза (с 29 до 12%). О готовности включиться в какие-либо институциональные формы политического участия заявляют менее 1% представителей российской бедноты. В целом отчуждение нижней части общества от политики, социально-политической жизни страны нарастает.

Группа бедных обращает на себя особое внимание более острыми, негативными оценками положения дел в различных сферах жизни общества, прежде всего, экономической ситуации и эффективности функционирования социальной сферы. Наиболее резко негативно оцениваются результаты борьбы с бедностью, восстановление социальной справедливости, состояние общего психологического климата в стране. На первый план негативного восприятия вышло противоречие между бедными и богатыми, усиленное вопиющими проявлениями в обществе социальной несправедливости. Однако признаков того, что российские бедные отличаются радикальным, а уж, тем более, революционным духом, не наблюдается. В настоящий период в бедных слоях населения доминирует установка не на глубокие и всеобъемлющие перемены, а на стабильность. Больше того, несмотря на довольно негативные оценки бедными отдельных сторон жизни общества, две трети их представителей выражают поддержку действующей власти и на какие-либо активные протестные формы массовых действий не настроены.

Результаты исследования подтверждают необходимость серьезного осмысления властью феномена бедности. Формирования стратегий развития страны без учета специфики этой категории населения будут неэффективными.

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА — ПРОГРЕСС ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ

Часть I

Текущий год богат поводами для размышлений о результатах последних двух десятилетий российской истории: в 2013 году исполняется двадцать лет с момента принятия действующей Конституции РФ. В какой мере успешным было прошедшее двадцатилетие? Ответы на этот вопрос варьируются в предельно широком диапазоне — от бра-вурно-восторженных до вынесения вердикта — *failing state*. Полагаю, что в поисках объективного ответа уместно обратиться к различиям между определенно успешными государствами и теми, что не могут похвалиться достижениями. В данном случае рассмотрим особенности нынешнего состояния российской политики в контексте представленных Лоренсом Харрисоном [Harrison, 2000] суждений об отличиях динамично развивающихся и стагнирующих культур¹.

1. Нацеленность в будущее. Прогрессивные культуры устремлены в будущее, в то время как статичные культуры ориентированы на настоящее или прошлое.

Если обратиться к нынешним российским реалиям, то предельная заикленность на сиюминутном, поглощенность узкими — во всех смыслах — интересами, отсутствие не просто вкуса к стратегии, но элементарного интереса к ней — одна из доминант преобладающей в российском обществе социальной философии и преобладающих дискурсов.

2. Труд и успех. В прогрессивных культурах, в отличие от статичных, труд и приносимые им плоды считаются главным фактором преуспевания. В обществах первого типа работа упорядочивает повседне-

¹ Стоит оговориться, что ни критерии Харрисона, ни оценка в этой системе координат российских реалий не претендуют на исчерпывающие характеристики — речь идет о доминирующих тенденциях, которые, конечно же, не исчерпывают весь спектр социальных параметров.

ную жизнь, а трудолюбие, творчество и стремление к успеху не только вознаграждаются финансово, но приносят и уважение окружающих, и самоуважение.

У нас успех, прежде всего материальный, стал иконой. Успех всегда вкусно пахнет — эта мысль Леона Фейхтвангера применительно к сегодняшней России может считаться максимой современной жизненной философии, если к ней добавить принципиально важное измерение: успех, добытый любой ценой. Ничто не предосудительно, если приносит материальное преуспевание — «стыдно быть бедным»... Что касается — в широком смысле — ценности производительных усилий, то с этим совсем плохо: труд остается уделом пьющего большинства (Оскар Уайльд). Правильным стилем жизни оказался воинствующий гедонизм, возведенный в добродетель и доблесть, а национальной идеей России (которую так долго и безуспешно искали специально назначенные президентом Ельциным люди) стали деньги.

3. Бережливость. В прогрессивных культурах эта добродетель приходится матерью инвестициям, в то время как в статичных культурах в ней видят угрозу уравнилельным порядкам.

В противовес этому демонстративное потребление тех, кому есть что демонстрировать, стало хорошим тоном. Широкую известность приобрела шутка (в которой в действительности только доля шутки — остальное правда), порицающая нового русского, который сподобился купить галстук ценою в рубль (цена условна), в то время как за углом такой же продавался за сто... Британский журналист Марк Франкетти был прав, когда написал: «Деньги в России ничего не значат, если их не выставляют беззастенчиво напоказ [Franchetti 2008]. Газета «Гардиан» цитирует известного олигарха Александра Лебедева, который в интервью вполне честно признался, что богатство есть «очень эмоциональная и духовная субстанция» [The Guardian 2008].

4. Образование. В прогрессивных культурах в образовании усматривают ключ к прогрессу, в то время как в статичных культурах оно считается второстепенной, элитарной ценностью.

Лучше всего о значении фактора образования как основания социальной мобильности в нынешней России свидетельствует позиция недавнего и нынешнего руководства Министерства образования и науки, демонстративно декларирующего желательность сокращения бюджетных мест в отечественных вузах. В нашем обществе образование утратило статус канала вертикальной мобильности, а существенное ухудшение качества образования стало притчей во языцех...

5. Поощрение способностей. В прогрессивных культурах индивидуальные способности выступают важнейшим фактором личного карьерного роста; в статичных культурах эту роль выполняют социальное происхождение и связи.

В нынешней России меритократический критерий продвижения не работает почти нигде — даже там, где его нарушение может стать угрозой безопасности (опасные производства, медицина и т.п.), — его заменили патрон-клиентные отношения. Стоит обратить внимание на существенное отличие нынешнего клиентелизма от распространенного в советское время блата: последний (несмотря на значительное распространение) был периферийным механизмом решения личных проблем (поступление в вуз, престижное трудоустройство и т.п.). Нынешний клиентелизм не просто на порядки масштабнее — его функциональное значение иное: он предстает как универсальное основание вертикальной мобильности и групповой сплоченности — т.е. в качестве ключевого принципа организации экономических отношений и структурирования социальной ткани в целом.

Статус клиентелизма как системной дисфункции, определяющей многообразные феноменологические проявления социальных деформаций, обусловлен его ролью как фактора архаизации базы социальной организации. В основе доминирования отношений личной зависимости лежит короткий радиус социальной идентификации и доверия. В свое время Роберт Патнем [Патнем 1996] блестяще показал, что в обществах традиционных связи имеют короткий радиус, тогда как в модернизированных доверие распространяется за пределы семейно-родственного круга². Близка позиция Лоуренса Харрисона: коррупция в значительной мере «представляет собой культурный феномен, обусловленный такими факторами, как ограниченный радиус социальной идентификации и доверия, которые ведут к ущербному восприятию сообщества и «эластичности» этических норм» [Harrison L.E., 2000]

6. Общественная солидарность. В прогрессивных культурах радиус общественной идентификации и доверия выходит за пределы семьи и охватывает более широкое социальное целое. В традиционных же культурах сообщество ограничивается семейными рамками. Социальные системы с небольшим радиусом идентификации и доверия более склонны к коррупции, налоговым нарушениям и не тяготеют к филантропии.

Масштабы дефицита солидарности и сострадания в нынешней России таковы, что она предстает страной победившего индивидуализма и воинствующего эгоизма. «Каждый сам за себя в этой пустыне эгоизма, называемой жизнью» — эти слова Стендаля кажутся сказанными о нас сегодняшних.

Данная метафора подтверждается и эмпирическими исследованиями. Так, изыскания голландского исследователя Гирта Хофстеде, изу-

² Различение радиуса доверия и качества социальных связей лежит также в основе введенного М. Вебером различия «холодных» и «теплых» обществ. В «холодных» обществах радиус доверия существенно больше, чем в «теплых».

чавшего различия между культурами на основе пяти дихотомических параметров, среди которых есть коллективизм-индивидуализм, подтверждают, что современное российское общество — пожалуй, самое индивидуалистическое в мире, так что сторонники отечественной уникальности могут в очередной раз торжествовать: мы опять в авангарде человечества — в номинации «индивидуализм» мы опережаем даже считающихся рекордсменами в этой сфере общества Запада, поскольку индивидуалистические установки и ценности там ограничиваются и уравниваются культурой ассоциаций и коммунитаризма, ценностями и практикой социальной солидарности. Так, в США масштабы филантропии сопоставимы с военным бюджетом, а взаимная помощь членов местных сообществ образует густые и эффективные сети доверия и поддержки. Между тем в России подобные социальные связи коротки — они ограничиваются кругом ближайших родственников и друзей — и чрезвычайно слабы. В немалой степени поэтому у нас практически незаметны партии и движения, опирающиеся на ценности коммунитаризма, слабы политические движения, исходящие из ценностей солидаризма. Наши профсоюзы — во многом формальные образования. И это касается многих других институтов, которые традиционно выступают в качестве «визитной карточки» гражданского общества.

Это выглядит парадоксом: в стране победившего индивидуализма слабо гражданское общество. В чем истоки такого парадокса? Между тем одна из базовых традиций в понимании гражданского общества исходит из того, что его несущей конструкцией является индивидуализм. Но наш индивидуализм асоциален, поэтому институты гражданского общества не формируются, а их место занимает кликами.

В чем тому причины? Базовой причиной дефицита солидарности видится слабость институционального каркаса общества. Институты в данном случае — не учреждения, а нормативная система, ансамбль правил и норм. Ситуация неэффективности формальных институтов побуждает людей рассчитывать исключительно на собственные силы. Слабость нормативных установлений, отсутствие ясных и общеобязательных правил игры оставляют индивида наедине со своими проблемами и обрекают человека на поиск формул индивидуального выживания и успеха. В результате установка на индивидуальные выживание и успех становится единственно рациональной жизненной стратегией.

Впрочем, эту ситуацию было бы ошибочно видеть исключительно в качестве российской девиации: и в тех странах, где гражданские общества относительно эффективны, социологи констатируют взрыв индивидуализма: «Вера в спасительную миссию общества сегодня мертва по обе стороны разобранной идеологической баррикады — во дворцах

и хижинах, в элитных кварталах и городских гетто. Люди оказываются во власти ощущения того, что отсутствуют механизмы обеспечения эффективных коллективных действий сегодня и мало надежд на их возрождение в будущем» [Бауман, 2000: 35].

7. Строгость этических норм. Поведенческие кодексы, принятые в прогрессивных культурах, обычно более ригористичны.

В сегодняшней России апелляция к этическим императивам выглядит архаичной. Более того, неартикулированное пренебрежение, переходящее порой в откровенное презрение к этической норме, по умолчанию является одним из оснований системы правил отношений.

8. Справедливость и честность. В межличностных отношениях, отличающих прогрессивные культуры, эти качества являются наиболее ожидаемыми. И наоборот, для статичных культур справедливость, подобно персональному успеху, представляет собой функцию, реализуемую только за деньги или в силу личных связей.

Конечно, справедливость по определению — сущностно оспариваемое понятие. Однако справедливым в данной системе ценностей представляется право силы — финансовой, политической, административной, а честность воспринимается как вызывающий насмешку удел маргиналов.

9. Рассредоточение власти. В прогрессивных культурах власть обычно рассредоточена по горизонтали, а в статичных — сконцентрирована и реализуется вертикально.

Концентрация власти традиционно была особенностью российского социума. Ее сегодняшняя версия характеризуется сосредоточением власти в пределах узкого сегмента акторов. Недавнюю тандемократию приходится признать ущербной версией рассредоточения власти. Стоит обратить внимание на концентрацию в современной России не только политической, но также экономической власти.

Об этом определенно свидетельствуют результаты исследований распределения доходов. Недавно опубликованный отчет Global Wealth компании Boston Consulting Group (BCG) за последний год, в котором оценивается богатство самых состоятельных семей планеты, показывает, что Россия являет собой ярчайший пример имущественного неравенства. Среди прочих параметров Россия выделяется в связи с крайне незначительным удельным весом богатых и сверхбогатых семей в населении страны. Так, согласно отчету BCG, семь сотен сверхбогатых семей контролируют свыше 500 млрд долл., или более трети всего богатства страны, а в совокупности с 111 тыс. семей «классических миллионеров» (т.е. семей с состоянием более 1 млн долл.) они контролируют около 70% всего национального богатства. Не случайно в список 15 стран с наиболее высокой долей миллионеров среди населения Россия не попала. Лидирует здесь Сингапур (17,1%), Катар (14,3%) и

Кувейт (11,8%). По расчетам BCG, доля богатых домохозяйств в России составляет около 0,2% (за основу взяты данные переписи за 2010 год) [Forbes, 2012].

10. Секуляризм. В прогрессивных культурах влияние религиозных институтов на общественную жизнь незначительно, в то время как в статичных культурах оно зачастую весьма существенно. В первых из них поощряются разногласия и плюрализм, а во вторых — ортодоксия и конформизм.

На наш взгляд, наличие религиозной регуляции может быть свидетельством разного качества социальных отношений, а в условиях каткомбного формата существования церкви — проявлением нонконформизма и этической состоятельности. В современном российском социуме относительно высокий рейтинг доверия к церкви — результат эрозии других институтов; церковь замещает иные, нерелигиозные по своей базовой природе институты, прежде всего дефицит регулятивной функции светской этики. В целом же нормы религиозной этики — христианской, мусульманской или какой-то иной — востребованы в связи с масштабной девальвацией влияния иных форм социальной регуляции. Применение приведенных критериев к оценке эволюции России как общества определенно свидетельствует о стагнации (если не деградации) социальных отношений. Замещение современных норм архаичными неизбежно должно было привести — и привело — к системной архаизации. Думаю, не будет преувеличением возложить ответственность за подобное положение дел на доминантные группы — не только в силу исторической укорененности в России подданических паттернов, но и в связи с тем, что в любой стране качество элит в полной мере является интегральным показателем состояния социума, а сами элиты — ключевыми драйверами социальных изменений.

В чем истоки нынешней стагнации и российских элит и общества в целом?

Для понимания природы подъема и упадка элит и возглавляемых ими наций полезно обратиться к концепции пассионарности Льва Гумилева, предложившего понятие пассионарности в качестве русскоязычного эквивалента англоязычного термина *drive*. Данный термин был призван определить кумулятивный результат действия этнологических, географических и исторических детерминант как «фактор икс», приводящий в движение народы [Гумилев, 1990: 260]: «Пассионарность — это «способность и стремление к изменению окружения» [там же: 266]. Рассматривая примеры известных пассионариев — Александра Македонского, Наполеона, Люция Корнелия Суллы, Жанны д'Арк, Яна Гуса, протопопы Аввакума, — Гумилев показал, что дело не в личном «героизме», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарность системы и направляет ее к

намеченной цели [там же]: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения» [там же: 273]; «Не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарности» [там же: 270].

В рамках данной методологической гипотезы находит разрешение дилемма «герой или массы» в качестве субъекта политического действия. Ключевая роль в истории принадлежит, несомненно, выдающимся личностям, однако из этого следует не игнорирование роли масштабных социальных групп, а констатация их опосредованного участия: большое сообщество становится субъектом благодаря своей избыточной энергетике (пассионарности), что проявляется в выдвижении крупных исторических деятелей, призванных и способных к реализации масштабных исторических задач. Со всей определенностью можно констатировать глубинную связь между сообществом в целом³ и масштабом лидеров. Причем порой энергичные социальные движения возникают из-за незначительных поводов, просто давая выход плещущей через край энергии молодого этноса: «Способ поддержания целостности системы зависит от эпохи, точнее, от фазы этногенеза. В молодых системах элементы контактируют весьма напряженно... страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя» [там же: 261].

Концепция Гумилева стала развитием имевших место в более ранних памятниках социальной философии попыток понять природу энергии, лежавшей в основе поступков выдающихся личностей и целых народов. В частности, Георг-Вильгельм-Фридрих Гегель писал в «Философии истории»: «...ничто великое в мире не совершалось без страсти» [Гегель, 1993: 76]. Немало страниц рассмотрению роли индивидуальных страстей в развитии исторического процесса, в том числе включая самые низменные страсти, как «алчное стремление к богатству», приведшее к возникновению антагонистической социально-классовой структуры общества, посвятил Фридрих Энгельс в известной работе о происхождении семьи, частной собственности и государства [Маркс, Энгельс, б.г.: 176]. Историк Огюстен Тьерри оставил

³ Для его определения Лев Гумилев употреблял не вполне удачную конструкцию этноса: «Этнос — не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы... реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» [Гумилев, 1990: 103].

описание наблюдавшихся в истории крупных общественных движений, ведомых мощной энергией, не всегда осознаваемой: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остается в истории. Но эти имена получают известность только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей...» [Тьерри, 1937: 255].

Отмеченные подъемы, как правило, сменяются спадами, а на смену титанам во главе государств на этапе их восхождения приходят пигмеи в эпоху упадка.

(Продолжение следует.)

Литература

1. Гегель Г.-В.-Ф. Философия истории. — СПб.: Наука, 1993.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Гидрометеиздат, 1990.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. — М.: Издательство политической литературы, б/г.
4. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. — М.: Ad Marginem, 1996.
5. Тьерри О. Избранные сочинения. — М.: Соцэгиз, 1937.
6. Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change. — Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E.Harrison and S.P.Huntington (eds.). — N.Y.: Basic Books, 2000.
7. Forbes.ru. 2012. 01.06. — www.forbes.ru Franchetti M. 2008. Future Ruling Class of Russia . — The Sunday Times. 5 05. The Guardian. 2008. 02.10.

Владимир ДЕРГАЧЁВ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ¹

Ближний «задний двор» Америки. Со времен Колумба на протяжении пяти веков Карибский регион был объектом повышенного внимания великих держав. Пиратство в Карибском море на рубеже XVI и XVII веков являлось составной частью перераспределения золота, серебра и других сокровищ, товаров и денег в эпоху первоначального накопления капитала и колонизации Америки. Так как этим промыслом занимались европейцы, то использовались более «благородные» термины разбоя — корсарство (каперство), флибустьерство и рейдерство.

Сегодня многие местные островные государства Карибского региона де-факто принадлежат Соединенным Штатам, Британии, Франции и Нидерландам, хотя из-за политкорректности не используются термины «колония» или «протекторат». Установившиеся режимы называют в сложившейся «демократической» традиции заморскими ассоциированными и не очень территориями, департаментами, регионами бывших и настоящих метрополий. Несомненно, что в Карибском регионе доминируют «жизненные интересы» США. Островные карибские государства представляют собой ближний «задний двор» Соединенных Штатов. Этот ближний «двор», в отличие от дальнего «заднего двора» (Южной Америки), находится в крепких объятиях Вашингтона. Единственный в регионе досадный прыщ на носу американской демократии — остров другой Свободы (Куба)².

Кубинская революция (1953–1959 годы) переформатировала Карибский регион, где под носом у США появилось государство социалистической ориентации. После Второй мировой войны Кубинская

¹ Окончание статьи. Начало — в «Вестнике аналитики», № 2, 2013.

² Любопытно, что Государственный департамент США в 1990-е годы требовал от российской власти не употреблять «имперский» термин «ближнее зарубежье» в отношении постсоветского пространства, на котором проживает более 20 млн русских. Другое дело — карибские островные государства и территории, ставшие де-факто вотчиной США.

революция нанесла ощутимый удар по Америке³, лишила многих американцев собственности. Национализация исключительно сильно (как разрушительный торнадо) ударила по американскому бизнесу на Кубе. Этого самая справедливая страна в мире простить не смогла. В 1960 году была объявлена экономическая блокада Кубы. Крупнейший в XX веке международный Карибский кризис 1962 года поставил мир на грань термоядерной катастрофы. Поводом послужили поставки советских ракет на Кубу и противодействие США.

В 1966 году Конгресс США предоставил мигрантам с Кубы беспрецедентный «режим благоприятствования»⁴. В результате сегодня за рубежом, преимущественно в США, живет 1,5 млн кубинцев. Кубинская диаспора, обосновавшаяся во Флориде, в условиях гражданского общества и свободы предпринимательства, с годами стала производить в стоимостном выражении больше услуг и товаров, чем бывшая родина. Образовалось две Кубы — Республика Куба и мини-Куба в американской Флориде, где кубинцы-эмигранты стали полноправными хозяевами Майами. Преимущественно кубинцы превратили захолустный Майами в один из мировых финансовых и рекреационных центров.

В результате американского эмбарго против Кубы прямой ущерб составил в ценах 2010 года свыше 100 млрд долл., а в сопоставимых — 975 млрд долл. Несмотря на экономическую и техническую помощь Советского Союза, смена идеологической ориентации дорого обошлась кубинскому народу. Но после самоубийства СССР и ориентации России на «братание» с Западом социалистическая Куба выжила и продолжает оставаться символом борьбы народов Латинской Америки против засилья США в регионе. В последние годы в связи с «наследственной монархией» состоялась передача власти от Фиделя Кастро брату Раулю и сменился главный революционный лозунг «Родина или смерть!» на «Родина и жизнь!».

Особое геополитическое значение для США, Нового Света и всего мира имеет Панамский канал, сокращающий морской путь из Нью-Йорка в Сан-Франциско с 22,5 до 9,5 тыс. км. В 2000 году зона Панамского канала была передана под юрисдикцию Панамы, но фактически осталась «зоной жизненных интересов» Соединенных Штатов. Панам-

³ Первый удар на впечатлительных американцев произвел полет советского искусственного спутника над просторами Соединенных Штатов. Неприятно, когда над тобой словно комар что-то пищит «пи-пи». Причем в отличие от комара неизвестно, что прилетит в следующий раз. В Америке началась мания строительства атомных бомбоубежищ.

⁴ Изогрренная месть Империи добра острову Свободы. — Интернет-портал «Институт Геополитики». — URL: http://www.dergachev.ru/Landscapes-of-life/Caribbean-region/02.html#.URO4P_K9pNI

ский канал приобретает все большее значение для Китая. Вторая экономическая супердержава импортирует через канал венесуэльскую нефть и другие ресурсы из латиноамериканских стран. В 2011 году на Тринидаде прошел китайско-карибский форум, на котором Пекин выделил странам региона 1 млрд долл. для стимулирования экономического роста. Имеется проект увеличения пропускной мощности Панамского канала, в котором заинтересован Китай в связи с усилением экономического присутствия в Латинской Америке.

В Карибском регионе размещены заводы, перерабатывающие для американских потребителей нефть из стран Персидского залива. На ближнем «дворе» создана индустрия отдыха, преимущественно для американцев. Карибский регион является абсолютным мировым лидером в круизном судоходстве (40% круизных туристов). Здесь в 2011 году на 122 круизных лайнерах было перевезено 7,5 млн туристов. В островных государствах вольготно чувствуют себя американские спецслужбы и наркобароны, контролирующие местный наркотрафик.

Общеизвестно, что в регионе широкое распространение получили налоговые гавани (оффшоры). Но менее известно, что именно в Карибском регионе создан секретный форпост Мировой финансовой империи Запада, откуда с помощью современных технологий оффшорной геополитики США и Великобритании осуществили бескровный захват активов с «вражеских территорий».

«Веселый Роджер» финансовых пиратов Запада. Еще в эпоху деколонизации Мировая финансовая империя с центром в Лондон-Сити создала всемирную финансовую сеть налоговых гаваней, отслеживающих, как пираты, международный капитал, привлекаемый на Запад. Здесь особую роль играют заморские территории — бывшие колонии Британской империи, ставшие «пиратскими» форпостами Мировой финансовой империи. Кроме признанных лидеров — секретных юрисдикций Манхеттен (США) и Лондон-Сити (Великобритания), особо выделяется Большое оффшорное пространство (черная дыра) Карибского региона. Здесь на «заморских территориях» расположены самые засекреченные юрисдикции: Каймановы, Бермудские, Британские Виргинские острова и другие.

Островные карибские государства играют особую роль в оффшорной геополитике Запада⁵. Карибские острова стали «землей обетованной» для вывода активов стратегических предприятий не только из развивающихся стран. В борьбе за выживание в глобальной конкуренции США и Великобритании вынуждены были предпринять меры, чтобы третий мировой финансовый центр — Швейцария — перестала быть желанной и надежной для зарубежных инвесторов. Швейцария

⁵ Дергачёв В. Оффшорная геополитика // Вестник аналитики, 2011, № 4.

вынужденно заключила соглашение с США и Великобританией о предоставлении информации о неуплате налогов клиентами швейцарских банков. В результате начался массовый вывод капиталов из Швейцарии на... Багамские острова и Британские Виргинские острова, находящиеся под юрисдикцией Великобритании.

«Заморские территории» дают возможность Западу контролировать процесс отмывания «грязных денег» в целях манипуляции лидерами тех государств, которые не избежали соблазна использовать «бизнес» на государственных ресурсах в корыстных целях. Если на заре первичного накопления капитала пираты грабили преимущественно драгоценности, то в настоящее время оффшоры Карибского региона используются для грабежа России, Украины и других постсоветских государств путем вывода активов стратегических предприятий в налоговые гавани.

Больше всего пиратские карибские и другие оффшорные форпосты Запады выкачали капитала из России, Украины и Казахстана (1,1 трлн долл.). Если из второй экономической сверхдержавы (КНР) на это потребовалось 40 лет, то для «великолепной постсоветской тройки» — всего 20. Из Латинской Америки (Бразилия, Мексика, Венесуэла, Аргентина) испарилось через оффшоры 1,4 трлн долл.⁶

В 2002 году Великобритания законодательно изменила статус «зависимые территории» на «заморские территории» Соединенного Королевства с предоставлением местным жителям полноценного британского гражданства. Небольшая заморская территория Великобритании в Карибском регионе — Каймановы острова (264 км²) — стала пятым по величине финансовым центром мира, аккумулирующим международный капитал. Полномочия местного правительства, возглавляемого губернатором, ограничены, а реальная власть принадлежит секретным разведывательным службам Великобритании (МИ-6) и США (ЦРУ).

В этом островном оффшоре зарегистрировано 80 тыс. компаний, включая частные фонды (свыше трех четвертей хедж-фондов мира), банки, инвестиционные компании, крупные авиационные компании. Гиганты мирового бизнеса имеют на Кайманах филиалы или дочерние фирмы (Coca-Cola, Procter & Gamble, General Motors, Intel, FedEx, Sprint и др.). Здесь зарегистрировано 47 из 50 крупнейших банков мира с известными брэндами, в том числе Bank of America, Deutsche Bank, Dresdner Bank, UniCredit Bank и многие другие, осуществляющие банковскую и трастовую деятельность. В них сконцентрированы активы

⁶ Шэксон Н. Люди, обокравшие мир. Правда и вымысел о современных оффшорных зонах. — М.: Эксмо, 2011. £13th hoard hidden from taxman by global elite. — URL: <http://www.guardian.co.uk/business/2012/jul/21/global-elite-tax-offshore-economy>

на сумму свыше 1,9 трлн долл. (в четыре раза больше, чем в банках Нью-Йорка).

Среди «заморских» Административная Островов подписала с Комиссией США по ценным бумагам Меморандум об обмене информации, что усиливает возможность Соединенных Штатов по контролю оффшора. Законодательство Островов основывается на Английском Общем Праве. Судом последней инстанции является Тайный совет Великобритании. Скромное пятиэтажное офисное здание Аглэнд Хаус в столице Каймановых островов Джорджтауне многие финансисты сравнивают с Лондонской или Нью-Йоркской фондовой биржей. Особая авангардная роль в оффшорной геополитике, наряду с Кайманами, принадлежит Британским Виргинским островам, где зарегистрировано более 700 тыс., или примерно 40% всех оффшорных компаний мира. Острова особенно популярны у «новых русских».

После Кубинской революции США превратили Ямайку в зону отдыха и развлечений (мини-Кубу) и международный финансовый (оффшорный) центр. В 1976 году на Кингстонской конференции на Ямайке был осуществлен отказ от мировой Бреттонвудской валютно-финансовой системы и переход к новой мировой Ямайской валютной системе плавающих курсов. Таким образом, в названии мировой финансовой системы были отмечены «заслуги» бывшей пиратской столицы. На «респектабельном» оффшорном бизнесе специализируются Американские Виргинские острова, Нидерландские Антильские острова, где на Кюросао зарегистрирован частный инвестиционный фонд известного американского финансового спекулянта Джорджа Сороса.

Было бы наивно думать, что американские и британские спецслужбы не знают, кто, например, из «патриотов» России и Украины вывел свои активы в оффшоры на Британские Виргинские, Каймановы и другие карибские острова. Можно предположить, что спецслужбы Запада делают все возможное, чтобы сохранить тайну вкладов коррумпированных режимов, где правят подпольные миллиардеры. И продлевают им легитимность, если они не мешают выкачивать национальные ресурсы.

Международная организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющая преимущественно высокоразвитые страны Запада, объявила войну секретным оффшорным юрисдикциям. По соглашению ОЭСР с Европейским союзом «Об обмене информацией по налоговым вопросам» конфиденциальная информация не может быть предоставлена третьей стороне, не являющейся членом этих международных организаций. За это Британские Виргинские и Каймановы острова были вычеркнуты из «серого» списка налоговых гаваней. Таким образом, Российская Федерация и постсоветские страны лишены права законным путем получать такую информацию.

Несмотря на объявленную «войну», Мировая финансовая империя Запада продолжает использовать оффшоры для высасывания капитала и активов с «вражеских территорий», в том числе полученных незаконным путем. Как пишет Николас Шэксон в книге «Люди, обокрававшие мир» (2010): «Когда лиса говорит, что проделала отличную работу по усилению безопасности курятника, надо проявлять особую осторожность».

Новый геополитический игрок на «заднем дворе Америки». Латинская Америка превращается в один из ключевых регионов для внешней политики Китая. Внешнеторговый оборот Китая со странами Латинской Америки увеличился за 2000–2012 годы более чем в 10 раз и превысил 150 млрд долл. Наиболее развитые латиноамериканские страны (Бразилия, Мексика, Аргентина) стали главными торговыми партнерами и крупнейшими в регионе рынками потребления китайских товаров. Особое место занимает Венесуэла, ставшая одним из важнейших экспортеров нефти в Китай в обмен на инвестиции из Поднебесной. В энергетическом направлении Китай расширяет сотрудничество с Эквадором и Бразилией, где открыты крупные месторождения нефти на шельфе.

США вынуждены были ограничить проход танкеров с венесуэльской нефтью через Панамский канал в Китай. Поэтому Китай ведет с Колумбией переговоры о строительстве железной дороги (220 км) — дублера Панамского канала — от побережья Тихого океана к побережью Карибского моря, где будет вблизи Картахены создан новый город, специализирующийся на экспорте китайских товаров в Латинскую Америку. С учетом модернизации железнодорожной сети и морских портов Колумбии инфраструктурные проекты Китая оцениваются в 7,6 млрд долл. Их реализация позволит осуществлять крупномасштабный импорт венесуэльской нефти и колумбийского угля и создать китайский торгово-экономический форпост в Латинской Америке.

Мир с Колумбией обеспечивает Венесуэле возможность строительства нефтепровода протяженностью в 3 тыс. км к тихоокеанскому побережью. Поэтому Венесуэла перестала поддерживать повстанцев Революционных вооруженных сил Колумбии (ФАРК) и предложила Боготе участвовать в разработке нового месторождения нефти в бассейне Ориноко. Реализация проекта обеспечит выход к побережью Тихого океана венесуэльской нефти, предназначенной для экспорта в Китай. До настоящего времени китайские супертанкеры шли в Венесуэлу маршрутом через Индийский и Атлантический океаны, огибая Африку.

Будущая сверхдержава. Наиболее динамично развивающимся государством Латинской Америки, входящим в БРИКС, является Бразилия. Страна на протяжении ряда лет демонстрировала высокие темпы

экономического роста, правда, в 2010–2012 годах темпы роста сократились с 7,5 до 1,6%. Совокупная геополитическая мощь Бразилии включает самую крупную в Латинской Америке территорию (8,5 млн км²) и демографическую мощь (201 млн жителей, 2011 год) с самым большим католическим населением мира. Страна занимает 5-е место в мире по площади и населению, 7-е место по ВВП по паритету покупательной способности (2,2 трлн долл., 2010 год), является крупнейшей экономикой в региональной группировке МЕРКОСУР. Тропические леса бассейна Амазонки производят примерно 50% кислорода на Земле. Благодаря Амазонке и другим рекам Бразилия занимает 1-е место на планете по запасам пресной воды. Второе место принадлежит России с сибирскими реками и Байкалом. В 2012 году в Бразилии состоялась очередная Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио+20). Конференция была приурочена к двадцатилетию прошедшего здесь саммита Земли и была посвящена развитию «зеленой экономики».

Бразилия стала девятой страной мира, владеющей полным циклом ядерных технологий. Успешно реализуются программы по созданию атомной подводной лодки и высокоточного оружия, включая ракеты класса «воздух — воздух». Бразилия производит не только для национальных вооруженных сил, но и на экспорт военные самолеты, танки, пусковые установки залпового огня, бронетранспортеры и стрелковое оружие. Бразилия является экспортером других высокотехнологичных товаров. По производству металлов, автомобилестроению, нефтехимии, фармацевтике входит в десятку мировых лидеров, является третьим в мире производителем летательных аппаратов и мировым лидером по производству региональных самолетов. Экспортирует авиационную технику, другие транспортные средства, электроаппаратуру, железную руду, сталь и др. Объем поставок машинно-технической продукции из России сократился до 1% от общей стоимости экспорта, основу которого составляют минеральные удобрения. В свою очередь, Бразилия стала крупным экспортером тракторов в Россию.

Бывший советский человек, привыкший к достижениям отечественной авиации, с трудом воспринимает конкуренцию Бразилии, которая для многих по инерции ассоциируется с карнавалами в Рио-де-Жанейро. Пока в Восточной Европе разгуливало цунами бездумной демократии на фоне деградации авиапрома, Бразильская авиастроительная компания Embraer стала одним из лидеров мирового рынка пассажирских региональных самолетов. Компания успешно конкурирует с канадской Bombardier и вышла на третье место в мире среди поставщиков пассажирских авиалайнеров после компаний Boeing и Airbus. Планируется создание транспортного самолета C-390 с грузоподъемностью в 25 тонн. При реализации этого проекта украинский «Руслан» потеряет лидерство по грузоподъемности. Успехи Бразилии

стали возможными и благодаря «усилиям» России с Украиной, которые разрушили в значительной степени кооперацию в области самолетостроения. И изобрели, каждый по-своему, «велосипеды» — российский «Суперджет» и украинский Ан-148/158.

Бразильская умеренная, социально ориентированная экономическая модель развития с опорой на средний класс и расширение емкого внутреннего рынка находит на континенте все больше сторонников. Примером может служить Перу и Венесуэла, которая в прошлом следовала проамериканским курсом.

* * *

Латинская Америка вышла из «мирового захолустья» и «веков одиночества», став экспортером идей в сфере политики и культуры. Здесь впервые потерпела поражение неолиберальная доктрина, игнорирующая социальные проблемы. Поэтому геополитическая трансформация Латинской Америки представляет особый интерес для России и постсоветских стран, где активно обсуждается проблема евразийской интеграции и создания Евразийского экономического союза.

Расширение американской «зоны жизненных интересов» на весь мир привело к ослаблению политического влияния Вашингтона на бывшем «заднем дворе». Пока Америка дарила демократию евразийским народам, коммунистический Китай начал успешную экономическую экспансию в Латинскую Америку. Несмотря на это, Соединенные Штаты доминируют в экономике большинства стран региона. Сложился определенный геополитический статус-кво Вашингтона и Пекина. Китай не ведет активной экспансии в отношении островных государств (заморских территорий западных стран) Карибского региона, то есть «ближнего заднего двора» Америки и крупнейшего оффшорного центра мира.

Латиноамериканские страны значительно меньше, чем Европа, пострадали от мирового финансового кризиса. Вместе с тем, как считают многие аналитики, благодатные годы относительного процветания региона заканчиваются, наблюдаются тенденции сокращения темпов роста, многие страны начали испытывать дефицит квалифицированной рабочей силы.

Но в целом Латинская Америка, возможно, близка к золотой середине между неолиберальными и левыми моделями развития. После многочисленных проб и ошибок, характерных для молодой цивилизации, Латинская Америка входит в новую эпоху на основе доминирующего учета местной специфики, опоры на собственные, а не на внешние силы.

Тарик РАУФ (Австрия)

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

На протяжении всей человеческой истории всяческие новые технические изобретения и разработки распространялись по всему миру. Нет ничего удивительного в том, что многие новинки техники обязаны своим появлением военной отрасли, а почти все новые разработки имеют свойства двойного использования, то есть могут использоваться как в мирных, так и в разрушительных целях. Более 80 лет назад, с расщеплением атома, ученые и творцы политики сразу же распознали двойственные характеристики атомной энергии. Роберт Оппенгеймер, ведущий ученый запущенного в США проекта «Манхэттен» по разработке первых в мире атомных вооружений, после взрыва первого ядерного устройства «Тринити» 16 июля 1945 года, как передают, сказал: «Я становлюсь Смертью, разрушителем миров».

Эти пророческие слова и сегодня преследуют нас в мире, где девять государств обладают ядерным оружием с числом зарядов около 20 000 единиц. Воистину ирония судьбы, что два лидера времен «холодной войны», Генеральный секретарь Михаил Горбачев (СССР) и Президент Рональд Рейган (США), на исторической встрече на высшем уровне в Рейкьявике в октябре 1986 года были очень близки к соглашению об устранении ядерных вооружений с лица Земли. Большого сожаления достойно то, что отсутствие благоразумия помешало сегодняшним лидерам добиться ликвидации ядерного оружия уже при нашей жизни.

Важно признать, что с начала 1960-х годов, невзирая на все свои различия, Советский Союз и Соединенные Штаты последовательно сотрудничали в предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия. Несмотря на все колебания в двусторонних отношениях во времена «холодной войны», сотрудничество этих держав в сфере ядерного нераспространения никогда не шло на убыль.

Соединенные Штаты, вышедшие из Второй мировой войны одной из трех основных держав-победительниц, и единственные, кто обладал ядерным оружием и кто дважды применил его в августе 1945 года, быстро осознали важность и необходимость предотвращения распространения ядер-

ных вооружений. С этой целью в конце 1940-х, в 1950-х и 1960-х годах проводились многочисленные обсуждения и выдвигались инициативы, начиная с «Плана Баруха» до «Плана Громыко», программы «Атом ради мира» и Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Посредством своей программы (запущенной в 1953 году и осуществлявшейся до начала 1970-х) «Атом ради мира» США оказали содействие осуществлению гражданских ядерных проектов в более 30 странах. Именно в рамках этой программы многие страны, в том числе Германия, Индия, Иран, Израиль, Япония, Пакистан, Южная Африка и некоторые другие, получили возможность подготовить специалистов по ядерной технике. Интересно отметить, что все страны, вызывающие озабоченность с точки зрения возможностей распространения (за исключением Северной Кореи), получали поддержку в ядерном развитии от стран Запада. С другой стороны, Советский Союз делился технологиями мирного использования атома с входившими тогда в его состав республиками и восточноевропейскими союзниками, однако обуславливал это политикой возврата отработавшего ядерного топлива, и, за исключением Северной Кореи, ни один из его партнеров в дальнейшем не разрабатывал и/или не испытывал ядерных вооружений, как то имело место в случае с Индией, Израилем и Пакистаном.

Основанный на совместном советско-американском проекте ДНЯО был открыт для подписания в 1968 году и вступил в силу в 1970 году. Договор устанавливал сложные договоренности между государствами, обладающими ядерным оружием (ГОЯО), и государствами, таким оружием не обладающими (ГНОЯО). ГОЯО обязывались добросовестно вести переговоры по ядерному разоружению, тогда как ГНОЯО обязывались не разрабатывать ядерных вооружений, если только МАГАТЭ не гарантирует, что ядерные программы этих стран целиком и полностью, как и их «неотъемлемое право», предназначены для мирного использования ядерной энергии.

С годами почти все страны мира присоединились к ДНЯО в качестве неядерных государств и представили свои ядерные программы инспекциям МАГАТЭ в подтверждение того, что они остаются мирными. Около 39 стран, рассматривавших в то или иное время возможность создания ядерного оружия, отказались от таких намерений и присоединились к ДНЯО в качестве ГНОЯО, в их число входят Аргентина, Австралия, Бразилия, Швеция и Швейцария. Южная Африка, создавшая шесть ядерных боеприпасов, в 1989 году добровольно демонтировала их и в 1991 году присоединилась к ДНЯО, а Беларусь, Казахстан и Украина отказались от оказавшегося после распада Советского Союза на их территории советского ядерного оружия и присоединились к ДНЯО.

Имеющий 189 государств-участников ДНЯО широко признается как самый представительный и самый успешный договор по контролю

над ядерными вооружениями и разоружению в истории: членами Договора являются все страны мира, за исключением Индии, Израиля, Северной Кореи, Пакистана и Южного Судана. В 1995 году государства-члены согласились придать ДНЯО характер бессрочного договора, согласовали принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения, а также договорились создать зону, свободную от ядерного оружия, на Ближнем Востоке. Все эти договоренности были подтверждены и подкреплены в 2000 и 2010 годах. Следующая конференция о ходе соблюдения ДНЯО состоится в 2015 году.

Даже при расширении членства в ДНЯО договор сталкивается с несколькими трудностями. Программы скрытного создания ядерного оружия были обнаружены в Ираке (1991), Иране (2002), Ливии (2003) и Сирии (2008). Ранее, в 1992 году, Северная Корея воспрепятствовала проведению всеобъемлющей проверки МАГАТЭ. В 2004 году МАГАТЭ расследовало также необъявленную ядерную деятельность в Египте, Южной Корее и Тайване (Китай).

Северная Корея в 2003 году вышла из ДНЯО, отказалась от гарантий МАГАТЭ, произвела три ядерных испытания и, как сообщается, налаживает возможности по обогащению урана в дополнение к заводу по переработке плутония и, возможно, создает новые боеголовки.

Сходным образом в Южной Азии Индия, а за нею и Пакистан наращивают свои ядерные силы. Официально не так много известно о возможностях Израиля обладать ядерным оружием, достаточно сказать, что в его распоряжении находится значительный действенный арсенал способных к доставке ядерных боеголовок.

Часто говорится, что нет никакой «серебряной пули» или «чудотворного решения» для избавления от внутренне присущих напряженности противоречий и рисков скрытых или явных нарушений режима ДНЯО. Вместе с тем, видимо, имеется несколько вариантов уменьшения возможных рисков. Режим ДНЯО окажется нестабильным, если в контексте международной безопасности не перестанет преувеличиваться роль ядерных вооружений. Несмотря на то, что Российская Федерация и Соединенные Штаты намного сократили размещенные ядерные вооружения, при растущем превосходстве США в обычных видах вооружений Российская Федерация колеблется в осуществлении дальнейших сокращений и ставит условием участие в этом процессе всех государств, обладающих ядерным оружием, и свертыwanie противоракетной обороны США. Для сохранения ДНЯО необходим больший прогресс в глобальном ядерном разоружении, отрицание этой простой и ясной реальности в Москве и Вашингтоне способно привести к плачевным результатам.

Около 30 стран располагают 440 ядерными энергетическими установками, судя по прогнозам, существенно возрастет количество ядерных энергетических реакторов и в ряде вновь образовавшихся госу-

дарств. Это вызовет больший спрос на ядерное топливо, распоряжение отработавшим топливом и гарантий со стороны МАГАТЭ. Широко признается, что выработка нового, многонационального, подхода к ядерным топливным циклам станет ключевой мерой, которая позволит справиться с ожидаемым ростом использования ядерной энергии и в то же время укрепит режим ядерного нераспространения.

В январе 2006 года президент Российской Федерации предложил учредить систему международных центров ядерного топливного цикла. В мае 2007 года Россия и Казахстан создали Международный центр по обогащению урана в Ангарске (МЦОУ), дающий гарантированный доступ к обогащению урана государствам — членам ДНЯО без передачи щепетильной технологии или ущемления развития национальных программ ядерного топливного цикла. Позже Украина и Армения вошли в МЦОУ.

Российская государственная корпорация по атомной энергии (РОСАТОМ) 29 марта 2010 года подписала соглашение с МАГАТЭ о создании резерва низкообогащенного урана (НОУ) для поставок через МАГАТЭ государствам, входящим в это агентство. В ноябре 2010 года гарантированный резерв из 120 тонн НОУ стоимостью около 300 млн долл. США был помещен в хранилище МАГАТЭ в Ангарске, которое вступило в строй в декабре того же года после инспекции, проведенной МАГАТЭ. С февраля 2011 года резерв ЛОУ в Ангарске доступен для государств, входящих в МАГАТЭ.

К сожалению, МЦОУ и резерв НОУ в Ангарске не получили должного общественного признания, и если Российская Федерация не возьмет на себя ведущую роль в оглашении выгод данного подхода (равно как и своего ведущего в нем положения), то уже предпринятые ею усилия и данный актив, обошедшийся российской казне в 300 млн долл., будут забыты и пропадут втуне.

Имея в виду длительную перспективу, распространение можно остановить только если мотивация к ядерному нераспространению станет полагаться усиливающейся опорой на дипломатические решения в разрешении конфликтов и устранении насилия — в особенности насилия с использованием или угрозой использования ядерного оружия.

Прискорбны пагубные уроки современной истории. Ирак и Ливия, страны, ни одна из которых не имела ядерного оружия, подверглись нападению и уничтожению со стороны США и их союзников; Ирану, который открыто заявляет, что не станет разрабатывать ядерное оружие, и является субъектом гарантий МАГАТЭ, походя и постоянно шлют угрозы те же страны, у которых все варианты уже на столе; Северная Корея, вышедшая из ДНЯО и проводившая три ядерных испытания, объектом военных угроз не является; Индия, которая наглумилась над своими обязательствами по нераспространению, взорвав ядер-

ное устройство в 1974 году, а в 1998 году провела пять ядерных испытаний, что стало поводом для принятия резолюции Совета Безопасности ООН, была в 2008 году вознаграждена снятием запретов на ядерное сотрудничество в гражданской сфере без каких-либо сопутствующих обязательств по ядерному разоружению (что поставило ее в привилегированное положение как в отношении ГОЯО, так и ГНОЯО в рамках ДНЯО); Пакистану же, который вслед за Индией провел в 1998 году шесть ядерных испытаний (что также дало повод Совету Безопасности принять резолюцию), отказывают в доступе к гражданской ядерной технологии и Запад, и Россия. Отсутствие стандартных объективных подходов является существенным отрывом от политических реалий и пагубно воздействует на укрепление усилий по нераспространению.

Несмотря на растекание ядерных познаний и технологий, технические барьеры на пути ядерного распространения остаются очень значительными. Даже многие развитые промышленные страны натолкнулись бы на существенные технические препятствия, не говоря уж о странах развивающихся — даже при иностранном содействии. Хотя все девять государств, обладающих ядерным оружием, и получали помощь извне в своей деятельности по созданию ядерного оружия, следующие вероятные государства, стоящие за ними в очереди, столкнутся с непреодолимыми препятствиями, будь то политические или технические. Любое новое государство — обладатель ядерного оружия — выйдет из рядов ГНОЯО ДНЯО, будучи под опекой. Этому государству понадобится либо создавать программу скрытного создания ядерного оружия, либо направить требуемое трехмесячное уведомление о выходе из ДНЯО, а это обернется для него строгим сдерживанием.

Самый большой риск исходит из Ближнего Востока и отсрочки Соединенными Штатами проведения в 2012 году конференции с обменом мнениями по созданию в этом регионе зоны, свободной от ядерного оружия. Все четыре недавних случая недостаточного соблюдения ДНЯО (не считая Северной Кореи) связаны с этим регионом, и если не будет продвижения по свободной от ядерного оружия зоне на Ближнем Востоке, то конференция по рассмотрению действия ДНЯО 2015 года, возможно, обречена на провал с отягчающими последствиями для самого Договора о нераспространении ядерного оружия.

И, наконец, ни об одной программе ядерного оружия нельзя сказать, что она вышла непосредственно из ядерной энергетической программы. Разрастание гражданских ядерных энергетических программ не создает крупных рисков распространения. С учетом того, что предоставляемые потребителям ядерной энергии всеобъемлющие услуги будут укреплять нераспространение, содействуя использованию ядерной энергии в целях человеческого развития, наряду с многонациональными подходами к проблемам ядерного топливного цикла.

Андрей СУЗДАЛЬЦЕВ

БЕЛОРУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Республика Беларусь вступила в самый продолжительный внешне-политический конфликт с Евросоюзом и США, что является логичным завершением традиционного геополитического маневра, проводимого белорусским руководством в рамках лимитрофной парадигмы. Начиная с середины 1990-х годов А. Лукашенко, воспользовавшись сложностями диалога между Россией и Евросоюзом, постоянно маневрирует между Востоком и Западом, пытаясь, с одной стороны, оказаться политически востребованным Брюсселем и Москвой, а с другой — получить экономическую поддержку за поочередно декларируемую приверженность то европейским ценностям, то союзническим отношениям с Россией.

За годы существования независимой Белоруссии механизм «маятникового движения» белорусской внешней политики белорусским руководством вполне отработан, и рамки Союзного государства, подразумевающего согласование внешней политики двух стран — партнеров по российско-белорусской интеграции, ему абсолютно не мешают.

Как правило, пик очередного обострения отношений Минска с Западом приходится на период улучшения взаимоотношений с Россией, и наоборот. К примеру, в 2010 году, в разгар тяжелого российско-белорусского кризиса, А. Лукашенко инициировал полномасштабный диалог с Евросоюзом — состоялся визит президента Литвы в Белоруссию. В ноябре 2010 года, за месяц до президентских выборов в Республике Беларусь, в Минске побывали министры иностранных дел Германии и Польши, предложившие А. Лукашенко вступить с Западом в политическую сделку с предоставлением 3 млрд долл. Всего через три недели, в декабре 2010 года, белорусский президент совершил крутой геополитический поворот, согласовав с российским руководством финансово-

ресурсные дотации и преференции в обмен на вступление республики в Единое экономическое пространство (ЕЭП).

Оказавшись в 2011 году в тяжелом структурном экономическом кризисе, несмотря на то, что белорусская экономика в тот период находилась в режиме обширных дотаций со стороны России, белорусское руководство использовало попытки некоторых стран Евросоюза завязать диалог с Минском для очевидного давления на российское руководство. Белорусские СМИ призывали Москву «выполнить союзнический долг» и оказать республике дополнительную финансовую помощь.

Кризис со всей очевидностью продемонстрировал неэффективность функционирования так называемой белорусской социально-экономической модели, основанной на трех основных факторах: открытом доступе к дешевым российским энергоносителям и российскому рынку, закрытом от российских конкурентов внутреннем рынке и монопольном положении государственного сектора в белорусской экономике. Именно такая модель является основой стабильности политического режима А. Лукашенко и не подлежит какой-либо реформации без угрозы сохранению власти в руках правящей в республике группировки.

В июне 2011 года Антикризисный фонд ЕврАзЭС выделил Белоруссии кредит в 3 млрд долл. В декабре того же года Минск согласовал с Москвой особые условия вхождения республики в ЕЭП, предусматривающие доступ к закупкам российской нефти по внутрироссийским ценам, импорт природного газа по самым низким на континенте ценам (165,6 долл. за 1 тыс. куб. м на фоне европейской цены в 400 долл. за 1 куб. м), снятие всех ограничений на поставки белорусского продовольствия на российский рынок, предоставление кредита на строительство АЭС в 10 млрд долл. на 15 лет, реструктурирование задолженности за поставленный в 2011 году природный газ. «Газпром» выкупил второй пакет акций ОАО «Белтрансгаз», монопольного транзитера российского природного газа в Польшу и Литву, за 2,5 млрд долл., что позволило стабилизировать курс белорусского рубля и нарастить золотовалютные ресурсы Национального банка РБ.

Российские преференции и дотации, полученные Республикой Беларусь в декабре 2011 года, создали практически идеальные условия для выживания белорусской социально-экономической модели, но не сняли объективные проблемы, стоящие перед властями республики. С одной стороны, предоставленные Россией огромные преференции и дотации, несмотря на их внушительный объем (более 9 млрд долл.), оказались явно недостаточными для того, чтобы поднять благосостояние белорусского населения до уровня, сопоставимого с российским, что для режима А. Лукашенко является очевидной полити-

ческой проблемой. С другой стороны, предоставленные дотации предназначены для облегчения вступления Белоруссии в ЕЭП, что является серьезной проблемой для правящего в республике режима. Соглашения, подписанные и ратифицированные Республикой Беларусь, фактически ведут к неминуемому реформированию ее социально-экономической модели, что неприемлемо для нынешнего белорусского руководства. Перед Минском со всей очевидностью встала проблема сохранения полученных дотаций при условии неизменности паразитирующей на российских энергоносителях и рынке экономической модели. Решить возникшее противоречие можно только политическим инструментарием, добившись от российского руководства согласия на дальнейшую безусловную и масштабную поддержку белорусской экономики.

С середины 1990-х годов условием для дотирования белорусской экономики являлась декларируемая Минском приверженность российско-белорусской интеграции, с 2000 года — в рамках Союзного государства. С вхождением РБ в систему Таможенный союз — Единое экономическое пространство — Евразийский Союз (ТС — ЕЭП — ЕЭС) добиться сохранения дотаций при сохранении старой постсоветской структуры экономики можно, только подменив условия вступления в евразийскую интеграцию геополитическим маневром в рамках лимитрофной парадигмы. В этом случае статус экономического партнера в интеграционном проекте меняется на геополитический, что позволяет отодвинуть реформу белорусской экономической модели на неопределенное время. В этом заключается механизм постоянного маневрирования официального Минска между Востоком и Западом.

Развернувшаяся в Республике Беларусь эмоциональная информационная кампания против декоративных, в принципе, санкций Евросоюза имела своей целью создать образ Белоруссии как «жертвы» давления Запада, несущей существенные внешнеполитические и внешнеэкономические потери от стремления к единению с Россией.

В 2012 году обстановка для очередного «маятникового» движения Минска на внешней арене была осложнена проходившими в России президентскими выборами. Перед белорусскими властями стояла задача добиться от В. Путина, в чьей победе в Минске никто не сомневался, не только безусловной пролонгации дотирования белорусской экономики, но и снятия с Минска обязательств по реформированию белорусской экономической модели в рамках ЕЭП. Для этого в качестве предлога были использованы экономические и визовые санкции, примененные к Белоруссии странами ЕС и Северной Америки после разгона митинга оппозиции 19 декабря 2010 года и очередного появления в Республике Беларусь политических заключенных. Стоит напомнить, что после того, как А. Лукашенко в четвертый раз занял пост

президента, в тюрьме оказались практически все экс-кандидаты в президенты вместе с членами их предвыборных штабов.

На самом деле экономические санкции, введенные Евросоюзом, не играют какой-либо негативной роли для белорусской экономики. В 2011 году экспорт в страны ЕС белорусских нефтепродуктов, выработанных из российской нефти (основная, наряду с калийными удобрениями, статья белорусского экспорта на западные рынки), увеличился на 40%. Расширение списка невъездных белорусских чиновников, уличенных в репрессиях против оппозиции, никак не сказывается на размахе этих репрессий.

ЕС и США, стремясь сохранить для Европы одного из поставщиков относительно недорогих нефтепродуктов, крайне осторожны в сфере экономических санкций. Но и отказаться от давления на режим А. Лукашенко, демонстрирующего устойчивое нежелание обеспечивать элементарные права человека, Запад не может по идеологическим причинам. С этой целью на встрече министров иностранных дел стран — членов Евросоюза 27 февраля 2012 года было запланировано расширение списка невъездных белорусских чиновников, что с 19 декабря 2010 года делалось неоднократно. Брюссель в очередной раз заявил, что для снятия санкций необходимо не только выпустить политических заключенных, но и реабилитировать их.

Однако уже с середины февраля 2012 года А. Лукашенко начал яростную пропагандистскую кампанию как в белорусском, так и в российском медиапространстве, направленную против западных санкций. Постоянно и наиболее активно выдвигается тезис о том, что Белоруссию «наказывают» санкциями за приверженность сохранению суверенитета и участию в интеграции с Россией. Любопытно то, что официальный Минск при этом умалчивает, что проблема санкций решается освобождением политических заключенных.

Развернувшаяся в Республике Беларусь эмоциональная информационная кампания против декоративных, в принципе, санкций Евросоюза имела целью создать образ Белоруссии как «жертвы» давления Запада, страдающей от стремления к единению с Россией. По традиции такого рода кампании сопровождаются активизацией белорусского лобби в Москве, призывающего не «сдавать» «единственного союзника», а поддержать его политически и экономически. Понятно, что от «жертвы» как-то неудобно добиваться выполнения соглашений по вступлению в ЕЭП. Учитывая антизападную риторику российской предвыборной кампании, Минск был вправе рассчитывать на полную поддержку со стороны российского руководства.

Однако Москва не торопилась. Только 24 февраля 2012 года появилось весьма осторожное совместное заявление президентов России и Белоруссии, выражающее общее осуждение санкций в международ-

ных отношениях, что не могло устроить официальный Минск¹. По мнению официального Минска, о поддержке Белоруссии должен был жестко и вызывающе заявить В. Путин, а не Д. Медведев. Возникло ощущение, что Москва не желает ввязываться в разгорающееся на глазах противостояние между Минском и Брюсселем. Надежды сравнить Россию и Запад по белорусской теме оказались под угрозой. Буквально через четыре дня после появления совместного заявления президентов России и Белоруссии ситуация была дестабилизирована.

Кризис спровоцировали события 28 февраля 2012 года. В этот день министры иностранных дел стран — членов ЕС, убедившись, что политические заключенные по-прежнему остаются в белорусских тюрьмах, расширили визовые санкции еще на двадцать одного белорусского чиновника. В резонанс с санкциями Брюсселя в газете «Московские новости» появилась статья В. Путина «Россия и меняющийся мир», посвященная внешней политике Российской Федерации, где не нашлось места Минску. А. Лукашенко потребовался внешнеполитический скандал. Уже 29 февраля белорусская сторона потребовала выезда из страны «для консультаций» послов ЕС и Польши. В ночь на 1 марта 2012 года Республику Беларусь в знак солидарности с Варшавой и Брюсселем покинули все послы Евросоюза. А. Лукашенко в очередной раз с надеждой обратил свой взор к Москве...

К очевидному разочарованию белорусского руководства из России до завершения российской предвыборной кампании так и не последовало каких-либо официальных заявлений. 1 марта, за три дня до выборов, В. Путин, отвечая на вопрос одного из представителей белорусского лобби, отметил, что взаимоотношения Белоруссии и Евросоюза не касаются Единого экономического пространства².

Однако к середине марта ситуация резко изменилась — на внешнеполитическую арену вышел вновь созданный интеграционный проект. 11 марта на неустанные просьбы Минска откликнулись партнеры по Единому экономическому пространству (ЕЭП). Правительства России, Казахстана и Белоруссии сделали совместное заявление о недопустимости экономических санкций против одного из членов интеграционной группировки³. В тот же день с почти аналогичным заявлением выступил МИД России. Любопытно то, что в заявлении внешнеполитического ведомства Российской Федерации речь уже идет об угрозе экономической безопасности государств ЕЭП. В Минске сразу же под-

¹ РФ, Белоруссия и Казахстан считают недопустимыми санкции против Минска // РИА Новости, 11.03.2012.

² URL: http://www.akm.ru/rus/news/2012/march/01/ns_3879770.htm

³ МИД: Санкции Запада против Белоруссии угрожают безопасности стран ТС // Взгляд, 11.03.2012. — URL: <http://ria.ru/world/20120311/591331203.html#13588797890962&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>

хватали аспект безопасности нового интеграционного блока. Уже на следующий день в Белоруссии появились комментарии, увязывающие введение санкций против Белоруссии с Будапештским меморандумом 1995 года, фиксирующим гарантии Республики Беларусь, отказавшейся в середине 1990 годов от ядерного оружия. Таким образом, фактически была сделана заявка на право белорусского президента иметь политических заключенных в центре Европы по причине неядерного статуса Республики Беларусь⁴.

В итоге Евросоюз вошел в режим эскалации кризиса с РБ, продолжая готовить расширение визовых санкций. 23 марта 2012 г. на очередном заседании Совета министров иностранных дел въезд на территорию ЕС был запрещен группе белорусских олигархов. Требования Брюсселя к Минску остаются прежними и касаются исключительно освобождения и реабилитации политических заключенных. При этом никаких реальных экономических санкций ЕС в отношении Белоруссии до настоящего времени не планирует.

В то же время официальный Минск смог навязать Москве и Астане собственное видение своего конфликта с Брюсселем, подменив реальные визовые санкции за политические репрессии на мифические экономические. По этому поводу правящую группировку Белоруссии охватило ликование. В частности, 11 марта появилось откровенное заявление политолога С. Кизимы о том, что «белорусская внешняя политика может влиять на российскую внешнюю политику»⁵. Официальные белорусские публицисты, вроде В. Гигина, пользуясь безнаказанностью, стали угрожать Западу российским оружием: «Давно что-то не было новостей о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Настало, пожалуй, время усилить эту организацию и провести крупномасштабные учения...».

Оказавшись в роли виртуальной «жертвы» экономического давления Запада, А. Лукашенко смог претендовать на новые дотации и преференции со стороны России, откладывая реализацию соглашений об интеграции Белоруссии в Единое экономическое пространство до очередного спровоцированного кризиса с Западом.

Разрешение дипломатического кризиса с Евросоюзом произойдет не между Минском и Брюсселем, а по доброй воле Москвы. Как только А. Лукашенко получит новую долю безвозмездной экономической поддержки со стороны России, надобность в конфликте с Западом отпадет и послы вернутся в Республику Беларусь.

⁴ URL: <http://pernum.pf/news/fd-abroad/kazakhstan/1508824.html>

⁵ URL: <http://www.ctv.by/новости/эксперт-белорусская-внешняя-политика-может-влиять-на-российскую-внешнюю-политику>

Александр ОСЬКИН

ЛЕВЫЕ ПАРТИИ В ПОЛЬШЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

На Первомай 2013 года в Польше увидел свет пилотный выпуск новой газеты — единственной на текущий момент левой газеты в стране. Общенациональная «Ежедневная трибуна» (*Dziennik Trybuna*), как сообщило РИА «Новости», будет выходить тиражом 50 тысяч экземпляров. Главный редактор издания известный польский журналист Роберт Валенчяк (*Robert Walenciak*) считает, что проект будет востребован — по его словам, 20–25% избирателей придерживаются левых взглядов.

Соцопросы демонстрируют примерно те же результаты. Более того, ряд экспертов отмечает, что и в целом польское общество благосклонно к левой риторике. В частности, в 2009 году опрос, проведенный CBOS (Центр изучения общественного мнения (*Centrum Badania Opinii Społecznej*)), показал, что поляки в большинстве своем выступают за бесплатное образование и здравоохранение и четкое разделение государства и церкви, и одновременно против безработицы, быстрой приватизации и повышения пенсионного возраста. Однако левые партии в Польше, по большому счету, с 2005 года на политической арене заметной роли не играют.

Истоки нынешних неудач левого движения, несомненно, лежат в прошлом. После разгрома Польской объединенной рабочей партии (аналог КПСС) в конце 80-х годов XX века левые довольно быстро оправились — уже в 1993 году пришла к власти, выиграв парламентские выборы, партия Социал-демократия Республики Польша (СДРП; *Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej*). В 1999 году Лешек Миллер (*Leshek Miller*) объявил о создании новой партии — Союза левых демократов (*Sojusz Lewicy Demokratycznej*; часто переводится на русский как Союз демократических левых сил). В 2001 году коалиция СДЛС и Союза труда (*Unia Pracy*) победила на парламентских выборах, получив 216 из 460 мест в Сейме и 75 из 100 — в Сенате. Премьер-министром стал Лешек Миллер. 2 мая 2004 года, на следующий день после официально-

го присоединения Польши к Евросоюзу, Миллер подал в отставку. Новым премьер-министром стал другой представитель СЛД, бывший министр финансов Марек Белька (Marek Belka). На парламентских выборах 2005 года партия потерпела сокрушительное поражение, получив 55 из 460 мест в Сейме и ноль мест в Сенате. После этого партия перешла в оппозицию. В 2006 году левоцентристские партии создали коалицию «Левые и демократы» (Lewica i Demokracja). На парламентских выборах 2007 года «Левые и демократы» получили 53 из 460 мест в Сейме и ноль мест в Сенате. В 2008 году коалиция распалась. На выборах 2011 года СЛД вел Гжегож Наперальский (Grzegorz Napieralski), молодой глава партии, однако избиратели не оказали существенной поддержки, СЛД едва преодолел пятипроцентный барьер.

В целом современная польская история показывает не только неумение левых удерживать власть, но и, в некотором роде, отход их от своих идеалов. Один из лидеров СДРП Александр Квасьневский (Aleksander Kwaśniewski) стал президентом Польши в 1995 году и руководил страной в течение двух пятилетних сроков. Как признавался сам Квасьневский, фактически левым приходилось вести либерально-демократическую политику, сохраняя курс на реформирование общественно-политического строя и сближение со странами Евросоюза, и многие их сторонники «почувствовали себя брошенными». «Польские левые политические силы активно участвовали в переменах и сделали много полезного. И заплатили высокую политическую цену... Мы платим цену, которую взяли на себя за поддержку либеральных экономических реформ», — говорил экс-президент Польши в интервью «Интерфаксу» в 2009 году.

После 2005 года на парламентских выборах левые стабильно показывают скверные результаты, скатываясь с третьего места на пятое. На уровне поддержки партии избирателем сказывается не только неприятие либерального курса называвших себя левыми президента и премьер-министра, но и громкие коррупционные скандалы. СЛД постепенно, но верно уходит во вторую лигу польской политики. Национал-консервативная «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość) и неолиберальная «Гражданская платформа» (Platforma Obywatelska), по сути, сформировали двухпартийную модель, схожую с американской, и левые силы не могли ничего им противопоставить в течение длительного времени. Более того, некоторые политологи ожидали окончательного распада левого движения.

На этом фоне особенно впечатляющим кажется успех на выборах 2011 года Движения Паликота (Ruch Palikota) — нового левого объединения, дистанцировавшегося от старой посткоммунистической гвардии. Со скандалом выйдя из «Гражданской платформы», нынешней правящей партии, миллиардер Януш Паликот (Janusz Palikot),

которого называют алкогольным королем республики, всего за год сумел привлечь достаточно избирателей, чтобы войти в Сейм с 40 мандатами (тогда как СЛД досталось только 27). Паликот на политической сцене Польши играет роль, как метко заметил «Эксперт», *enfant terrible* [6]. В польском языке даже появился термин «паликотизация», означающий вульгарное поведение и использование ненормативной лексики в публичных местах.

Лозунги политической программы Паликота поначалу воспринимались скептически, но при всей их экстравагантности для польских реалий оказались востребованы обществом. В частности, политик призывает к радикальной деклерикализации общества, легализации «парتنерских союзов» для гетеро- и гомосексуальных пар, либерализации закона об абортах, финансирования из госбюджета экстракорпорального оплодотворения, свободного доступа к контрацепции, бесплатного доступа в Интернет. Вместе с тем есть и более привычные требования — уравнивание женских и мужских пенсий, борьба с бюрократией, поддержка малого предпринимательства, увеличение бюджетного финансирования культуры, борьба с бюджетным дефицитом, сокращение расходов на оборону до 1% ВВП и прекращение участия республики в военных операциях за рубежом.

Любопытно, что в движение вошли не популярные или известные массовой аудитории политики, а представители различных категорий населения, включая представителей секс-меньшинств (гей-активист Роберт Бедронь; Robert Biedroń) и одного транссексуала (Anna Grodzka; Анна Гродская). И в консервативной Польше менее чем за год новая партия сумела пробиться в пятерку ведущих политических сил страны.

Победа Движения Паликота показала, что, во-первых, политик может противостоять давлению церкви и получить поддержку электората и, во-вторых, что молодежи с левыми настроениями требуются новые лидеры, харизматичные и яркие, тогда как прежние не готовы разделять их убеждения.

Особенно это касается именно вопросов взаимоотношений общества и церкви. В программе Движения Паликота содержатся обещания, неожиданные для католической Польши. Так, партия обещает добиться прекращения финансирования религиозных организаций, прежде всего католической церкви, отмены религиозного образования в школах, возвращения земель, полученных церковью за последние 20 лет, и уменьшения влияния церкви на политику. «Тот факт, что Паликот провел в Сейм столько депутатов, свидетельствует о серьезных изменениях в обществе и публичной сфере. Многие партии руководствовались оборонительной стратегией, избегая конфликтов и даже дискуссий с церковью. Паликот пошел в лобовую атаку, и оказалось, что это

ему не повредило», — писала «Газета wyborcza» (Gazeta Wyborcza, 12.10.2011).

Янушу Паликоту удалось создать образ церкви как паразитирующего института, расходы которого перенесены на плечи работающих граждан страны. Одно из требований — обложить доходы церкви и ксендзов налогами наравне со всеми — нашло отклик в сердцах избирателей даже в традиционно католических регионах. «Неприязнь к костелу — это такая скрытая правда, — говорит Януш Паликот. — Люди не хотят костела, и чем меньше город, тем хуже относятся к приходскому священнику. Мы поняли, что это не просто мои взгляды, а реальная позиция многих людей. Кроме того, костел открыто ввязался в президентскую кампанию на стороне Ярослава Качиньского. В разных приходах священники прямо агитировали голосовать за него. Где-то даже говорили, что проголосовавшие за Бронислава Коморовского не получают отпущения грехов. Эта возрастающая партийная ангажированность костела привела к тому, что у меня, человека неверующего, но всегда относившегося с уважением к церкви, взгляды поменялись» [6].

Ежи Урбан (Jerzy Urban), главный редактор польского политикосатирического еженедельника *Nie*, так прокомментировал результаты парламентских выборов 2011 года: «Для Польши очень важно падение мифа о том, что любой бросающий вызов церкви неизбежно проигрывает. Одно это является исторической заслугой Януша Паликота. Он доказал, что демократия не означает зависимость от церкви. Диктат духовенства уже не будет давить на политическую жизнь в Польше как надгробная плита, и это скажется на курсе правящей «Гражданской платформы» [8].

В области экономики Паликот предлагает ввести плоскую шкалу налогообложения в размере 18% для трех основных налогов — НДС, подоходного и налога на прибыль. В области внешней политики партия занимает направление, противоположное традиционному. Паликот заявляет, что полякам нужно отказаться от убеждения, что главным их союзником выступают США, так как Польша не получает выгод от этого союзничества, вывести войска из Афганистана, завершить участие в ПРО и сотрудничать с соседями — Россией и Германией.

Почти все эти лозунги еще несколько лет назад считались бы «антипольскими» и, по убеждению экспертов, гарантировали бы провал любому политику, но в 2011 году таким образом Движение Паликота мобилизовало себе 10% сторонников. Социолог Януш Чапинский (Janusz Szapiński) считает, что «своими посланиями Паликот затронул очень большую группу поляков, которые не дождались подобных предложений от других больших партий [4]. Он получил поддержку особенно у молодых поляков, которым надоел затхлый политический воздух».

Вместе с тем, велико число тех, кто считает Паликота ненастоящим левым, поскольку еще недавно он состоял в рядах неолиберальной «Гражданской платформы» и отстаивал не социалистические, а либеральные ценности. Но, похоже, движению удалось найти привлекательный для многих баланс между социальной и либеральной идеологией, во всяком случае — в своей программе. Пока движение не имеет достаточно голосов в парламенте для немедленного осуществления своих обещаний. Это понимает и его лидер, после выборов заявивший: «Нам не удастся выполнить всю нашу программу, но мы попытаемся выторговать хотя бы что-то».

Впрочем, левые настроения в обществе настолько сильны, что это приходится учитывать всем политическим силам. Например, в ходе президентской кампании 2010 года им пытались потакать оба главных кандидата — и Ярослав Качиньский (Jarosław Kaczyński), и Бронислав Коморовский (Bronisław Komorowski). Особенно ярко это проявилось после первого тура, когда третье место занял молодой кандидат СЛД Гжегож Наперальский — за него отдали голоса более 2 млн избирателей.

Наперальский стал кандидатом от Союза левых демократов после гибели в авиакатастрофе под Смоленском прежнего кандидата Ежи Шмайдиньского (Jerzy Szmajdziński). В поддержку своей кандидатуры Наперальский собрал более 380 тысяч подписей при требуемых 100 тысячах. Его поддержали также Партия регионов, партия «Союз труда», генерал Войцех Ярузельский, «Зеленые-2004». Молодой левый политик — ему еще нет и 40 лет — во время президентской кампании активно выступал в Интернете, пытаясь привлечь юных избирателей. Да и в целом на фоне уже поднадоевших кандидатов от «Гражданской платформы» и «Права и справедливости» выглядел более живым. В итоге Наперальский занял третье место в первом туре. Однако, как показывают исследования, новый избиратель СЛД — человек 18–35 лет, голосующий за левых скорее на волне эмоционального протеста против усиления засилья церкви и насаждения традиционных ценностей, — в 2011 году поддержал Паликота, и на парламентских выборах СЛД занял только пятое место в Сейме, не получив ни одного места в Сенате. Кое-кто увидел в этом провале персональную вину лидера партии. Как писала в своей статье для «Polska The Times» Дорота Ковальская (Dorota Kowalska), «Гжегож Наперальский, председатель СЛД, после прекрасного результата на президентских выборах, чувствовал себя более чем уверенно; кое-кто даже менее дипломатично добавляет, что, как это часто бывает, «ему ударила в голову содовая и он уже видел себя в роли вице-премьера».

В любом случае он держал партию сильной рукой, не терпел инакомыслия, а со своими потенциальными соперниками не считался или, в

лучшем случае, вытеснял на обочину политической жизни» [5]. К слову, после этих выборов Наперальский снял с себя полномочия лидера СЛД, и на этот пост вернулся Лешек Миллер, возглавлявший партию в 1998–2004 годах (и бывший при президенте Квасьневском премьер-министром в 2001–2004 годах). Однако большая часть наблюдателей и экспертов склоняются к мысли, что левое движение в целом нуждается в глубоком и срочном реформировании.

Нынешняя программа СЛД вполне традиционна для левых. Партия высказывается за вмешательство государства в экономическую жизнь страны в качестве инвестора, а также как регулятора общественной рыночной экономики, сторожа права и экономического порядка, хозяйственного стратега. Поддерживает идею о прогрессивном налоге на доходы физических лиц. Выступает за налоговые льготы для предпринимателей, больше инвестирующих в экономику страны. Кроме того, СЛД выступает за большие гарантии для наемных работников, в том числе в конфликтах с работодателем.

Во внешней политике программа СЛД ориентирована на тесную интеграцию с Евросоюзом. Главная цель партии в этом направлении — сохранение стабильной позиции Польши на международной арене. Вместе с тем СЛД ратует за укрепление независимости и суверенитета Республики, использование международного сотрудничества для экономического развития страны, устранение внешних угроз, а заодно и более тесное взаимодействие с ближайшими соседями — Германией и Россией.

В общественных вопросах партия высказывается за уравнивание статуса женщин и мужчин в обществе, в том числе за введение в школах сексуального образования, общее внедрение программ профилактики и охраны здоровья женщин, а также более широкий доступ к контрацепции и ЭКО и более развернутый перечень оснований для разрешения аборт.

Следуя своей программе, СЛД пытается найти и новые пути развития. Партия единственная поддержала варшавский гей-парад, начала диалог с Зелеными (Partia Zielonych) и Партией Женщин (Partia Kobiet) — самыми крупными группировками, выступающими за европейскую модель польской левой партии.

Политологи отмечают активность всех левых объединений в Польше в текущем году и считают, что в их стане грядут решительные перемены. В июне должен состояться объединенный конгресс — его собирает Союз левых демократов. СЛД рассчитывает на участие более чем 130 организаций — политических партий, профсоюзов, ЛГБТ-объединений, ассоциаций для женщин, фондов левых, бизнес-ассоциаций и экологических движений. До начала съезда будет организована «Неделя левых», во время которой по всей территории Польши пройдут ярмарки, конференции и лекции.

Не все верят в успех предприятия. Например, Янина Парадовская (Janina Paradowska), известный польский публицист, считает, что СЛД не сможет собрать все левые силы на своем конгрессе и соответственно не сможет привести их под свое крыло, хотя и к Паликоту они, по ее мнению, будут присоединяться неохотно.

Интересное заявление сделала недавно профессор Магдалена Шрода (Magdalena Środa) — философ, этик, придерживающаяся левых взглядов и выступающая с резкой критикой католического засилья в стране. Она призналась, что получила приглашение в президиум Конгресса, но отказалась, так как перед такого рода мероприятием должна быть подготовлена конкретная программа. «Я не могу понять, чем заняты левые, — говорит профессор Шрода. — Я все время жду какой-то программной декларации или нового содержания, хотя бы увидеть новые лица, которые будут гарантировать, что у них есть некоторые идеи. А тем временем я вижу те же старые лица, хотя не хочу никого дискриминировать из-за возраста».

Некоторые наблюдатели видят в идее конгресса левых сил атаку старой гвардии на возвращающегося в политику Александра Квасьневского. Этой весной экс-президент и Януш Паликот объявили о создании в связи с грядущими в 2014 году выборами в Европарламент движения «Европа Плюс» (Europa Plus), призванного, как сообщает русская служба Polskie Radio dla Zagranicy, «восстановить равновесие на польской политической сцене, где доминирующие позиции занимают сегодня две партии». И в этой европарламентской левоцентристской инициативе СЛД увидел себе конкурента.

Квасьневский и Миллер давно ведут спор о том, на кого должны опираться левые — на широкие круги избирателей, как считает экс-президент, или надежный и стойкий партактив, как уверен экс-премьер.

Миллер не может отказаться от концентрации на тех кругах, которые комфортно существовали при ПОРП, однако играть на струнах ностальгии долго нельзя, польский избиратель молодеет и ему интереснее смотреть в будущее. Тем опаснее для Миллера конкурировать не с Паликотом, которого многие по-прежнему не слишком серьезно воспринимают, а с опытным бойцом левого фронта Квасьневским. Как президент последний всегда пользовался беспрецедентной поддержкой электората, его почти не коснулись коррупционные скандалы, выведшие СЛД в оппозиционное поле. С другой стороны, акцент на противостоянии Квасьневского и Миллера временно уводит в тень Паликота, что, в общем-то, выгодно главе СЛД.

Северин Блюмштайн (Severin Blumstein), в прошлом деятель оппозиции, член легендарного Комитета защиты рабочих, со страниц «Газеты выборчей» предрекает, что левое движение возродится на улицах, а не в партийных кулуарах: «Польское левое движение смо-

жет возродиться только вне партийных кругов и, наверное, начнет свой ренессанс на улице. Но появиться оно должно, так как без него Польша не только будет менее справедливой, но и анахроничной. Ведь сегодняшний мир все чаще и чаще задается левыми вопросами» [2].

Очевидно, раз спрос в польском обществе на левые идеи столь силен, что порой перевешивает приверженность традиционным ценностям католичества, кто-то должен его удовлетворять, а значит, левым партиям на покой пока рано. Ну и левая газета получит своих читателей.

Литература

1. *Андреев И.* Выборы в Польше и запрос на новых политических игроков в ЕС. — 14.10.2011. — Российский совет по международным делам. — URL: http://russian-council.ru/inner/index.php?id_4=50#top
2. *Блюмштейн С.* Кто такой Наперальский? // «Газета выборча», 2011, № 237.
3. *Верник О.* Феномен Паликота и перспективы трансформации левого фланга польской политики. — 12.10.2011. — Агентство политических новостей. — URL: <http://www.apn.ru/publications/article25084.htm>
4. *Иванов С.* Кто такой Паликот? — 28.10.2011. — URL: <http://www.nv-online.info/by/223/printed/>
5. *Ковальская Д.* В Союзе наступило время перемен, но без революций // Polska The Times, 2011, № 82.
6. *Кувалдин С.* Дорога от костела // Эксперт, 2011, № 47 (780).
7. *Парадовская Я.* 2013 в Польше должен стать годом левых // Перевод News-Balt.ru. — 12.02.2013. — URL: <http://www.news-balt.ru/detail/?ID=8201>
8. *Романова И.* Феномен Движения Паликота в Польше. — 24.05.2012. — URL: http://www.stratagema.org/publications/political-technology/item_2148.html

Евгений КАНАЕВ

ТРЕТЬЕ ЯДЕРНОЕ ИСПЫТАНИЕ КНДР: ВЫЗОВЫ, ОТВЕТЫ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Третье ядерное испытание КНДР, проведенное 12 февраля 2013 года, стало одновременно ожидаемым и неожиданным событием. Ожидаемым — потому, что возможность его проведения эксперты стали активно обсуждать сразу же после неудачных ракетных пусков Пхеньяна в апреле прошлого года. К мысли же о его неожиданности подталкивает анализ реакции международного сообщества, оказавшегося неспособным предложить качественно новые концептуальные подходы к проблеме, адекватные сложившейся ситуации.

Специфика последней такова, что острота северокорейской ядерной проблемы может быть снижена только при одновременном укреплении всей системы безопасности в Северо-Восточной Азии. Актуальной задачей становится создание субрегиональной площадки многосторонней дипломатии, назначением которой была бы выработка ключевыми субъектами политики, экономики и безопасности азиатского северо-востока общих подходов к проблемам, требующим коллективных решений.

Такая ситуация отвечает интересам Российской Федерации, провозгласившей участие в формировании в СВА эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества важным направлением своей азиатско-тихоокеанской политики.

Обобщая высказывания и действия международного сообщества в ответ на третье ядерное испытание КНДР, можно сгруппировать их по трем направлениям.

Первым из таковых стали призывы к возобновлению Шестисторонних переговоров, приостановленных весной 2009 года. Об этом, в частности, заявили Россия и Китай, хотя потребность координировать действия с партнерами по Шестистороннему процессу отметили и другие его участники. Такие консультации рассматриваются как возмож-

ность подтолкнуть КНДР свернуть развитие своих ядерных программ и вернуться в режим ДНЯО и гарантий МАГАТЭ.

Второе — новые санкции, наложенные на Пхеньян. Так, Резолюция СБ ООН 2094 дополняет антисеверокорейские санкции, прописанные в Резолюциях 1718 и 1874. Новая Резолюция расширяет меры, призванные затруднить торговую и финансовую деятельность Северной Кореи, а также круг физических и юридических лиц КНДР, попадающих под въездные и финансовые санкции. Резолюция оговаривает возможность введения новых санкций в случае, если Северная Корея продолжит ракетные пуски или ядерные испытания.

Наконец, третьим направлением стали шаги со стороны США и их союзников, нацеленные на оказание на КНДР «демонстрационного эффекта». Они выразились в наращивании американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии и АТР, а также укреплении связей между Вашингтоном и его региональными партнерами. Так, Вашингтон озвучил планы усилить свою систему ПРО, размещенную на о. Гуам, новыми компонентами, которые дадут возможность заатмосферного перехвата ракет средней дальности. Происходит расширение масштабов и повышение качества военного сотрудничества США с Японией и Республикой Корея. Применительно к последней особую пищу для размышлений дают формулировки принятого Вашингтоном и Сеулом в мае 2013 года Совместного заявления по части 60-летия американо-южно-корейского альянса: этот документ не только поощряет стороны к укреплению военных связей, но и, фактически, подталкивает Южную Корею присоединиться к глобальной системе американской ПРО.

Эти подходы можно считать основными компонентами инструментария, посредством которого международное сообщество рассчитывает воздействовать на Северную Корею и развитие ею своих ядерных программ. Между тем, ни один из этих подходов в отдельности — равно как их сочетание — не будет эффективным. Причины таковы.

Возобновление Шестисторонних переговоров в нынешних условиях представляется бессмысленным. Хотя бы потому, что практика показала: присутствие на них КНДР не остановило Пхеньян от модернизации своего ядерного потенциала. Переговоры шли своим чередом, а северокорейские ядерные наработки — своим. Параллельно между пятью участниками переговоров обнаружились глубокие расхождения, чем успешно пользовалась северокорейская дипломатия. А в основных документах, принятых по итогам этих заседаний и рассматривавшихся как едва ли не качественный прорыв в решении проблемы, не прописаны ни четкие сроки, ни механизмы ликвидации северокорейского ядерного оружия. В итоге развитие событий пошло по устойчивому алгоритму: провокации КНДР и кризис — переговоры и

последующий демонтаж некоторых компонентов ядерной инфраструктуры в обмен на предоставление помощи — новые провокации и кризис. Так что Шестисторонние переговоры не смогли достичь своей основной задачи, и их возобновление вряд ли изменит ситуацию.

Едва ли будут эффективными и новые санкции. Для Северной Кореи санкции уже давно стали привычными и не воспрепятствовали развитию ее ядерного потенциала. Ведь санкции, по большому счету, проходят незамеченными: внешнеэкономические связи КНДР ограничены, санкции не затрагивают материальное положение северокаорейской элиты, а среднего класса, который мог бы пострадать от наложенных ограничений и повлиять на власть, в стране просто нет. Что же касается большинства населения, то последствия как предыдущих и нынешних, так и возможных новых санкций оно вряд ли почувствует — доходы государства не имеют отношения к подавляющей массе простых северокаорейцев, чье полуголодное существование давно стало нормой жизни как для них самих, так и для власть предержащих.

Наконец, давление на Пхеньян, равно как и демонстрация его возможностей, едва ли даст желаемый результат. Практика показала, что в таких случаях КНДР становится лишь более неуступчивой: в ответ на внешнюю угрозу Пхеньян наращивает усилия, нацеленные на укрепление безопасности страны, в том числе — развивая свои военные ядерные программы.

Так что прежний инструментарий, уже показавший свою невысокую эффективность, вряд ли сможет принести заметные перемены в состоянии проблемы. Необходимы новые подходы, исходящие из нынешних реалий и адекватные им.

В практическом плане таким подходом могло бы стать возобновление переговоров между участниками шестистороннего процесса, но в ином формате: с участием пяти держав, без Северной Кореи. В этом есть объективная потребность, и у такого формата уже сформирована институциональная основа.

Потребность в таких переговорах обусловлена объективной реальностью: северокаорейскую ядерную проблему невозможно решить без создания эффективно работающего механизма обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Необходим комплексный подход, нацеленный на выстраивание и развитие такой системы, при одновременном отлаживании механизмов согласования интересов ее участников в решении актуальных проблем субрегиона. На это и должна быть нацелена работа пяти держав, которую можно проводить и без участия Северной Кореи.

Что же касается институциональной стороны вопроса, то основой для таких переговоров могла бы стать «пятая рабочая группа» под названием «Механизм обеспечения мира и безопасности в Северо-

Восточной Азии», созданная участниками шестистороннего процесса в начале 2007 года. Председателем этой рабочей группы является Российская Федерация.

Важный дополнительный аргумент в пользу скорейшего создания эффективной переговорной площадки по обеспечению субрегиональной безопасности: последствия третьего — по всей вероятности, не последнего — ядерного испытания КНДР привнесли серьезные последствия не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, но и мира в целом.

Анализируя их, будем отталкиваться от двух исходных посылок.

Первая из них такова: Северная Корея действительно совершила заметный прогресс в развитии своих военных ядерных программ. В этой связи показательны следующие экспертные оценки: если мощность первого и второго ядерного испытания, проведенных в 2006 и 2009 годах, составила менее одной килотонны и две килотонны соответственно, то мощность третьего колебалась в диапазоне 6–7 килотонн. В целом же нынешний северокорейский ядерный потенциал оценивается в диапазоне от шести до десяти ядерных боеприпасов с плутониевыми запасами импловизирующего типа. Так что, если какое-то время назад у международного сообщества были сомнения в самом наличии у Северной Кореи ядерного оружия, то сейчас этот факт бесспорен.

Справедливости ради отметим, что проведенные ранее работы по демонтажу некоторых элементов ядерной военной инфраструктуры КНДР едва ли позволят северокорейским специалистам в сжатые сроки нарастить темпы выделения плутония и создания новых боеприпасов. Что касается урановой ядерной программы, то она находится на начальной стадии освоения. И все же главное — переход этих работ в новое качество по сравнению с тем, что они представляли собой еще совсем недавно.

Второй момент заключается в том, что КНДР не только не откажется от своих военных ядерных программ, но и рассчитывает в перспективе вывести их на качественно новый уровень. К такому выводу подталкивает провозглашение в марте-апреле 2013 года пхеньянским руководством курса на параллельное развитие экономики и ядерных вооружений, а также внесение поправок в Конституцию КНДР, закрепивших ядерный статус страны.

Все это принесет значительные последствия не только для региона, но и мира в целом. Выделим основные из них.

Во-первых, сузятся возможности международного сообщества наладить с КНДР конструктивный диалог, по мере его развития разрабатывая новые сферы и направления. Как уже было отмечено, в нынешней ситуации возобновление Шестисторонних переговоров, которые не

только служили регулярным каналом коммуникации между Северной Кореей и ведущими региональными державами, но и были нацелены на ее «международную социализацию», утратило смысл. Призрачны перспективы сотрудничества между КНДР, РК и РФ в реализации инфраструктурных проектов на Корейском полуострове — соединении Транскорейской и Транссибирской железных дорог и прокладке газопровода из России в Южную Корею через территорию КНДР. Наконец, остановлена работа промышленной зоны Кэсон — основного международного проекта, нацеленного на вовлечение КНДР в процессы экономической кооперации азиатского северо-востока.

Сужение возможностей Северной Кореи вести диалог с внешним миром важно и в ином контексте. Руководство КНДР не может не осознавать насущную потребность поддерживать на плаву экономику страны, находящуюся в состоянии глубокого системного кризиса. Следовательно, и сценарий, при котором Северная Корея может попытаться осуществить рыночные реформы или их отдельные компоненты, полностью исключать нельзя. Однако судьба этих попыток может оказаться незавидной — не в последнюю очередь потому, что иностранный капитал в страну, с высокой долей вероятности, не пойдет. Серьезному бизнесу нужны серьезные гарантии. А их как раз нынешнее руководство КНДР дать не может.

Во-вторых, просматривается реальная перспектива геополитической поляризации АТР. Можно обоснованно прогнозировать дальнейшее укрепление системы военно-политических альянсов между США и их союзниками, наращивание военного присутствия США в АТР в количественном и качественном отношении, дальнейшее развитие и совершенствование американской системы ПРО на Тихом океане. Все это логично приведет к усилению элементов соперничества в отношениях между Китаем и США по широкому спектру вопросов региональной политики и безопасности. Что, несомненно, затруднит реализацию проектов экономического регионализма в АТР и Восточной Азии, сказавшись на экономическом благосостоянии расположенных там стран и территорий.

В-третьих, вероятны серьезные перемены в отношениях между КНДР и КНР. Ведь действия Пхеньяна носили, без преувеличения, вызывающий характер: несмотря на предупреждения из Пекина, ядерное испытание было проведено. Тем самым Пхеньян дал понять: его экономическая зависимость от Пекина не означает зависимости политической, а следовательно — в дальнейшем КНДР оставляет за собой право не соизмерять свои действия с интересами влиятельного соседа. А эти интересы пострадали — Китай понес ощутимый репутационный ущерб в глазах своих партнеров. Но главное — такая политика Пхеньяна и ее агрессивное пропагандистское сопровождение объ-

активно подрывают усилия Пекина по формированию благоприятной внешней среды для осуществления экономических преобразований.

Со всем этим Пекин мириться не будет, что подтверждает его реакция на рассматриваемые события. Выделим два момента.

Первый из них относится к формулировкам, в которых была выражена позиция официального Пекина: «Китайское правительство выступает решительно против таких действий». Именно «выступает решительно против», а не выражает сожаление или обеспокоенность. Это свидетельствует о крайней степени раздражения КНР. Второй — характер освещения этих событий китайскими экспертами-международниками. Превалирующая точка зрения такова, что недавнее ядерное испытание дает Китаю все основания пересмотреть свой прежний подход к отношениям с Северной Кореей в сторону его ужесточения.

Наконец, в-четвертых, стала очевидна неэффективность глобальных институтов и механизмов нераспространения ядерного оружия и неспособность этой системы решать практические задачи. Думается, что в перспективе, по мере развития военных ядерных программ КНДР, это станет еще более заметным.

В общем и целом, предпосылки к расшатыванию сложившейся системы региональной и глобальной стабильности и росту конфликтного потенциала между ключевыми субъектами политики и экономики АТР просматриваются вполне отчетливо. Предотвращение такого сценария — еще один аргумент в пользу создания эффективно работающей площадки, где обсуждались бы актуальные вопросы безопасности в Северо-Восточной Азии.

Сценарий, при котором Северная Корея будет и дальше развивать свои ядерные военные наработки, оставаясь вне международных режимов нераспространения, напрямую противоречит российским интересам. Выделим основные причины.

Прежде всего, это подрывает российские усилия добиться безотлагательных и качественных перемен в развитии Сибири и Дальнего Востока. Ведь один из ключевых факторов реализации этого сценария состоит в формировании благоприятной для этого международной среды — мирной, стабильной и позволяющей России активно участвовать в процессах экономической, политической и гуманитарной кооперации со своими дальневосточными соседями. Действия Северной Кореи этому напрямую препятствуют. Частный пример, иллюстрирующий общую картину, — реализация наших планов превратить Владивосток в промышленный и инфраструктурный центр АТР, сделать его местом проведения саммитов высокого и высшего уровня или создать на базе ДВФУ площадку для обсуждения вопросов сотрудничества в образовательной и инновационной сферах при сохранении

нынешних тенденций может оказаться под вопросом. Причина — Северная Корея находится от Владивостока всего в 100 км.

Кроме того, это отодвигает на неопределенный срок — если вообще делает возможным — реализацию трехсторонних проектов сотрудничества на Корейском полуострове с участием РФ, КНДР и РК. В нынешних условиях о продолжении работ по соединению Транскорейской и Транссибирской магистралей речь уже не идет, хотя их значительная часть уже выполнена. Нет оснований ожидать перевода в практическое русло строительства газопровода и прокладки ЛЭП из России в Южную Корею через территорию КНДР. А ведь это могло бы принести России ощутимые не только экономические, но и политические и репутационные бонусы, тем самым укрепив ее позиции в Северо-Восточной Азии и АТР.

В-третьих, интересам России не отвечает перспектива роста конфликтного потенциала и поляризации сил в регионе. Этот более чем реальный сценарий отвлечет внимание и ресурсы как наших партнеров, так и нас самих от потребностей экономического развития, а значит — опять же затруднит реализацию мероприятий по подъему наших сибирских и дальневосточных территорий совместно с азиатско-тихоокеанскими соседями.

Наконец, в-четвертых, для России, ответственной ядерной державы, неприемлема ситуация, при которой ядерное оружие оставалось бы вне институциональных рамок режима его нераспространения.

Все это требует от России оперативного и содержательного отклика. Между тем, в двустороннем формате отношений возможности Москвы оказать влияние на Пхеньян объективно невысоки. Причины прозаичны — Северная Корея не рассматривает Россию ни в качестве гаранта своей безопасности, ни как перспективного экономического партнера. Последнее особенно важно — ведь реальный вклад России в развитие, например, тех же инфраструктурных проектов в Северной Корее сопоставим с тем, что делает Китай. С другой стороны, последнее ядерное испытание наглядно показало: даже китайское влияние на Северную Корею имеет свои пределы.

В таких условиях России необходимо делать ставку на многосторонний подход как к собственно ядерной проблеме КНДР, так и, в гораздо большей степени, к вопросам обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Соответственно, превращение Механизма обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии в постоянно работающий форум напрямую отвечает интересам нашей страны — тем более, что Москва является формальным координатором заседаний этой площадки.

Успешное решение северокорейской ядерной проблемы ставит вопрос о выработке инструментария, адекватного сложившимся реа-

лиям. А они таковы, что изменение ситуации к лучшему объективно невозможно без создания комплексной системы субрегиональной безопасности. Соответственно, превращение механизма обеспечения мира и безопасности в СВА в эффективно работающую площадку многостороннего сотрудничества становится велением времени.

Деятельность этой площадки должна быть нацелена на согласование подходов пяти держав к актуальным проблемам субрегиона и недопущение их эскалации до состояния крупных кризисов. Опыт, накопленный «пятеркой», мог бы быть переосмыслен и использован для будущих скоординированных действий, положительный кумулятивный эффект чего ощутили бы все участники сотрудничества.

Такое развитие событий напрямую отвечало бы интересам Российской Федерации, стремящейся не только развивать отношения со своими партнерами из стран азиатского северо-востока, извлекая экономическую выгоду из различных взаимодействий с ними, но и укрепить свой статус влиятельного субъекта политики и безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона, значимость которого в современном мире неуклонно возрастает.

Алексей ПИЛЬКО

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1992–2013 гг.): НЕУМОЛИМАЯ ЛОГИКА ЦИКЛИЧНОСТИ

Российско-американские отношения после распада СССР остаются значимым пунктом в мировой повестке дня. Даже с учетом разницы в возможностях, которыми обладают на международной арене нынешние Москва и Вашингтон, очевидно, что от того, как будет складываться диалог между двумя крупнейшими ядерными державами, зависит очень многое в нашем мире.

В целом можно выделить три этапа взаимодействия России и Соединенных Штатов на международной арене (1992–1999 годы, 2000–2008 годы и с 2009 года по настоящее время), из которых два первых удивительным образом представляют собой полностью законченные циклы с определенной внутренней логикой.

Первый цикл: 1992–1999 годы

Хотя формально-юридически Советский Союз не существовал после 1992 года, фактически ситуация была сложнее. Можно сказать, что Беловежские соглашения и Алма-Атинская декларация, поставившие точку в существовании сверхдержавы, носили политико-декларативный характер. Между Россией и бывшими союзными республиками предстояли переговоры по целому спектру нерешенных хозяйственно-экономических, военных, политических, социальных и гуманитарных вопросов. Начался неизбежный, но мучительный этап выстраивания отношений между Москвой и появившимися в большом количестве на ее границах новыми государствами. Многие из которых столкнулись с таким грузом внутренних проблем, что у местных элит не было иного выхода, кроме как обратиться за помощью к «старшему брату».

Следует подчеркнуть, что такое положение дел учитывалось Соединенными Штатами в отношениях с Россией в первые годы после распада СССР. Действия Вашингтона в этот период позволяют говорить о том, что он предполагал сохранение за Кремлем роли регулятора, который поддерживал бы на постсоветском пространстве определенную стабильность. Именно по этой причине США не противодействовали российским действиям в Приднестровье и Грузии в 1992–1993 годах.

Более того, в целом в эти годы на международной арене США пытались хотя бы формально создать видимость партнерских отношений с Россией. Конечно, задачу им облегчал значительный проамериканский крен российского политического руководства. Однако, по-видимому, и в Белом доме некоторое время питали иллюзии о том, что Россия вполне может стать своего рода «младшим партнером» Америки и в ряде случаев — обеспечить защиту ее национальных интересов.

Сложившаяся ситуация стала меняться под воздействием двух обстоятельств, одно из которых связано с российскими внутривнутриполитическими трудностями, а другое — с ситуацией на Балканах. Резкий переход от социализма к капитализму, грубые просчеты при проведении экономических реформ, растущая социальная напряженность в обществе привели к серьезному политическому кризису, вылившемуся в драматические события октября 1993 года. Сторонний наблюдатель, безусловно, может квалифицировать их как существенное ослабление того фундамента, на котором основано государство. И уж, конечно, в этой ситуации он непременно сделает вывод о том, что такая страна вряд ли способна стабилизировать окружающее (в данном случае — постсоветское) пространство. Скорее, она сама является источником дестабилизации.

Начавшаяся в декабре 1994 года первая чеченская война должна была только убедить Вашингтон в том, что Россия представляет собой государственное образование на грани банкротства — слабое и, по-видимому, находящееся в стадии дезинтеграции. Иными словами, примерно с 1994 года США начинают думать не о том, как сотрудничать с Кремлем и выстраивать с ним полноценное партнерство, а о необходимости реагировать на то, что происходит с РФ. На ее социально-экономические трудности и внутривнутриполитический коллапс, грозящий, при определенных обстоятельствах, выйти за пределы российских границ. Поэтому Соединенные Штаты постепенно меняют свою политику и начинают все меньше учитывать интересы России. Негативное же отношение Москвы к этому игнорировалось. Она более не воспринималась в качестве сколько-нибудь значимой силы.

Дальнейшее ухудшение отношений связано и с положением на Балканах. В 1995 году Россия, впервые после окончания «холодной войны», открыто встала в оппозицию США (и Западу в целом) по

значимому международному вопросу. Москва раскритиковала операцию НАТО против боснийских сербов. Конечно, в арсенале Кремля не было никаких значимых аргументов для предотвращения вмешательства Североатлантического альянса и его действия свелись к дипломатическим демаршам. Однако для Вашингтона такое поведение со стороны РФ и ее отход от прозападной линии на международной арене означал, что она из потенциального «младшего брата» окончательно превратилась в проблему. В представлении немалой части политической элиты Соединенных Штатов Кремль окончательно дискредитировал себя, не сумев создать демократический политический строй, нормально функционирующую экономику и ударившись во внешнеполитический авантюризм.

К этой тенденции присовокупилось ощущение победы в «холодной войне», которое в представлении американских политиков ставило Российскую Федерацию на одну доску с послевоенными Германией и Японией. А из этого «синдрома победителей» выросло желание поскорее определить судьбу советского наследства — восточноевропейских стран и бывших советских республик. Одним из свидетельств этому является тот факт, что именно в это время началась активная разработка идеи расширения НАТО на восток. Все это предопределило негативный формат российско-американских отношений в дальнейшем. Они стремительно падали по наклонной. С середины 1990-х годов набирает обороты процесс укрупнения Североатлантического альянса. Причем Вашингтон находит здесь широкую поддержку со стороны своих западноевропейских союзников, также весьма обеспокоенных российским политическим и экономическим хаосом.

Финальной чертой первого этапа российско-американских отношений стала операция НАТО против Югославии. Косовский кризис и первая волна расширения альянса в какой-то момент вернули их практически на уровень, близкий к первой половине 1980-х годов. А начавшаяся в августе 1999 года вторая война на Кавказе еще больше их усугубила. К этому же периоду относятся и серьезные попытки Соединенных Штатов всерьез закрепиться на постсоветском пространстве в качестве международного игрока, оппозиционного России.

В апреле 1999 года в столице США (в разгар югославской кампании и одновременно с официальным объявлением о вступлении трех восточноевропейских стран в Североатлантический альянс) произошло знаковое событие, которое в глазах Кремля выглядело как демонстративный «плевок в лицо». На юбилейном Вашингтонском саммите было объявлено о создании ГУУАМ и опубликована декларация об интеграции этого образования в европейские и евроатлантические структуры. Москва могла констатировать, что пять бывших советских республик — Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молда-

вия — стремительно уходят в западную (читай — американскую) сферу влияния. И она сталкивается с перспективой утраты своего влияния на территории, которая на протяжении значительного исторического периода входила в состав Российского государства.

Таким образом, с 1992 по 1999 год отношения между Россией и Соединенными Штатами прошли полный цикл, логику которого можно определить выражением «от любви до ненависти». Обе стороны страдали от утраченных иллюзий. Вашингтон — от ощущения, что Россия могла бы стать его партнером и помочь в решении ряда международных задач, а превратилась в деградирующее, нестабильное и агрессивное государственное образование. Москва — от чувства, что Запад в лице США просто обманул ее, получив свои выгоды от добровольного демонтажа Организации Варшавского договора и предоставления права на отделение республикам СССР, ничего не дав за это взамен. И его в значительной степени разделяло и российское общество, которое еще относительно безболезненно согласилось с утратой влияния в Восточной Европе, однако не могло смириться с проникновением Запада, превратившегося за 1990-е годы из друга во врага, на постсоветское пространство, считавшееся «своим».

В глазах большинства россиян после распада Советского Союза происходил непрерывный процесс упадка влияния их державы и роста американского могущества, из которого Америка извлекала колоссальные выгоды.

В этом отношении 1999 год со всеми его, упомянутыми выше, знаковыми событиями стал определяющим, «поворотным» пунктом, завершившим первый этап развития отношений между РФ и США и в значительной степени определившим логику дальнейшего развития событий.

Второй цикл: 2001–2008 годы

Можно сказать, что начало 2000-х годов стало для Москвы и Вашингтона временем политического «обновления». В России нещадно критикуемого Бориса Ельцина сменил молодой и энергичный президент — Владимир Путин, с которым российское общество, уставшее от хаоса и нестабильности, связывало большие надежды. В Соединенных Штатах на смену демократу Биллу Клинтону пришел республиканец Джордж Буш-младший.

После косовского кризиса Белый дом на непродолжительное время избрал тактику «игнорирования» Кремля, подчеркивания его мало-значительной роли на международной арене. Скорее всего, причиной такого поведения американской элиты стало не желание посильнее обидеть бывшую сверхдержаву, а отсутствие какой бы то ни было

ясной стратегии в отношении РФ. В предыдущее десятилетие из нее не получилось сделать дружественное государство. Настоящим врагом она, несмотря на драматичные балканские события, тоже не стала. Особой угрозы для осуществления американской политики в Европе или в каком бы то ни было регионе мира Москва не представляла. В общем, в политической элите США было понимание того, что выработка линии поведения по отношению к России не входит в число жизненно важных задач с точки зрения национальных интересов Соединенных Штатов.

Первой попыткой как-то изменить сложившуюся в российско-американских отношениях ситуацию стала встреча двух новых лидеров этих стран в Любляне в июне 2001 года. Этим годом можно датировать начало нового цикла в рамках взаимодействия России и США. Стороны выразили готовность развивать сотрудничество. А вскоре оно перешло и в практическую плоскость в силу произошедших 11 сентября того же года событий. В отличие от многих других государств, не исключая и союзников США по НАТО, российская помощь оказалась весьма действенной в Афганистане, куда переместился центр мировой политики.

С практической точки зрения та самая Москва, которую считали практически списанной «в утиль», действовала намного эффективнее, чем вся огромная военная машина Североатлантического альянса. Кремль также согласился с военным присутствием американцев и их союзников в бывшей советской Средней Азии, весьма важном для него в экономическом, геополитическом и военном смыслах регионе. В 2001–2002 годах казалось, что партнерство России и Соединенных Штатов явно переживает ренессанс.

Вместе с тем, именно в этот период явственно проступили различия между российским и американским его видением. Москва полагала, что партнерские отношения означают равноправие между двумя странами на международной арене. И как минимум — доверительные консультации между ними перед принятием внешнеполитических решений, затрагивающих их национальные интересы. Из Вашингтона складывающаяся ситуация выглядела по-другому. России предлагалось стать своего рода младшим партнером США, в идеале — проводником американских интересов в Азии. Как полагала администрация Буша, РФ просто «вернули» в мировую политику, за бортом которой она по собственной вине осталась после событий 1990-х годов.

Естественно, такая разница в понимании негативным образом повлияла на взаимоотношения двух стран. И последствия не заставили себя долго ждать. В 2002 году Москва нервно отреагировала на односторонний выход Вашингтона из Договора по противоракетной обороне, восприняв это как желание США возродить гонку вооруже-

ний и, используя свои экономические преимущества, получить стратегическое превосходство над РФ. Подозрения российского руководства еще больше усилились после проведения операции по свержению Саддама Хусейна и оккупации Ирака весной 2003 года. Причем Кремль противодействовал действиям американцев всеми дипломатическими способами, которые были в его распоряжении, включая участие в «коалиции критиков» вместе с Францией и Германией.

Соединенные Штаты, в свою очередь, восприняли новый тон России как свидетельство отхода от предлагаемого ей сотрудничества в формате младшего партнера. Осенью 2003 года Москву и Вашингтон ждало новое испытание — «революция роз» в Грузии, которая была однозначно воспринята в Кремле как свидетельство укрепления США на постсоветском пространстве, а в Белом доме — как желание молодой грузинской демократии покончить с остатками зависимости от бывшей метрополии. Уверенность в том, что американцы ведут геополитическую игру против России, окрепла у Москвы после второй волны расширения НАТО на восток. На сей раз членами Североатлантического альянса стали три бывшие советские республики — Эстония, Латвия и Литва. Более того, в Брюсселе неоднократно повторяли две магические фразы, приводившие Кремль в замешательство и воспринимаемые им в качестве открытой угрозы российским национальным интересам: «альянс открыт для вступления новых членов» и «Москва не имеет право вето на расширение альянса».

Однако апофеозом американского наступления в бывшем СССР стали события «оранжевой революции» на Украине. В декабре 2004 года произошел крутой перелом: Запад и его лидер — Соединенные Штаты — стали однозначно восприниматься российским руководством и обществом в целом как сила, стремящаяся «выдавить» Россию с прилегающих к ней территорий и использовать их, в перспективе, как плацдарм для изменения политического строя РФ. Именно в такую логическую последовательность выстраивалась цепь прошедших событий: «революция роз» в Грузии, вступление прибалтийских стран в НАТО, победа Виктора Ющенко на Украине и последовавшие позднее события в Киргизии. От Прибалтики до Причерноморья, от Кавказа до Центральной Азии — Запад и США наступали.

После поражения в «битве за Украину», после декабря 2004 года, Москва переходит в яростную контратаку на постсоветском пространстве. Она начинает воевать всерьез, используя все имеющиеся в ее распоряжении возможности. Кремль решительно поддерживает Узбекистан во время андижанских событий, обеспечивает его переход в свой лагерь и наносит удар ненавистному ему ГУУАМу. Нейтрализует западное влияние в Киргизии. Регулярно поднимает вопрос об амери-

канских базах в Центральной Азии. А в новогоднюю ночь 2005/2006 года начинается первая газовая война с «оранжевым» Киевом.

В Вашингтоне изменившееся поведение Москвы однозначно интерпретировалось как проявление «имперских» амбиций, подкрепленных нечаянным богатством в виде роста мировых цен на энергоносители. Стремление поставить Россию на место стало выражаться в подчеркнутом заигрывании с бывшими советскими республиками, в одночасье превратившимися в жертвы российской экспансии.

Губительность такой политики была очевидна. Во-первых, сами постсоветские страны были весьма далеки от мировых стандартов демократии. Но они прекрасно осознавали открывшуюся им внешнеполитическую перспективу — «подыгрывать» Вашингтону, подпитывая его иллюзии об агрессивной России, и «выбивать» из нового патрона различного рода преференции. Таким образом, США несколько не способствовали развитию демократии, но при этом серьезно ухудшали отношения с Москвой. Во-вторых, Кремль был готов жестко биться за свои интересы на постсоветском пространстве. США же, памятуя о его неуклюжих попытках что-то противопоставить им в 1990-е годы, не воспринимали это всерьез. В-третьих, в этой малой холодной войне за «советское наследство» у РФ были хорошие шансы. Она обладала экономическими рычагами давления на бывшие советские республики. Эти страны располагались в близких к ней географических регионах. Менталитет их населения и особенности поведения местных политических элит были ей хорошо известны.

Апофеозом российско-американского противостояния стала война в Грузии, разразившаяся в августе 2008 года. Как выяснилось, Россия для отстаивания своих интересов была готова применить и военную силу. Такая решимость означала, что для РФ сохранение влияния на пространстве, некогда называвшемся СССР, было чуть ли не вопросом жизни и смерти. В то время как для США укрепление отношений со странами, бывшими некогда составной частью соперничавшей с ними сверхдержавы, означало всего лишь обретение дополнительных внешнеполитических возможностей.

В Южной Осетии Кремль был поставлен в сложнейшую ситуацию. Его невмешательство после всех гарантий безопасности, данных юго-осетинскому протектору, не только ставило под удар доверие к нему со стороны других государств — потенциальных союзников, но и могло вызвать цепную реакцию на Северном Кавказе. А именно — убедить как сепаратистов, так и региональные элиты в слабости федерального центра. Поэтому военный ответ на действия Тбилиси был неизбежен. Полностью проигнорировав резкие заявления Соединенных Штатов, Москва фактически дала понять, что по принципиальным вопросам, существенным образом затрагивающим ее национальные интересы,

американское мнение ее не интересует. Неожиданно в Белом доме обнаружили, что слухи о «смерти медведя» сильно преувеличены.

Подводя итог событиям 2000–2008 годов, можно сказать, что 2008 год стал для российско-американских отношений таким же знаковым, как и 1999 год. Они снова, во второй раз, прошли знакомый цикл. От попыток сближения до постепенного ухудшения чуть ли не до стадии враждебности. Интересно, что к началу 2009 года вновь, как и в 2000–2001 годах, обновилось и политическое руководство двух стран. На место Владимира Путина и Джорджа Буша-младшего пришли Дмитрий Медведев и Барак Обама. Второй цикл взаимодействия между Москвой и Вашингтоном после распада СССР завершился. Стороны пошли на третий виток.

Третий цикл: 2009–2013 годы

В 2009 году международный лексикон обогатился компьютерным термином «перезагрузка». Администрация Обамы предложила (и нашла полную поддержку в Москве) начать все с чистого листа.

Прежде всего, Вашингтон решил отменить беспокоящее Кремль размещение средств противоракетной обороны в Польше и Чехии. Кроме того, с американской стороны последовал ряд обещаний содействовать вступлению РФ в ВТО. Однако, самое главное, Белый дом сквозь пальцы смотрел на победу Виктора Януковича, которая была воспринята в России как «возвращение» Украины. Конечно, США по многим причинам не могли поддержать признание независимости Южной Осетии и Абхазии, но заявили о том, что различие в подходах к решению этой проблемы не может быть препятствием для российско-американского диалога. Свержение Курманбека Бакиева также не стало причиной какого-либо кризиса. Казалось, американская администрация посылает российскому руководству негласные сигналы о готовности согласиться с усилением его роли на постсоветском пространстве.

В свою очередь, Москва также пошла на определенные уступки, поддержав санкции против Ирана и обеспечивая важный для проведения операции НАТО в Афганистане транзит. Наконец, новая пассивная роль США на постсоветском пространстве не послужила для Кремля сигналом к немедленным активным действиям. Как выяснилось, российское руководство относится весьма осторожно к вновь открывшимся возможностям упрочить свое влияние в республиках бывшего СССР. Ключевым пунктом «новой дружбы» между Россией и Америкой стало подписание в апреле 2010 года соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений — СНВ-3.

Таким образом, в 2009–2010 годах двусторонние отношения приобрели хорошую позитивную динамику. Однако их историческая про-

ния состоит в том, что, начав третий цикл «в плюсе», стороны постепенно, как и в случае с двумя предыдущими циклами, начали скатываться «в минус». Именно об этом свидетельствуют события, произошедшие в 2011–2012 годах. Пожалуй, что ухудшение ситуации началось с событий в Ливии. Используя введение бесполетных зон над этой страной для проведения полноценной (в том числе и сухопутной) операции против режима Муаммара Каддафи, Соединенные Штаты и их союзники фактически обманули Москву. «Ливийское предательство» стало первой серьезной трещиной в российско-американской «перезагрузке». А вскоре после Ливии последовала и Сирия. Россия и США вновь заняли в этом конфликте диаметрально противоположные позиции.

Однако разное отношение к ливийским и сирийским событиям стало лишь одним фактором, который привел к свертыванию повестки «перезагрузки». Переломным в этом отношении годом стал 2012 год. Именно спустя три года после объявления новой политики Барака Обамы в отношении России весьма рельефно проступили основные разногласия между двумя странами. Причем в вопросах (во всяком случае, с точки зрения интересов Москвы) очень принципиальных.

Во-первых, в 2012 году заработал Таможенный союз и стало ясно, что евразийская интеграция может превратиться в серьезный проект, в случае успешной реализации которого позиции России на международной арене серьезно укрепятся. Во-вторых, резко обострилась проблема противоракетной обороны, элементы которой американцы намереваются разместить в Европе. В-третьих, весь год Москва демонстрировала решимость не допустить интервенции против Сирии, отвечая ударом на удар на жесткий прессинг США, Великобритании и Франции.

Кроме того, постепенно стали происходить и изменения в международной среде, которые оказывали все более заметное влияние на российско-американские отношения. Стало ясно, что Китай приступает к реформированию своей внешней и внутренней политики и намерен изменить ту роль, которую традиционно играл в мире последние два десятилетия.

Конечно, перемены в китайской политике не были сюрпризом для американцев. Однако начало пусть пока и закамуфлированного, не признаваемого обеими сторонами американо-китайского противостояния создает новую геополитическую реальность, конфигурация которой может оказаться неприятной для Вашингтона. Пекин явно рассматривает возможность альянса с Россией на антиамериканской платформе, который поможет ему нейтрализовать усилия США его сдерживанию. В ноябре 2012 года произошла смена руководства Китая, а в марте 2013 года свой первый зарубежный визит новый

лидер КНР нанес именно в Москву, чем подчеркнул особый характер отношений с нашей страной.

Финальными аккордами в ухудшении российско-американских отношений стали вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела России в ходе электорального цикла декабря 2011 года — марта 2012 года, попытки Москвы упорядочить деятельность финансируемой США и их союзниками разветвленной сети «политических» НКО, принятие Конгрессом «акта Магницкого» и российский ответ в виде «закона Димы Яковлева». В декабре 2012 года стало ясно, что «перегрузка» закончена.

Вместе с тем, на словах и Москва, и Вашингтон утверждают, что хотели бы вернуться к позитивной динамике двусторонних отношений, которая наблюдалась в 2009–2010 годах. Возможно, какие-то изменения произойдут после изучения политическим руководством России послания Барака Обамы, которое было передано Владимиру Путину помощником президента США по национальной безопасности Томасом Донилоном в апреле 2013 года. Исключить этого нельзя. Однако пока все идет к тому, что третий цикл взаимоотношений между Россией и Соединенными Штатами вновь подходит к своему логическому концу. Причем внутренняя структура всех трех циклов схожа.

Первые два из них длились по семь лет (1992–1999 и 2001–2008 годы). В рамках этих двух периодов прослеживается определенная закономерность — можно выделить точки старта циклов (1992 и 2001 годы), когда отношения начинали развиваться в позитивном ключе. Затем через три года следует надлом (1995 и 2004 годы) и начинается ухудшение взаимоотношений. А через четыре года после надлома происходит кризис (1999 и 2008 годы).

Удивительно, но третий цикл, начавшийся в 2009 году, развивается строго в рамках этой неумолимой логики. Через три года после его начала, в 2012 году, в российско-американских отношениях произошел надлом. И они, несмотря на все попытки их реанимации, продолжают ухудшаться. Если ситуация будет развиваться так же, как раньше, то, опираясь на уже изложенную выше формулу «три плюс четыре», с очередным острым кризисом Москва и Вашингтон столкнутся уже в 2016 году. И для проверки этого предположения ждать осталось совсем недолго.

Эльдар КАСАЕВ

«ГАЗОВАЯ ОПЕК»: РАЗВЕИВАЯ МИФЫ С МЕСТА СОБЫТИЙ*

В средствах массовой информации и научной литературе существует определенный информационный вакуум вокруг деятельности и перспектив Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ) — молодой международной организации, которая была создана для налаживания взаимодействия между ведущими газодобывающими странами мира. В тех немногочисленных публикациях, которые посвящены ФСЭГ, часто содержатся ошибки. Самая серьезная из них — называть этот форум «газовой ОПЕК», сравнивая его с влиятельной группой стран-экспортеров нефти.

Сегодня участниками Форума являются Алжир, Боливия, Венесуэла, Египет, Иран, Катар, Ливия, Нигерия, ОАЭ, Оман, Россия, Тринидад и Тобаго, Экваториальная Гвинея. В мероприятиях организации также участвуют Ирак, Казахстан, Нидерланды и Норвегия, имеющие статус государств-наблюдателей.

ФСЭГ — это не «газовая ОПЕК». Ведь в его уставе нет никаких положений, которые можно было бы использовать для оказания воздействия на газовые цены. ФСЭГ не может устанавливать квоты на газ, а его основная цель заключается в поддержке суверенных прав государств-членов на их газовые ресурсы, а также их возможностей по самостоятельному планированию и управлению устойчивым, эффективным и экологически чистым развитием, в использовании и консервации газовых месторождений на благо их народов. Кроме того, ФСЭГ нацелен на обмен опытом, взглядами и информацией по вопросам развития газодобывающей отрасли.

* Переведенная, расширенная и дополненная англоязычная версия статьи Э.О. Касаева «The Myth of a Natural Gas OPEC», опубликованная 11 февраля 2013 года в электронной версии американского журнала The National Interest.

Тем не менее есть планы преобразования этой организации в эффективный международный картель, который сможет оказывать заметное влияние на механизм ценообразования на рынке природного газа. Такие планы в определенной мере продвигают некоторые члены этой организации, включая Иран, Россию, Алжир и Венесуэлу. Это неудивительно, ведь совокупная доля указанных стран в общемировом объеме газовых ресурсов достигает около 70%. Поэтому стремление данных государств регулировать потребительские цены на этот вид топлива вполне естественно. Однако встать на этот путь очень непросто.

Во-первых, единого мирового газового рынка не существует, в отличие от рынка нефти. Проблема эффективной транспортировки газа связана с тем, что региональных газовых рынков много, а показатели спроса и предложения на них разные. Это ведет к жесткой борьбе за потребителя, что создает противоречия в лагере поставщиков, подрывая его единство.

Если говорить конкретно, то Катар со своими намерениями увеличить экспорт сжиженного природного газа в Европу расстраивает планы российского «Газпрома» и алжирской Sonatrach, которые рассматривают европейский рынок в качестве приоритетного для собственных поставок. В ответ Россия и Алжир твердо намерены покорять рынки Азии, которые Катар также относит к числу своих приоритетов в поставках сжиженного природного газа.

Во-вторых, ситуацию осложняют внутренние и внешние политические факторы. Речь идет о последствиях восстаний в некоторых арабских странах в 2011 году. Эти события привели к смене режимов и изменили баланс сил в их энергетическом секторе.

Египет и Ливия относятся к числу тех стран — экспортеров газа, которые на себе ощутили пагубные последствия «арабской весны». Катар, Оман и Алжир в будущем тоже могут столкнуться с похожими беспорядками. Кроме того, не стоит забывать про Иран, который находится в осаде санкций и враждебно относится к арабскому миру, особенно когда дело касается углеводородов.

В-третьих, необходимо учитывать различия в политике газовых поставщиков. Например, большинство из них, в том числе Россия, стремятся экспортировать газ по трубопроводам в рамках долгосрочных контрактов. Поэтому они заинтересованы в круглогодичных поставках по заранее установленным ценам, которые не зависят от последующих изменений в условиях рынка. Формула ценообразования на газ, используемая в таких долгосрочных контрактах, привязана к ценам на нефтепродукты.

В отличие от них Катар, являющийся ведущим мировым экспортером СПГ, заинтересован в быстрых продажах по текущим ценам. Цены

эти меняются в зависимости от текущего спроса на рынке и не фиксируются на длительный срок.

Россия поддерживает предложение о разработке рыночного механизма ценообразования на газ, который поставщики могли бы использовать при составлении новых долгосрочных контрактов. Однако, как говорят катарские чиновники, самый эффективный способ обеспечить стабильность на региональных энергетических рынках состоит в привязке газовых цен к ценам на нефть. Если странам — экспортерам газа удастся договориться о надлежащем механизме ценообразования, то доступ к газовому рынку получают все, а выбор направления газового экспорта не будет зависеть от цены, предлагаемой импортером.

Доха возражает против создания газового картеля главным образом из-за того, что против этой идеи выступают Соединенные Штаты, Канада, Австралия и многие страны — участницы ЕС. Катарцы опасаются, что их обвинят в сговоре и что дело будет передано в международный арбитраж.

Поэтому Катар уходит от реальных проблем, касающихся разработки механизма газового ценообразования. Автор провел в Катаре много времени и не слышал от местных газодобытчиков конкретных предложений по этому вопросу. Доха лишь ограничивается заявлениями о том, что экспортеры должны продавать свои углеводороды по максимально высокой цене, приемлемой для всех потребителей, и что эмират якобы именно так и поступает.

Учитывая воздействие геополитики, экономики, географии и прочих факторов, которые не позволяют поставщикам занимать понятную и последовательную позицию в вопросе экспорта газа, пока слишком рано говорить о качественной эволюции ФСЭГ и о его способности устанавливать цены для потребителей во взаимодействии с ведущими газовыми экспортерами. Более того, хотя Форум провел свой первый газовый саммит, период формирования этой организации пока еще не завершен.

На деятельность ФСЭГ оказывает свое влияние, хотя и косвенное, нынешняя ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В последнее время появились признаки нарастающей конкуренции между Ираном, Алжиром, Катаром и Ливией. Эта конкуренция может усилиться.

В 2011 году в Каире состоялась 12-я министерская встреча Форума. Неожиданным стало то, что Катар, являющийся местом нахождения штаб-квартиры этой организации, а также принимающей стороной первого газового саммита ФСЭГ, проигнорировал прошедшую встречу, сославшись на «чрезвычайные обстоятельства», связанные с возможным покушением на официальных катарских лиц со стороны ливийских наемников в аэропорту.

На самом деле подобное поведение было вызвано двумя факторами. Во-первых, присутствием на министерской встрече представителя Ливии, являющегося сторонником прежнего режима. Во-вторых, неопределенностью в вопросе об уровне представительства на запланированном саммите (первоначально ожидался уровень глав государств и правительств). В частности, не было ясно, кто конкретно будет представлять страны — участницы ФСЭГ на данном мероприятии.

На заседании исполнительного совета ФСЭГ, прошедшем в Катаре зимой 2011 года, было принято решение о создании Специальной группы высокого уровня (СГВУ) по подготовке данного мероприятия. Состоялось четыре заседания СГВУ, в трех из которых автору довелось принять участие в составе российской делегации.

С одной стороны, работа СГВУ продемонстрировала ожидания большинства участников Форума, что саммит позволит придать деятельности организации серьезный импульс и выведет ее на новый институциональный уровень. С другой — очевидна недостаточная степень консолидированности позиций сторон, которая, даже при позитивном проведении саммита, может стать основным препятствием на пути к успешному будущему самой организации.

В этой связи примечательно, что третье заседание СГВУ впервые проходило в отсутствии кворума, составляющего 2/3 от общего числа участников. Из 11 государств — членов ФСЭГ не присутствовали Нигерия, Боливия, Экваториальная Гвинея, а также Ливия, представителю которой Катар отказал в выдаче визы, что не только не соответствует должному поведению принимающей стороны, но и противоречит общему духу самой межправительственной организации, членам которой априори надлежит действовать сообща, а не мешать друг другу, мотивируя подобную линию политическими разногласиями.

Нигерия и Боливия на протяжении длительного времени не принимают участие в мероприятиях Форума, причем вторая не платит и ежегодные взносы. Экваториальная Гвинея также не проявляет особой активности в работе ФСЭГ.

Таким образом, межгосударственное противоречие, отсутствие согласия лидеров всех государств Форума принять участие во встрече на высшем уровне, а также нерасторопность принимающей стороны, которая до последнего момента не сдвигалась с мертвой точки в процессе подготовки к данному мероприятию, оставляли сомнения в эффективности готовящейся встречи в верхах.

Тем не менее, Первый газовый саммит ФСЭГ все-таки состоялся осенью 2011 года в Дохе под девизом: «Природный газ — основа устойчивого развития». Однако уровень представительства на нем едва ли соответствовал заявленному статусу.

Из первых лиц государств в работе мероприятия приняли участие лишь эмир Катар, президенты Алжира и Экваториальной Гвинеи, а также глава Переходного национального совета Ливии. От России был министр энергетики. Отсутствие высшего российского руководства, по всей видимости, было обусловлено слабым уровнем экономического сотрудничества с Катаром.

Президент Ирана в самый последний момент отказался принять участие в саммите, делегировав вместо себя министра нефти, по следующим причинам. Во-первых, за два дня до саммита прошла министерская встреча, на которой полномочия действующего Генерального секретаря организации были продлены на два года, так что иранская сторона осталась не у дел. Во-вторых, отсутствие на саммите российских лидеров, присутствие которых некоторые участники ФСЭГ использовали бы для поднятия собственного имиджа на международной арене, во многом внесло изменения в первоначальные планы иранского главы.

Несмотря на столь скромное представительство, саммит был полезен и важен тем, что привлек внимание к экологическим преимуществам природного газа в мировой энергетической отрасли и к возможностям наращивания инвестиций в газовую промышленность. Он дал толчок стратегическому развитию Форума и заложил основы для его выхода в будущем на новый организационный уровень.

В принятой в конце работы Форума декларации изложена позиция ФСЭГ как объединения, представляющего интересы стран, которые добывают углеводороды и потребляют их. В то же время в ней подчеркивается, что природный газ — это самый эффективный и экологически безопасный вид органического топлива. Поэтому газ должен стать основой развития стран — участниц Форума, одновременно обслуживая интересы всего человечества.

Безусловно, саммит и принятая на нем декларация стали важными и своевременными мерами по превращению Форума в действенную специализированную организацию. Однако наряду с заметными успехами у ФСЭГ имеется немалое количество недостатков. Разговаривая в Дохе с дипломатами из стран ФСЭГ, автор сделал вывод о том, что многие из них смотрят на эту организацию с оптимизмом, но в то же время признают необходимость ее совершенствования.

Среди необходимых реформ — разработка планов по развитию газовых рынков, позволяющих избежать беспорядочного соперничества. Также важно договориться о разработке и применении моделей ценообразования для природного газа, которые будут оптимальными как для поставщиков, так и для потребителей и в которых будут учитываться экологические преимущества газа над другими энергоресурсами.

Форум будет и впредь укреплять свои международные позиции, развивая диалог с ведущими участниками мирового энергетического рынка. Кроме того, есть планы расширения этой организации с включением в ее состав таких стран, как Индонезия, Малайзия, Бруней, Австралия, Канада, Азербайджан, Мьянма и Танзания.

Пока же приходится констатировать, что Форум не оправдывает тех ожиданий, которые на него возлагались. Сегодня существующий долгосрочный характер торговых отношений России с различными странами в области поставок газа, возможность дальнейшего развития сотрудничества в рамках энергетического диалога Россия — ЕС, а также с Японией, Китаем, другими государствами Азии позволяют говорить о нецелесообразности введения механизма квотирования. Дело в том, что это входит в противоречие со сложившейся системой поставок российского газа потребителям на основе долгосрочных контрактов. С учетом данного факта России целесообразно не продолжать лоббирование линии по созданию «газовой ОПЕК», а сосредоточиться на отстаивании в рамках Форума более насущных российских интересов.

Как представляется, в перспективе станет отчетливо ясно, стоит ли эта международная организация на прочном основании. Пока же она, действуя методом проб и ошибок, за довольно короткий период уже постепенно переходит на более высокий уровень развития, пытаясь отыскать адекватные ответы на глобальные вызовы газовых рынков. Во многом это подтвердил второй саммит ФСЭГ, прошедший летом 2013 года в Москве.

В рабочем заседании встречи приняли участие президенты Боливии, Венесуэлы, Ирана, России, Экваториальной Гвинеи, премьер-министры Ливии и Ирака, председатель Совета нации (одна из палат парламента) Алжира, а также главы энергетических ведомств Египта, Катара, Нигерии, ОАЭ, Омана, Тринидада и Тобаго.

По итогам мероприятия была подписана декларация, в которой, по словам российского президента В.В. Путина, отмечена поддержка существующей формулы привязки цен на газ к ценам на нефть и приоритет долгосрочных контрактов на поставку «голубого топлива» в финансировании крупномасштабных газовых проектов. В документе также отражена необходимость усиления механизмов распределения рисков при реализации газовых проектов и координации действий по защите стран-экспортеров, включая взаимодействие с регуляторными органами стран-импортеров. Декларация подтверждает суверенное право участников ФСЭГ распоряжаться собственными природными ресурсами и выражает намерение повышать долю природного газа в мировом энергобалансе.

Назвав данный документ весьма содержательным, министр энергетики России А.В. Новак подчеркнул, что в ходе московского саммита

государства — члены ФСЭГ продемонстрировали единство по большинству вопросов повестки дня, а также стремление к укреплению сотрудничества и многосторонней координации в интересах производителей природного газа и поддержанию стабильности региональных рынков.

Очередной саммит ФСЭГ планируется провести в Иране, однако открывать его будет не М. Ахмадинежад, который на прошедшей в Москве встрече выступал в статусе главы государства а, по всей видимости, Х. Роухани, новый президент страны.

До этих пор необходимо внимательно понаблюдать за исполнением участниками организации договоренностей, достигнутых на втором саммите. Что если они так и останутся на бумаге, не получив практической реализации? Стоит ли тогда де-юре объединенным под флагом Форума газовым конкурентам в третий раз наступать на те же грабли?

Сергей ДЕМИДЕНКО

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ВОКРУГ СИРИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

В конце июня 2013 года довелось мне участвовать в съемках одной телевизионной программы. Обсуждалась сирийская проблематика.

Продюсеры постарались и собрали весьма авторитетный пул экспертов. Здесь были не просто болтуны, готовые часами рассуждать на любую тему, лишь бы в ней было слово «геополитика». В студии собрались матерые специалисты-международники, владеющие арабским языком и глубоко знающие сирийские реалии.

Предвкушая плодотворную дискуссию, я занял свое место на подиуме, дожидаясь, когда мне предоставят слово. Получив разрешение ведущего высказаться, я, вдохновленный вниманием признанных авторитетов, говорил о международной ситуации вокруг Сирии, о роли США в конфликте и позиции Израиля. Но что-то мне постоянно мешало, сбивало с мысли. Закончив речь, я сел, и вдруг понял, в чем дело. Эксперт, сидевший справа от меня, тоже хотел высказаться и поэтому, потев, постоянно елозил на подушечке, подложенной менеджерами под него для удобства. Ведущий, также заметив нетерпение потного господина, предоставил слово и ему. И он сказал. А сказал он следующее. Что я (будущий автор этих строк) лжец и дезинформатор, и что надо бы мне знать, кто является премьер-министром Израиля, и что официальная позиция Тель-Авива по сирийской проблеме совсем иная (хотя эксперт со стажем должен был бы видеть разницу между позицией заявленной и позицией фактической, одним словом — разницу между словами и делами) и много еще чего. Говорил он горячо, отчего еще больше потел, оживленно хамил и жестикулировал (понятное дело, потел вновь).

Когда он закончил речь, я, обескураженный неожиданным хамством со стороны абсолютно незнакомого мне человека, снял микрофон и покинул студию. Дискуссия для меня завершилась. Отвечать на поток трюизмов трюизмами смысла не имело, а на хамство хам-

ством — и подавно. Поле битвы принадлежит мародерам. Однако не об этом сейчас я хочу сказать. Ведь дело не в этом безымянном эксперте (нет, конечно же, у него есть и имя, и фамилия, и она весьма известна в узких кругах, просто не умею я напрягать свою память усваиванием абсолютно ненужной информации). В конце концов, мало ли их наступают нам на ноги в метро, «подрезают» наши машины на дорогах и убегают (уезжают), зная, что по правилам ты его никогда не догонишь, да и не погонишься. Мало их? Да нет, легион имя им. Хороший ли этот человек эксперт? Безусловно. Хороший ли он человек? Как известно, уметь разговаривать (и, дополним известного киногероя, логически мыслить) — еще не значит быть человеком. Однако поведение данного персонажа натолкнуло меня на мысль вот какую. А правильно ли мы вообще понимаем международную обстановку, сложившуюся вокруг Сирии? Верно ли оцениваем расклад геополитических сил вокруг охваченного гражданской войной арабского государства?

Есть два устойчивых мифа относительно ситуации в САР. Первый из них гласит, что все, происходящее в этой стране, инспирировано Западом (конкретно — США), а весь народ, как один, поддерживает власть президента, второй — кровавый тиран Башар Асад удерживается у власти только благодаря беспредельной жестокости спецслужб, сковавших сирийцев кровью и страхом, и благодаря поддержке Ирана и «Хезболлы», которая едва ли не в одиночку разгромила силы повстанцев при Эль-Кусейре. Как сумела организация, отрядившая на сирийский фронт не более 3–4 тыс. бойцов (данные Русской службы ВВС, которая при этом ссылается на министра иностранных дел Франции Ларана Фабиуса¹) из примерно 7 тыс. от их общего числа, сломить сопротивление всей местной оппозиции, в которой только исламистских группировок насчитывается более трех десятков, остается непонятным².

В этой статье мы попытаемся разоблачить первый из этих мифов.

На сегодняшний день любому более или менее здравомыслящему человеку очевидно, что США и Запад вообще силовым путем вмешиваться в ситуацию в Сирии не намерены. Об этом еще в самом начале сирийского конфликта говорила Хиллари Клинтон, занимавшая тогда пост государственного секретаря. Выступая на заседании Совбеза ООН в феврале 2012 года, она заявила, что ситуация в Сирии «требует особого подхода, ориентированного на специальные обстоятельства», и что опасения «некоторых членов» СБ относительно возможности повторения в САР ливийского сценария необоснованны³.

¹ Цит. по: URL: <http://www.news.ru.msn.com>

² Мясников В. Сирия: секс-джихад и наемники из России // «Независимое военное обозрение». 28 июня — 4 июля 2013 г.

³ См., напр.: URL: <http://www.korrespondent.net/world/1313935-klinton-isklyuchila-povtorenie-livijjskogo-scenariya-v-sirii>

Тогда эти слова главы американского внешнеполитического ведомства большинством российских экспертов были восприняты как неумелое коварство, так свойственное их «заокеанским визави». Уж наши-то аналитики, оперирующие универсальным объяснением, выдержанным в духе известного пелевинского «англичанка гадит», знали точно, откуда дует ветер! Со дня на день ожидалось американское вторжение в Сирию, многословно и вычурно говорилось о роли Штатов в «арабской весне», как мантра повторялся весьма спорный тезис о роли Twitter и Facebook в организации египетской «революции». При этом, воспринимая социальные сети исключительно как инструментарий «вашингтонского обкома», аналитики априори полагали, что при посредстве электронных коммуникаций координировать усилия могут лишь проамериканские, «либеральные» силы. Однако ситуация, как показало исследование крупного отечественного востоковеда А. Игнатенко, оказалась совершенно иной. Через Интернет действовали исламисты всех мастей, планировавшие не только свергать светские режимы на Ближнем Востоке, но и наносить удары по западным странам⁴. Такая вот картинка.

В противовес аргументации А. Игнатенко обычно приводится утверждение, что все исламисты кормятся американскими подачками. На вопрос же, а откуда, собственно, такая информация, обычно разводятся руки и говорятся фразы типа: «Ну, это и так всем понятно. Вспомните, например, Афганистан». В 1980-е годы, возможно, все так и было, но нынче на дворе век двадцать первый. Изменилось и время, и сам мир, в котором мы живем. Подходить к анализу нынешней геополитической ситуации с мерками 50–60-летней давности неверно в корне. Но наше экспертное сообщество вновь наступает на одни и те же грабли, неизменно оказываясь в положении героя знаменитой русской поговорки о косом Егорке, у которого глас шибко зоркий, да одна беда... ну, и так далее.

Как мы сегодня видим, участие американцев в сирийской кампании более чем вялое. Новый госсекретарь США Дж. Керри постоянно высказывается в том ключе, что ситуация в Сирии «не имеет военного решения». Только лишь во второй половине июня 2013 года (когда война уже шла более двух лет) Б. Обама под нажимом Конгресса принял решение о поставках сирийским повстанцам «отдельных видов вооружений»⁵. Но кто они, эти повстанцы? Те же сенаторы призывали администрацию поддержать в Сирии некие прогрессивные, не связанные с «Аль-Каидой» силы, не придерживающиеся «террористической

⁴ <http://www.ummanews.com/news/last-news/9401-2012-12-04-17-34-39.html>

⁵ См., напр.: 24News со ссылкой на РИА «Новости». — URL: <http://www.24news.ru/news/1041557n.html>

идеологии» (еще интереснее высказался президент Франции Ф. Олланд, призвавший умеренных повстанцев «изгнать» из своих рядов исламистов; сразу вспоминается Ярослав Гашек и его сумасшедший герой, который утверждал, что внутри земного шара находится еще один шар, но только большего диаметра). То есть, по факту получается, что США будут поставлять отдельные виды вооружений некоторым группам повстанцев⁶. Звучит несколько неубедительно. Еще более неубедительным все это выглядит в контексте поражения оппозиции при Эль-Кусейре, после которого заговорили о коренном переломе в гражданской войне в Сирии. То есть США решили давать повстанцам оружие, когда самих повстанцев может уже скоро не быть⁷.

Здесь сам собою возникает вопрос: а где были американцы, когда оппозиция штурмовала Дамаск, где были «вашингтонские ястребы», когда шли кровопролитные бои за Алеппо? Казалось бы, помогай — не хочу. Но не помогали, ограничиваясь лишь ничего незначащими заявлениями о бесчеловечности сирийского режима и необходимости найти выход из «кровавого тупика». Объяснить все эти факты, пользуясь одной только замусоленной до заплаток «американской теорией», могут лишь самые заядлые отечественные конспирологи (которые, по меткому выражению И. Кормильцева, всегда правы).

Подкрепляется тезис о нежелании американцев активно вмешиваться в сирийский конфликт еще и событиями недавнего саммита «Большой восьмерки» в Ирландии. Накануне встречи мир вновь замер в тревожном ожидании. Говорили невесть что: мол, будут введены над САР чуть ли не бесполезные зоны, главы ведущих держав примут решение о начале интервенции, а поддерживающего Б. Асада В. Путин подвергнут жесткой обструкции. Однако в итоге — гора родила мышь. G-8 приняла абсолютно пустое заявление о необходимости поиска в Сирии политического урегулирования.

Хотел бы Запад избавиться от проиранских сирийских алавитов? Думается, что да, хотел бы. Очевидно. Но сможет ли он утвердить свой контроль над покоренной Сирией? И снова ответ очевиден. Вдобавок, в Сирии, в отличие от Ирака или Ливии, абсолютно нечем поживиться. Здесь нет ни нефти, ни газа — 0,1% от мировых запасов нефти, 0,2% от ее же мирового производства⁸. При такой скудости углеводородного

⁶ Newsland со ссылкой на «Пятый канал». — URL: <http://www.newsland.com/news/detail/id/1182314>; <http://www.lenta.ru/news/2013/06/14/weapons/> и т.д.

⁷ Baltinfo со ссылкой на BBC/ — URL: <http://www.baltinfo.ru/2013/06/23/Razdrai-sredi-siriiskoi-oppozitscii---Frantciya-prizyvaet-povstantcev-izgnat-ekstremistov-362637>

⁸ BP Statistical Review of World Energy 2013. — URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf

потенциала Сирии именно ТЭК дает до 2/3 всего ее национального экспорта. Эти два факта в совокупности позволяют нам сделать вывод о чрезвычайной бедности страны. Ввязываясь в масштабную военную кампанию (а кампания здесь будет масштабной), Запад не отобьет даже стоимости боеприпасов, а проблем приобретет огромное количество, принимая во внимание чрезвычайно сложную этноконфессиональную обстановку в Сирии (на маленьком клочке суши, зажатом между Турцией, Ираком, Израилем и Иорданией, проживают сунниты разных мазхабов, алавиты, иные шииты, друзы, курды и т.д.). Думаю, ни у кого нет сомнений в том, что если бы США действительно хотели свергнуть Б. Асада, от сирийской армии в течение месяца не осталась бы и пыли (сказки о сверхэффективном сирийском ПВО, которого якобы так боятся американцы, не стоит даже комментировать, ибо в 2007 году израильские самолеты, разбомбившие несколько объектов на территории САР, вовсе не заметили этого могучего заслона).

Но дело не только в жадности США и европейцев, не желающих влезать в Сирию вооруженной рукой. Мешает им также и позиция Израиля. Дело в том, что еврейское государство в сирийском конфликте соблюдает жесткий нейтралитет и препятствует любому проявлению агрессии. Нейтралитет настолько жесткий, что в апреле 2013 года премьер-министр Б.Нетаньяху дал распоряжение членам своего кабинета вообще не высказываться публично на тему Сирии, дабы ни у кого даже мысли не возникло, что Израиль хоть каким-то боком может быть причастен к разжиганию гражданского противостояния в этой стране⁹. В мае 2013 года сирийская проблематика обсуждалась в Сочи между главой России В. Путиным и тем же Б. Нетаньяху. Итог встречи был прокомментирован известными российскими экспертами (в частности, А. Арбатовым), в том ключе, что и Россия, и Израиль имеют в Сирии общего врага, с которым борется Б. Асад, и впредь не будут предпринимать на сирийском направлении резких действий по эскалации напряженности¹⁰. Отдельно следует сказать, что, по словам известного отечественного востоковеда Е. Сатановского, граница с Израилем единственная, через которую в Сирию не проникают боевики и оружие¹¹.

Как сказал тот же Е.Сатановский, в Тель-Авиве не хотят свержения Асада, поскольку это означает смену «понятного и предсказуемого врага каким-нибудь анархистским исламистом, с которым непонятно что делать»¹² (в этом контексте майские налеты израильской авиации

⁹ ИНТЕРФАКС. 28 апреля 2013 г.

¹⁰ РИА «Новости» со ссылкой на Русскую службу «Голоса Америки». 15 мая 2013 г.

¹¹ Сатановский Е. Проблема Асада в том, что он недостаточно жесток. — URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1328277480>

¹² URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1619832.html>

на территорию Сирии следует рассматривать скорее как исключение, нежели как правило, ибо в этом случае Тель-Авив, по всей видимости, решал какие-то свои локальные задачи по обеспечению безопасности, а не стремился приблизить конец сирийских алавитов, как говорится — ничего личного).

Так что же, получается, что внешние факторы не оказывают вообще никакого влияния на ситуацию в Сирии? Отнюдь. Очень даже оказывают. Однако в условиях самоустранения игроков глобальных активностей на сирийском треке демонстрируют региональные державы. Иран своей поддержки режиму Б. Асада не скрывал никогда, Турция, слишком рано списавшая со счетов алавитское руководство САР, напротив, с первых же дней конфликта поддерживала оппозицию. Но вот роль в сирийских событиях Саудовской Аравии и Катара освещена недостаточно.

«Мы не можем больше ждать, пока члены СБ ООН договорятся между собой, не можем ограничиваться только моральной поддержкой (оппозиции. — *Прим. авт.*)», — эти слова принадлежат теперь уже экс-премьер-министру Катара шейху Хамаду бен Джасему Аль-Тани¹³.

Доха давно стала «родным домом» сирийских повстанцев. Именно в столице эмирата в ноябре 2012 года была создана Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКРОС), которая должна была объединить разрозненные повстанческие группы в единое могучее движение. Там же регулярно проходят различного рода международные форумы по поддержке антиасадовских сил (в том числе и последняя встреча группы «Друзья Сирии»). Именно из Катара звучат призывы ввести над САР зоны, запретные для полетов, а также начать интервенцию с целью свержения ненавистного катарским ваххабитам алавитского режима.

На встрече группы «Друзья Сирии», состоявшейся в конце июня 2013 года, представители Катара требовали от США начать немедленное снабжение повстанцев всеми возможными видами оружия (в том числе и тяжелой техникой), чтобы добиться возвращения утерянного после поражения под Эль-Кусером статус-кво. Однако здесь усилия Катара натолкнулись на противодействие Вашингтона. Госсекретарь Дж. Керри в очередной раз заявил, что США в сирийской проблематике отдают приоритет усилиям политическим¹⁴.

И вот здесь свое слово сказала Саудовская Аравия. После форума в Дохе глава американского внешнеполитического ведомства посетил Эр-Рияд, где от него потребовали более решительных действий по свер-

¹³ РИА «Новости» 22 июня 2013 года. — URL: http://www.ria.ru/arab_sy/20130622/945104230.html#ixzz2X7MdlF4B

¹⁴ Там же.

жению режима Б. Асада. Саудовские представители хотели добиться от США содействия в принятии некой «международной резолюции» о незаконности сирийского режима (чтобы можно было исключить участие представителей сирийского руководства в переговорах по урегулированию и перекрыть легальные возможности для поставок оружия официальному Дамаску)¹⁵. Также саудовцы предупредили Керри, что будут серьезно усиливать военную помощь повстанцам. «Саудовская Аравия не вмешивается во внутренние дела других стран. Но если речь идет о государстве, подвергнувшись внешнему вторжению, где происходит геноцид, это ненормальная ситуация», — заявил глава МИД королевства принц Сауд аль-Фейсал¹⁶.

В общем-то и раньше мало кто сомневался в том, что именно саудовцы и катарцы снабжают повстанцев современными видами вооружений, однако теперь доказательства прозвучали из уст самого «донора».

Еще один примечательный факт был зафиксирован в самом начале июля 2013 года. Новым главой НКРОС был избран Ахмад Джарба, тесно связанный с Эр-Риядом (по некоторым сведениям, он, как и мать нынешнего короля Саудовской Аравии Абдаллы, принадлежит к племени аш-шаммар). На выборах главы НКРОС А. Джарба одолел Мустафу аль-Саббаха, пользовавшегося поддержкой Катара. Первое, что заявил руководитель повстанческого объединения, — оппозиция не будет участвовать в женевской конференции, идею которой активно проталкивают Россия и США, а Саудовская Аравия поставит исламистам современные виды оружия, чтобы лишить армию Асада стратегического превосходства¹⁷.

Все эти факты в совокупности еще со многими говорят о ведущей роли в сирийской кампании именно монархий Персидского залива. Правящие дома Катара и Саудовской Аравии, инвестируя в Европу и США колоссальные средства, имеют теперь возможность давить через свое лобби и на правительства Старого Света, и на американскую администрацию. Сегодня это уже не послушные «бобики Вашингтона», а вполне зрелые региональные державы, проводящие самостоятельный внешнеполитический курс, в основе которого лежит принцип необходимости распространения радикального ислама по всей территории Ближневосточного региона. На пути распространения ваххабизма в общерегиональном масштабе стоит сегодня лишь Сирия. Нет больше ни могучего Саддама Хусейна, ни харизматичного Каддафи, ни расчетливого Мубарака. Весь арабский мир подчинен тем или иным способом теократическим монархиям Персидского залива. Правящий в

¹⁵ Коммерсант. 27 июня 2013 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/east/1681100.html>

Сирии режим неприемлем для ваххабитов Катар и Саудовской Аравии, во-первых, своими тесными связями с шиитским Ираном, во-вторых, своей «еретической» алавитской сущностью, в-третьих, светскостью (для алавитов, в общем-то, исстари была характерна веротерпимость).

Казалось бы, Сирия должна была стать легкой жертвой новой «цветной революции». САР, как уже говорилось выше, страна бедная, с раздутым оборонным бюджетом и гигантским убыточным госсектором. Здесь, как и в других странах региона, господствует коррупция, наблюдается повсеместное засилье чиновничества, а военная бюрократия вообще находится в привилегированном положении. Есть и своя «большая правящая семья» (клан Асад и клан Махлюф), подмявшая под себя все наиболее доходные отрасли экономики.

В этих условиях утверждать, что все сирийские оппозиционеры сплошь иностранные наемники, мягко говоря, неверно (восточные приграничные территории, исправно поставляющие боевиков в ряды оппозиции, всегда были развиты очень слабо, особенно на фоне западных, прибрежных). Однако Б. Асад, в отличие от Каддафи, закармливавшего свой народ господачками, до сих пор успешно борется с оппозицией. Почему же так? Думается, дело здесь в том, что в свое время молодой сирийский президент провел ряд реформ, которые существенно улучшили положение наиболее экономически активной части населения. Были созданы частные банки (пусть и с серьезным участием госкапитала), и свободные экономические зоны, разрешено хождение иностранной валюты, привлекались иностранные инвестиции, развивалась экономическая инфраструктура приморских городов (с упором, правда, на Латакию — город компактного проживания алавитов).

Эти меры улучшили социальную ситуацию в стране, укрепили положение частного сектора, который сегодня и поддерживает президента. То есть можно сказать, что сегодня между собой воюют Центральная Сирия (в том числе и прибрежная ее часть) и Сирия Приграничная (последнюю и поддерживают монархии Персидского залива, важную роль здесь играет и тот факт, что в Юго-Восточной Сирии распространен ханбалитский мазхаб, к которому принадлежат ваххабиты Саудовской Аравии). Пока экономически развитая часть страны одерживает в этой войне верх.

В общем — все по Марксу.

Василий КОЛТАШОВ

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА — ОТ ЗАМЕДЛЕНИЯ РОСТА К СПАДУ

Кризис вернулся в российскую экономику. Путь «второй волне» оказался открыт. Теперь вопрос в том, как государство будет с ней бороться и какие последствия кризис может иметь.

Всю первую половину 2013 года российское правительство отказывалось признать факт спада в экономике. Оно говорило о «паузе роста», о проблемах с инвестициями и наполнением бюджета, но оставляло без внимания другие симптомы, на которые обращали внимание внешние наблюдатели. В конце июля заместитель министра экономического развития Андрей Клепач, наконец, отметил, что в стране происходит сокращение промышленного производства и растет безработица. Петербургский международный экономический форум не дал результата: инвестиции в Россию не пришли.

Застой в российской экономике официально отмечается по ВВП. Этот показатель не увеличивался с зимы. Однако застой в реальном секторе наступил еще в конце 2012 года. С лета того года началось замедление хозяйственного роста, что было связано с усиливавшимся неолиберальным креном в экономической политике, ростом тарифов и недостаточно хорошей рыночной конъюнктурой. В июне 2013 года Росстат показал падение инвестиций на 3,7% в сравнении с тем же периодом предыдущего года. За первое полугодие они упали на 1,4%. Россия оказалась в новой проблемной экономической ситуации. Намечилось дальнейшее падение, хотя министр экономического развития Андрей Белоусов не признал этого в июле 2013 года публично.

Прогноз роста российского ВВП остался в середине года без изменений — на уровне 2,4%. Однако этот показатель, как справедливо считается, может быть посчитан с плюсом даже в условиях пониженного уровня производства. Гораздо сложнее скрыть отток капиталов. Его власти вынуждены признавать. По словам Клепача, за 2013 год отток капиталов может дойти до 50 млрд долл. Реальная безработица скрывается красивой официальной статистикой, верно отражавшей лишь луч-

шее положение на российском рынке труда по сравнению с ЕС. Но по результатам исследования ВЦИОМ, доля потерявших работу россиян увеличилась за последний год с 26 до 36%. С 72 до 61% уменьшилось число участников исследования, знакомые которых не имеют проблем с трудовой занятостью.

В российской экономике не стагнация, как уверяют власти. Все обстоит сложнее: по многим направлениям идет переход от замедления или застоя к сокращению. Крайне показательна ситуация на рынке недвижимости. Он снова готов к падению.

Падение рынка недвижимости может развернуться еще до конца 2013 года. С первого квартала 2012 года по аналогичный период 2013 года жилье в России подорожало на 8,5%. Эти данные были получены консалтинговой фирмой Knight Frank в ходе исследования мирового рынка жилой недвижимости. Рост цен на жилье в России продолжался на фоне спада в европейской экономике и замедления роста Китая, где продолжал раздуваться пузырь на жилищном рынке (за первые три месяца 2013 года рост здесь составил 10,7%). Аналогичные пузыри надувались в Дубае (рост 9,2%) и Индии (рост 5,3%).

Переход российской экономики с началом 2013 года от замедления к спаду был связан со слабостью внутреннего спроса и нестабильностью мирового рынка сырья. К лету на отечественном рынке недвижимости наступил застой. Однако опыт 2008 года показывает, что снижение цен не обязательно должно наступить на следующем этапе. Оно может искусственно сдерживаться государством. В результате рынок сравнительно высоких цен становится мертвым, продажи идут на нем крайне слабо. Между тем строительный сектор для многих регионов являлся самой динамичной частью местной реальной экономики. Проблемы с продажами на нем не только означают проблемы для многих производств, завязанных на строительный бизнес, но и рост безработицы. Соответственно будет увеличиваться и социальное напряжение.

Источник застоя на рынке жилья — вздутые цены на фоне слабости реального спроса и безумной дороговизны кредита. Размер ссудного процента никак не ограничен в России, и при средней цене ипотечного кредита в 12–15%, иные — благодаря мошенническим схемам кредиторов — могут достигать до 250–350%. Еще в начале 2013 года власти имели шанс поддержать жилищный рынок, как и помочь компаниям реального сектора. Они должны были повести атаку на дорогой кредит. Однако либеральное крыло власти оказалось сильнее: оно взяло верх над теми, кто требовал дешевого кредита для экономики. В результате проблемы строительного сектора могут в 2013–2014 годах стать крайне важным фактором развития кризиса.

Чрезвычайно важно, что спад в российской экономике начался не под влиянием падения цен на сырье. Летом 2012 года снижение цен на

нефть и металлы не привело к остановке роста. Зато в январе-феврале 2013 года он начался на волне повышения сырьевых цен, что стоит связывать с перевесом внутренних причин кризиса над внешними. Отток капиталов шел весь 2012 год и был связан с узостью российского рынка. Именно эта проблема, наряду с открытием экономики после вступления страны в ВТО, сделала непривлекательными прямые вложения в нее иностранного капитала. Ситуация здесь не улучшится и не станет спасением от кризиса.

Независимо от оптимистических заявлений правительство осознает ухудшение положения. Однако оно не планирует ни прибегать к широкой политике стимулирования потребления и производства, ни привлекать экономистов нелиберальной школы (таких, как Сергей Глазьев) для выработки новых планов. Конфликт между неолибералами из правительства и более «осторожными» чиновниками из Кремля завершился компромиссом. Суть его: принятие либеральных мер «жесткой экономии», куда входит и ликвидация РАН, при соединении их с рядом узких государственных инвестиционных проектов, призванных стать подобием кейнсианских мер.

В рамках обновленной экономической политики государство будет работать на сокращение реальных доходов населения, что уже достигается ростом тарифов ЖКХ, и стимулировать большие бизнес-проекты. Сомнительно, что такая гибридная политика даст антикризисный эффект. Увеличение расходов казны на инвестиционные проекты за счет урезания их на социальную сферу не привлечет иностранных инвесторов, поскольку не создаст обстановки роста экономики. Напротив, во многих регионах спад может приобрести ускоренный вид.

Отдельные мегапроекты дадут частные выгоды, будут дорого стоить (включая коррупционные выводы средств) и не помогут избавиться от проблем банковский сектор, сельское хозяйство и другие секторы экономики. Жилищный рынок от проблем тоже не избавится. Даже возможное удешевление кредита, видимо, придется не ко времени: проблемным компаниям и частным лицам деньги предоставлять не станут. На этом фоне власти всех уровней постараются удержать цены на недвижимость от обвального падения, несмотря на их завышенный характер. В 2008–2009 годах кризис привел к 30–40% ценовому падению жилья. Перспектива начавшегося спада является не меньшей, с той разницей, что последующий взлет цен не произойдет. Россию ожидает вполне «европейский» по характеру спад.

Кризис в экономике медленно развивается. Пик рекламной активности пройден. Спрос слаб, а предложение велико во многих секторах. Важным является замедление роста Китая и ослабление экономики Евросоюза. Россия входит в общую зону действия «второй волны» глобального кризиса. Однако волна эта накатывает не стремительно, как

ожидали ранее многие аналитики, а с неторопливой уверенностью. Отечественные власти упустили возможность поддержать дешевым кредитом растущую экономику. Еще раньше, летом 2012 года, они совершили поворот от «непреднамеренного кейнсианства» к радикальной неолиберальной политике. Страна вошла в ВТО, и это сразу начало негативно сказываться на производстве. В России фактически частично повторился украинский сценарий, когда открытие рынка обернулось падением производства.

На фоне умеренно-тревожной официальной статистики России важную информацию дает рекламный рынок. Увеличение рекламных предложений сигнализирует о проблемах со сбытом различных товаров. Спад в украинской экономике достиг уже больших размеров. В России он только начался. Затруднения бизнеса вынуждали в первом полугодии 2013 года увеличивать расходы на рекламу. Однако уже к августу стало понятно, что проблем это не решит. Особо показательным было повышение рекламной активности в строительном секторе. Спад в рекламной отрасли неминуем, а российский фондовый рынок — другой важный датчик состояния экономики — будет, вероятно, в периодических общемировых падениях показывать большую глубину. При этом пока не стоит ожидать какого-либо чисто российского биржевого падения.

Согласно данным Всемирной газетной и новостной ассоциации (WAN-IFRA), рекламный рынок в постсоветских странах вышел к 2013 году на докризисный уровень. Доля России на нем, по сообщению журнала «Эксперт», составляет 85%. В текущем году страна показала наибольшую динамику на медиарынке по сравнению с соседями. В Украине, несмотря на рост проблем в экономике, активность в рекламной сфере за 2012 год не ослабела. Однако это лишь иллюстрирует для России общее правило, когда обилие рекламы говорит о проблемах сбыта и предвещает снижение деловой активности. Все это должно привести к росту безработицы, о чем пока нет официальных данных в России. Зато уже начали поступать из регионов сведения о закрытии предприятий, в том числе созданных на волне антикризисной активности государства после 2008 года.

Российская казна может недополучить более 32 млрд долл. (1,6% ВВП) еще до конца 2013 года, считает Силуанов. Под нож уже идут расходы на науку, образование и здравоохранение. В рамках антикризисной политики власти обещают поднять финансирование военного ведомства, больших спортивных и инфраструктурных проектов. Предлагаются различные схемы экономии, в частности, на выделение части денег в фонды (особенно в пенсионный). В сумме все это не производит впечатления, будто бы правительство имеет действенный антикризисный план и стремится реализовывать его в расчете на положительный эффект для национальной экономики.

Кремль и правительство достигли компромисса, однако этот компромисс дает явный перевес радикальным неолиберальным силам, ответственным за переход России от роста к спаду. Усиление регулирования и государственной инвестиционной активности, о которых на Петербургском международном экономическом форуме говорил Владимир Путин, окажется в их руках. И это будет иметь печальные последствия для экономики. Дело не только в органическом неприятии либеральными экономистами государства как инструмента развития экономики, но и в недостатках принятого в верхах плана.

Задача выработки системы эффективного регулирования одна из самых трудных в экономической науке. По мнению Алана Фримана, британского экономиста и члена международной инициативы «Постглобализация», значительный опыт здесь в последнее время дают Китай, Индия и Бразилия — партнеры России по БРИКС. Однако необходимо учитывать их ошибки. Примеру нельзя следовать вслепую, поскольку эффект от мер государства должен быть долговременным и устойчивым. Рост проблем в китайской и индийской экономике должен служить России предупреждением: без обеспечения расширения своего рынка и протекционизма разгон экономики может оказаться кратковременным. Но России пока не грозит даже это.

Нет сомнения, что избранный курс экономической политики может быть быстро пересмотрен. Для этого могло бы быть достаточно общественного давления, но его нет. Остается худший сценарий: корректировка экономической политики под влиянием роста проблем в экономике. Сложно сказать, когда и как она произойдет. Ясно лишь, что к ней будут подталкивать негативные последствия избранного компромиссного курса. Создается впечатление, что Россия получила усиление роли государства в экономике, но исполнение обязанностей здесь легло на плечи сторонников дерегулирования и устранения государства из хозяйственной сферы.

Ослабление рубля может быть ответом правительства на рост проблем в реальной экономике. Этот метод уже был частично опробован в середине 2013 года. Однако он не имел эффекта: к осени положение в экономике не улучшилось. В верхах нет единства мнений по поводу девальвации рубля. Серьезное ослабление национальной валюты ударит по внутреннему спросу, по должникам и банкам. Оно может серьезно задеть продавцов недвижимости и производителей автомобилей. Девальвация — механический консервативный инструмент снижения издержек в экспортных секторах. Поэтому ее лоббирует часть крупного бизнеса. Но она не решает проблем в экономике и не защищает отечественного производителя от давления ВТО, слабого спроса и мирового кризиса.

В 2010 году многим казалось, что, стоит немного подождать, и США разберутся с финансовыми проблемами, а затем начнется новый подъ-

ем в глобальном хозяйстве. В 2011 году стало ясно, что ни американцы, ни ЕС из кризиса мир не выведут. 2012 год разбил надежды на Китай, которому пророчили функцию нового локомотива мировой экономики. Россия успела заключить с ним договор о поставке углеводородов (контракт оценен в 270 млрд долл.) и даже провести в июле 2013 года совместные морские маневры — демонстрацию защищенности линии поставок. Однако это не может быть признано страховкой от развития в экономике кризиса.

При сохранении равновесного состояния на мировых биржевых площадках в России, вероятно, будет сохраняться медленный спад. Но обычное падение из числа регулярно повторявшихся в 2010–2013 годах может усилить спад. На это могут повлиять и меры государства. Политика «жесткой экономии» нигде еще не приводила к оздоровлению экономики, даже если достигалось значительное снижение цены рабочей силы, уничтожались многие социально-трудовые права и институты — то есть создавался «правильный инвестиционный климат».

Грозящее России в 2013–2014 годах развитие кризиса может резко осложнить положение банков и торговых компаний. Число неплатежеспособных должников увеличится, а спрос уйдет вниз по сравнению с уровнем 2011–2012 годов. Власти будут вынуждены повторять свои действия 2008–2009 годов: с низкой эффективностью бросать деньги на поддержку крупных частных компаний. «Газпром» уже является бизнесом растущих проблем и не станет опорой бюджета. Скорее, он сам будет нуждаться в субсидиях. Затратные спортивные проекты тоже не станут спасением для экономики, зато приведут к росту общественного раздражения. Какие формы оно примет, будет зависеть уже от степени развития кризиса.

Выработанная в России к осени антикризисная политика не уменьшит давления проблем на экономику. Она даже не сможет законсервировать положение. Создание на основе Банка России мегарегулятора с полномочиями Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР), который станет лишь подразделением новой структуры, создает новые механизмы регулирования. Однако это не дает само по себе новой экономической политики. Страна вошла в полосу действия «второй волны», и без качественно иного курса её не сдержать, а о преодолении речь вовсе еще не идет.

Александр ГОНЧАРЕНКО

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Россия издавна мечтала использовать Северный морской путь (СМП) для плавания из Баренцева моря в Тихий океан. Однако мы практически не используем маршрут, хотя говорим о нем с XIX века. Мало используется и транзитный потенциал Северного морского пути, который, по предварительным подсчетам, может приносить ежегодно экономике России до 10 млрд долл.

Между тем ситуация для России в плане развития надежных транспортно-логистических цепочек между Европой и Азией действительно складывается уникальная. С 2006 года Китай стал самым крупным поставщиком товаров в Европу, сместив с этой позиции США¹. Аналогичный поток, хоть и меньшего объема, идет из Европы в Китай. Но оба этих потока в основном идут морским путем, через Индийский океан и Суэцкий канал.

Сегодня СМП становится актуальным из-за таяния льдов, вызванного глобальным потеплением. По данным Всемирной метеорологической организации, площадь ледового покрова Арктики сейчас на 38,5% меньше, чем средний показатель в период с 1979 по 2000 год.

В чем реальная экономическая привлекательность СМП?

В первую очередь, он позволяет существенно сократить время и стоимость транспортировки грузов между континентами. При следовании танкера из Мурманска до Шанхая рейс в один конец составит 22 суток, а через Суэцкий канал — 42. Экономия — 20 суток в один конец². При этом не стоит забывать, что в сутки в среднем танкер потребляет 55 тонн мазута. За рейс по Севморпути в один конец эконо-

¹ Пойдем через нас! // «Expert Online», 4 сентября 2012 г. — URL: <http://www.expert.ru/2012/09/4/pojdem-cherez-nasi>

² Арктический транзит / По материалам делового журнала «Вестник Китая». — URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/5780/>

мия составит почти полмиллиона долларов. Приплюсуем сюда стоимость фрахта такого танкера и за счет сокращения сроков в пути или получим еще экономию чуть не в пару миллионов долларов. Таким образом, с экономической точки зрения СМП — крайне привлекательный маршрут, открывающий перед нами широкие горизонты его использования.

Не секрет, что для экономики России экспорт сырья играет первостепенную роль, и то обстоятельство, что Севморпуть большей частью проходит в российских территориальных водах, делает его крайне привлекательным маршрутом для поставок углеводородов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Увеличение внимания к поставкам углеводородов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона естественно вытекает из тенденций, складывающихся в настоящее время в мировом ТЭКе, и, в частности, на традиционном для России европейском рынке, где усиливается конкуренция и растет требование к качеству продукции.

С учетом новых экологических стандартов уже к 2015 году российская высокосернистая нефть, поступающая по трубопроводной системе «Транснефти», может не найти сбыта в Европе. Аналогичные проблемы возникают и в отношении поставок российского мазута и бункеровочного топлива. Выходом из создавшегося положения является переориентация на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые испытывают растущие потребности в сырой нефти и мазуте и предъявляют значительно меньшие требования в отношении сернистости продукта. Причем использование Северного морского пути позволит России реально диверсифицировать сырьевой экспорт. Для нас важно не повторять ошибок прошлого, когда, уповая на трубопроводы, Россия не только поставила себя в зависимость от стран-транзитеров, но и за счет привязки к потребителю-монополисту лишила себя возможности ценового маневра.

Рынок стран АТР видится России привлекательным и для сбыта углеводородов, которые в перспективе будут добывать в районе арктического шельфа. Российская часть Арктики, в особенности ее западный сектор, является одним из наиболее перспективных в углеводородном отношении регионов мира. Сегодня на финишную прямую вышел пусковой комплекс Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения. С Бованенково начнется комплексное освоение Ямала, где сосредоточены 22% мировых разведанных запасов газа³. Ожидается, что именно это уникальное месторождение станет плацдармом для выхода России на арктический шельф. Разработка полезных ископаемых

³ Неожиданный проект. — URL: <http://www.expert.ru/2012/05/10/neozhidannyij-proekt/?ny>

шельфа и побережья арктических морей, прежде всего, Баренцева, Печорского и Карского, станет основным источником формирования будущего грузопотока в страны АТР по Северному морскому пути.

С азиатскими рынками связаны надежды индустрии СПГ, потребление которого в государствах АТР значительно выше, чем во всех остальных странах мира вместе взятых. На Японию, Южную Корею, Тайвань и Китай приходится две трети мирового спроса на СПГ. Это можно рассматривать как тенденцию на долгие годы. Между тем, в России есть перспективы расширения выхода на мировой СПГ-рынок.

На данный момент уже запущено несколько перспективных СПГ-проектов. Одним из ключевых игроков является НОВАТЭК, реализующий проект «Ямал СПГ», запуск первой его очереди планируется в 2016 году. В начале марта 2011 года в проект вошла французская компания Total. А в начале 2013 года компания НОВАТЭК договорилась с «Газпромом» о создании совместного предприятия для работы на Ямале. С выходом проекта на планируемую мощность компания намерена перевозить по Северному морскому пути 15 млн т СПГ и до 1 млн т конденсата в год.

Для вывоза сжиженного природного газа с полуострова Ямал требуется создание танкерного флота из 20 судов крупного водоизмещения, а круглогодичность отгрузок и поставок в арктических условиях должна обеспечиваться несколькими ледоколами⁴. Инвестор проекта «Ямал СПГ» уже подготовил пакет документов на производство таких судов.

При создании эффективной транспортной схемы по Северному морскому пути может быть организован вывоз нефти с Варандея и Приразломного.

Не стоит сбрасывать со счетов и поставки СПГ проекта Штокмановского месторождения, который в настоящее время испытывает проблемы с инвестиционной составляющей. По стечению обстоятельств пуск этого дорогостоящего проекта был назначен именно на то время, когда на рынок хлынула волна дешевого СПГ стран — конкурентов России на газовом рынке. Однако представляется, что это проблемы временные. Время Штокмана еще не пришло, однако это не означает отказ от проекта. Представляется, что он все же будет реализован, но в более отдаленном будущем, когда многие страны-производители СПГ (например, Египет, Индонезия, Йемен и другие) станут испытывать нехватку газа (запасы газа в целом по стране у них гораздо ниже, чем в Штокмановском месторождении). Кроме того, не стоит списывать со счетов геополитические и геоэкономические факторы развития рынка

⁴ Ямал: новые проекты — новые возможности. URL: <http://www.bujet.ru/article/196857.php>

газа, сочетание которых рано или поздно приведет к реанимации Штокмановского проекта, газ которого может быть направлен на растущие азиатские рынки.

В целом можно предположить, что в случае реализации заявленных проектов грузопоток добываемых на российском шельфе углеводородов по СМП в восточном направлении составит порядка 10–15 млн т⁵.

Таким образом, потенциал у СМП огромный, но, к сожалению, пока практически не используемый. Лишь в последние годы дело сдвинулось с мертвой точки.

Навигацию 2010 года уже называли «отправной датой» в новой истории СМП — арктическая дорога восстанавливается для торгового судоходства и международного транзита грузов. В августе 2010 года танкер «Совкомфлота» Baltica успешно совершил пробный рейс по Северному морскому пути, перевезя по заказу НОВАТЭКа 70 тыс. т газового конденсата в Юго-Восточную Азию. С тех пор основной задачей российских транспортных компаний остается поиск оптимальных путей транспортировки крупнотоннажных судов по Северному морскому пути. Самый крупный танкер, проведенный по Севморпути в 2011 году, — Suezmax «Владимир Тихонов».

В августе 2012 года впервые Северный морской путь был использован для отгрузки мазута из Мурманска в Сингапур. А в начале декабря 2012 года танкер-газовоз Ob River успешно завершил первую в мире коммерческую перевозку зафрахтованного «Газпромом» СПГ по Северному морскому пути, доставив из Норвегии в Японию 134 тыс. куб. м сжиженного газа.

Всего в 2012 году объем перевозок по Северному морскому пути увеличился относительно 2011 года почти на треть, до 1,1–1,2 млн т. При этом большая часть этих перевозок приходится на транспортировку нефтеналивных грузов.

Под влиянием климатических изменений Севморпуть все чаще воспринимается как главный ресурс России в Арктике, обладание которым дает нашей стране существенные преимущества.

Однако станет ли Севморпуть полноценным аналогом пути через Суэцкий канал? Об этом говорить еще очень рано.

У Северного морского пути есть ряд серьезных конкурентных преимуществ⁶:

- экономия на топливе;
- уменьшение продолжительности рейса уменьшает расходы на оплату труда персонала и уменьшает стоимость фрахта судна;

⁵ Григорьев М. Проблемы транспортировки углеводородов по Северному морскому пути // Oil and Gas Journal Russia, № 9 (64), сентябрь 2012 г.

⁶ Перспективы Северного морского пути: ожидания и реальность. — ГКЛ <http://www.cokol.su/eto-interesno/sevmorput>

- отсутствует платеж за проход судна (как по Суэцкому каналу);
- отсутствуют очереди (как в случае с Суэцким каналом);
- отсутствует риск нападения пиратов, а значит, уменьшается стоимость страховки.

С учетом этих факторов кажется, что будто бы прорыв России на рынки АТР неизбежен: Азия остро нуждается в ресурсах, а Россия обладает одними из самых богатых запасов в мире. Но этого не происходит, поскольку все эти преимущества нивелируются рядом серьезных обстоятельств⁷:

- 1) Непредсказуемость, связанная с климатом.
- 2) Практически полное отсутствие портовой инфраструктуры на пути следования.
- 3) Экологические риски.
- 4) Неопределенность правового статуса. Ранее Севморпуть позиционировался как внутренний путь, принадлежащий РФ. Это давало возможность РФ устанавливать свои требования к судам и порядку их прохождения по территориальным водам России. С ростом значения трассы и ее привлекательности для конкурентов эксклюзивные права РФ на СМП все чаще оспариваются.

5) Высокая конкуренция на энергетических рынках стран Азии. Главный риск не в снижении спроса — рынок СПГ в странах АТР растет существенно быстрее трубопроводного, а в том, смогут ли российские компании выдержать ценовую конкуренцию в условиях избытка СПГ. У Австралии есть долгосрочные договоренности с Китаем о поставках СПГ, есть проекты у Малайзии и Катара и пр. Уже не говоря о том, что к 2020 году фактором, сдерживающим спрос, могут стать и внутренние проекты Китая по добыче газа из нетрадиционных источников.

6) Издержки транспортировки продукции морским путем, в том числе высокие ставки ледакольного сбора. Именно из-за высоких тарифов крупнейшие ресурсодобывающие компании, работающие в Арктике, за счет собственных средств приступили к осуществлению дорогостоящих проектов по строительству транспортных судов усиленного ледового класса для транспортировки своей продукции.

И, в конечном итоге, перспективы СМП тесно связаны с перспективами разработки арктического шельфа России, вокруг которого продолжает сохраняться неопределенность в отношении технологических возможностей и экономической рентабельности извлечения данных ресурсов.

Для развития Северного морского пути нужна конкретная программа, в том числе инвестиционная. В рамках АТЭС Россия выступила с

⁷ Перспективы Северного морского пути: ожидания и реальность. — ГКЛ <http://www.cokol.su/eto-interesno/sevmorput>

соответствующей инициативой, которую предстоит обсудить и проработать на экспертном уровне, однако ее результативность — под вопросом. Северная логистика пока является лишь достаточно экзотическим проектом, и гарантий окупаемости масштабных инвестиций в создание соответствующей инфраструктуры никто в настоящее время не может дать.

Морской путь через российскую Арктику на Восток — давняя, но до сих пор актуальная тема для России. Но как именно достичь желаемой цели — до сих пор понимания нет.

Между тем в последний период азиатские конкуренты активно изучают возможность использования Северного морского пути в своих интересах. В частности, в августе 2009 года два грузовоза компании Beluga смогли пройти Севморпутем из Кореи в Роттердам. Успех этой операции заинтересовал и ряд других компаний-перевозчиков. С 2004 года Китай, не являющийся арктической страной, тем не менее, усиленно ведет исследования Арктического региона. До 2014 года КНР организует две арктические экспедиции помимо 6 уже состоявшихся. Причем Китай пока интересуется не столько доступ к арктическим богатствам, сколько исследование перспектив доступа к Северному морскому пути⁸.

2 августа 2012 года китайский ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон») впервые прошел Северный морской путь по направлению к Исландии. Эта экспедиция — наиболее длительная и масштабная из всех, что Китай когда-либо проводил в Арктике. В 2014–2015 годах Китай в рамках кампании по использованию СМП собирается спустить на воду 4 судна усиленного ледового класса типа Arc-7.

Помимо этого, Северный морской путь рассматривается как вариант для поставок на рынки АТР норвежского СПГ. В частности, в 2012 году норвежская компания «Knutsen OAS Shipping» получила от российских властей разрешение на транспортировку по Севморпути СПГ с месторождения «Белоснежка» в Японию.

Таким образом, Северный морской путь становится все более конкурентным транспортно-логистическим пространством. Вопрос о его использовании со стороны российских компаний напрямую увязан с перспективами арктических разработок нефти и газа.

Пока что иностранные конкуренты (те же норвежцы) существенно опережают нас в области разработки технологий арктического бурения и добычи. Если не развивать собственные проекты в Арктике, не совершенствовать собственную портовую и ледокольную инфраструктуру, российские компании могут оказаться чужими на этом, казалось бы, исконно российском маршруте.

⁸ Славинская Л. Арктика: взгляд из Китая // «Нефть и жизнь», № 3 (71), 2012.

Впрочем, временной интервал для необходимых преобразований у нас есть — исследование арктических месторождений и трасс находится в тесной зависимости от конъюнктуры мировых рынков нефти и газа, и говорить о том, что шанс в арктической гонке нами упущен, пока нельзя. Однако задумываться о будущем нужно уже сегодня. История сланцевого газа продемонстрировала, что глобальные подвижки на энергетическом рынке возможны, причем изменения происходят в весьма сжатые сроки. К вызовам времени нужно быть готовым.

Юлия СОКОЛОВА

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В последние десятилетия происходят процессы глобализации, что способствует изменению системы мирового порядка, характера взаимоотношений между субъектами политики, снижению роли традиционных акторов политического процесса, например, национальных государств. Стоит отметить, что особую роль в этих процессах стали играть транснациональные корпорации (ТНК), которые уже давно перестали быть зависимыми от государственной политики. Теперь они самостоятельно формируют собственную стратегию поведения и сами решают, какие задачи и как им решать в сложившихся экономических и политических отношениях. Опираясь на результаты исследования, проведенных отечественными и зарубежными специалистами, можно утверждать как о позитивных проявлениях деятельности ТНК, выступающих важной движущей силой всемирного прогресса, так и об их негативной роли, проявляющейся в разрушительных последствиях их деятельности.

Исследуя роль ТНК в мировом политическом процессе, необходимо сказать о причинах их возникновения. Первой следует назвать традиционное стремление предпринимателей снизить издержки производства и получить сверхприбыль. Естественно, корпорация каждой страны, перед тем как стать транснациональной, достаточно длительный период времени должна развиваться внутри страны. Только завершив определенный цикл развития, корпорация приходит к необходимости расширить свою деятельность и вынести часть воспроизводственного процесса за национальные границы. Известно, что каждая современная ТНК выросла из компании, первоначально действовавшей исключительно на внутреннем рынке, потом занявшейся международным бизнесом и лишь после этого ставшей по-настоящему транснациональной.

Размах деятельности транснациональных корпораций характеризуется огромными масштабами. Недаром известный американский обществовед Джон Гэлбрейт в одной из своих работ констатировал: «Масштаб деятельности крупнейшей корпорации должен приближаться к масштабу деятельности государства»¹. В одной из своих более поздних работ, характеризуя корпорацию как организацию и сравнивая её в этом смысле с государством, Гэлбрейт пишет, что одной из характерных черт обеих организаций является то, что они выступают в качестве «источника власти»². Здесь уместно сослаться на примеры. Так, некоторые ТНК (например, «General Electric», «ExxonMobil Corporation», «General Motors», «Ford», «Royal Dutch Shell») распоряжаются средствами, превышающими размер национального дохода многих современных суверенных государств, а международный характер операций ставит их практически вне контроля любых национальных органов власти³.

Соответственно, возникновение и развитие транснациональных корпораций, которое является закономерным результатом развития процессов общественного разделения труда и производственной кооперации, к рубежу XX–XXI вв. привело к качественно новому этапу. В числе 100 крупнейших участников мирового хозяйства сегодня насчитывают 52 компании и 48 государств. ТНК во все большей степени становятся определяющим фактором не только мировых хозяйственных связей, но также и тех отношений, которые ранее считались исключительной сферой деятельности государств и межгосударственных институтов.

Крупные корпорации, занимая ведущее место в экономике, одновременно являются влиятельными участниками общественно-политической жизни как отдельных стран, так и глобализирующегося мира в целом. Что касается корпорации как политического института, то можно сказать, что политическая роль ТНК — величина непостоянная, она заранее не предопределена масштабами корпоративного бизнеса. Существуют факторы, которые либо ослабляют, либо, напротив, усиливают политическую роль корпораций, причем влияние этих факторов во многом зависит от национально-государственной «привязки», в которой они действуют⁴.

Среди факторов, влияющих на масштабы и характер политической активности корпораций, на одно из первых мест следует поставить тот политический ресурс, которым они располагают. В общем виде полити-

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М., 1969. — С. 126.

² Galbraith J. K. The Anatomy of Power. — Boston. 1983. — P. 56.

³ См.: Владимирова И. Г. Исследование уровня транснационализации компаний. — М., 2001. — С. 99.

⁴ См.: Перегудов С. П. Крупная российская корпорация как социально-политический институт. — М., 2000. — С. 139.

ческий потенциал корпораций можно представить как сумму слагаемых, каждое из которых в той или иной мере оказывается задействовано в политическом процессе. На первое место среди них следует поставить экономический вес и экономическую роль корпорации и корпоративного сектора в целом в национальной экономике. Чем выше зависимость народного хозяйства, отрасли или экономики страны или региона от результатов деятельности корпораций, тем больше у них возможностей влиять на политическую власть и принимаемые ею решения. Весьма существенным слагаемым политического ресурса ТНК является ее «человеческий капитал», аккумулирующий политический вес ее участников. К «человеческому капиталу» можно причислить также население тех поселков, районов, целых городов и стран, которым корпорация обеспечивает занятость и создает условия для жизни значительной части населения, проживающего на данной территории.

Особенностью социального слагаемого политического ресурса ТНК является то, что, несмотря на способность к прямому политическому действию, упомянутые акторы далеко не всегда проявляют себя непосредственно. Однако даже в случае полной политической пассивности сам персонал компании так или иначе воздействует на политическое поведение и позиции тех, кто непосредственно формулирует и артикулирует требования ТНК к институтам власти. Причина тому — осознание ими социально-экономических и политических последствий, к которым могут привести те или иные решения власти как для социально-трудовых отношений внутри самой корпорации, так и для ситуации в регионе, городе или стране.

Следует отметить, что политический потенциал напрямую зависит от распределения собственности как в отдельных компаниях, так и в корпоративном секторе в целом. Концентрация собственности в руках ограниченного числа частных лиц в результате приватизации, если брать российскую действительность, тут же стала трансформироваться в политический капитал и политическое влияние. Причем это влияние стало нарастать такими быстрыми темпами, что в политический и научный лексикон вошло такое понятие, как «приватизация власти». Собственность, подкреплённая властными ресурсами, породила новое перераспределение собственности, результатом которого и стало формирование сначала псевдокорпоративных, а затем и более современных корпоративных структур⁵.

Но даже учитывая все эти факторы, все равно остается вопрос: каким образом ТНК участвуют в политической жизни стран, каким образом влияют на принимаемые властью решения?

⁵ См.: *Перегудов С. П.* Крупная российская корпорация как социально-политический институт. — М., 2000. — С. 139.

В контексте изучения форм и методов участия ТНК в политической жизни необходимо, во-первых, сказать об организациях, в которые входит большое количество крупных корпораций, которые действуют на общенациональном уровне. Данные организации, как правило, нацелены почти исключительно на реализацию политических целей. Примером одной из таких влиятельных организаций в США является так называемый «Круглый стол бизнеса», созданный в 1973 году. В его состав входит около 200 представителей крупнейших американских корпораций. Как подчеркивают зарубежные исследователи, «Круглый стол» представляет в наиболее концентрированном виде экономическую власть и политическое влияние бизнеса, и в этом с ним не может сравниться никакая другая его организация в стране»⁶. Помимо Круглого стола, в США действуют другие влиятельнейшие организации, такие, как Совет экономического развития, являющийся своего рода мозговым трестом корпораций. На вопросах международного характера специализируется Совет по внешней политике, издающий всемирно известный журнал «Foreign Affairs».

Членство в указанных организациях предоставляет крупнейшим корпорациям возможность не только использовать десятилетиями наработанные ими связи и каналы взаимодействия с властями, но и поддерживать, а также закреплять лидирующие позиции в обществе⁷.

Инструментом реализации своих собственных интересов у транснациональных корпораций, однако, являются не отдельные организации, а специальные структуры и подразделения. Например, в Великобритании при основной организации, в которую входит огромное количество корпораций — Конфедерации британской промышленности, — существует так называемый президентский комитет, в который входят представители крупнейших корпораций и который формулирует согласованные позиции по основным вопросам экономической политики. В основе политического влияния лежит способность выступать от имени 100 крупнейших корпораций, действующих также и за рубежом⁸.

Транснациональные корпорации прибегают к различным формам влияния, как позитивным, так и негативным. Среди позитивных форм можно отметить лоббизм, продвижение собственных интересов мирными путями. Одной из особенностей западного лоббизма является широкое использование такого инструмента, как политическое консультирование. Транснациональные корпорации часто прибегают к этим услугам в «сильных» и «развитых» государствах. Консультатив-

⁶ Useem M. The Inner Circle. — P. 72.

⁷ См.: Gelbrath J. K. Указ. соч.

⁸ См.: Grant W. Business and Politics in Britain. L. 1987. — P. 320.

ные агентства выступают в роли лоббистов, иницилирующих и продвигающих те или иные законодательные акты или же препятствующих их продвижению⁹. Среди же негативных форм влияния стоит отметить подкуп, шантаж, свержение неугодных режимов. Следует отметить, что крупные транснациональные корпорации, которые в «сильных» государствах исправно платят налоги, участвуют в частно-государственном партнерстве, осуществляют благотворительную деятельность, соблюдают установленные правовые, экологические и трудовые стандарты, совсем иначе действуют на территории «слабых», «недееспособных» государств. При необходимости они зачастую прибегают к услугам частных военных фирм (ЧВФ).

В современных условиях многие ТНК ведут себя в вышеназванных государствах хищнически и, имея в своих интересах извлечение прибыли и обеспечение бесконтрольного пользования ресурсами, не считаются ни с населением, ни с властью. Некоторые исследователи отмечают, что поведение этих компаний, для которых характерна высокая готовность к применению насилия, нисколько не отличается от того, что происходило в Средние века при захвате колоний¹⁰. К сожалению, мировое сообщество до сих пор не осознало в полной мере все возможные последствия происходящего и ведет себя довольно пассивно.

Такой метод, как свержение неугодных режимов, ТНК используют в тех же самых слабых и недееспособных государствах. При этом интересно знать, что в ряде случаев они используют для этого методы тайных операций. В настоящее время стали широко известны такие случаи. Характерным примером являются усилия, предпринятые «Интернэшнл телефоун энд телеграф» и другими американскими транснациональными компаниями по свержению чилийского правительства Сальвадора Альенде в 1973 году.

Это произошло из-за недовольства ТНК его программой социально-экономических преобразований. Тогда в Чили была создана система государственных закупок, распределения товаров и услуг, через которую к потребителю поступали практически все товары и услуги, что вызывало недовольство крупных корпораций и прочих предпринимательских кругов. В дальнейшем товары начинали реализовываться нелегально, возник «черный рынок», из легальной же продажи товары часто исчезали. Серьезные экономические трудности усугублялись международным давлением на правительство Альенде и ограничением торговли с Чили. Есть примеры и подобных действий ТНК в Восточном

⁹ См.: *Grant W. Business and Politics in Britain.* — P. 320.

¹⁰ См. об этом: *Белозёров В. К.* Негосударственные субъекты современных войн и военной деятельности // Проблемы безопасности: Бюллетень Научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2009. № 5. — С. 92–94.

полушарии. Например, английская компания «Лонро» содействовала проведению ряда тайных операций в Африке¹¹.

Правомерно утверждать, что в настоящее время ТНК превратились из субъектов в объекты международной политики, активно участвуя во всех глобальных процессах, происходящих в мире. ТНК фактически решают вопросы нового экономического и политического передела мира, стоят на грани создания мирового наднационального правительства. Транснациональные корпорации, наравне с промышленно развитыми странами, сегодня широко представлены в политике, экономике, в финансово-инвестиционной, информационной, научно-технической, военной, технологической, экологической сферах. Во внешней политике ТНК реализуют собственную корпоративную дипломатию, а для успешного обеспечения внутрикорпоративной политики создали свою корпоративную идеологию¹². Наряду с крупнейшими державами, они имеют собственные многочисленные спецслужбы, а оружия, которое выпускает, например, только одна «Дженерал дайнемикс», достаточно для вооружения армии не одного государства¹³.

Деятельность ТНК по характеру и формам проявления в мировой политике и экономике во многом совпадает с деятельностью государств, что позволяет экспертам заявлять об идентичности действий и проявлений ТНК и государств в глобальной политике и экономике. Располагая широкими возможностями, созданные компаниями спецслужбы добывают разнообразную политическую и экономическую информацию, которую, в ряде случаев, не имеют возможности получить внешнеполитические ведомства и разведки ведущих государств. Для этого крупнейшие компании, помимо «традиционного» оборудования, используют собственные космические спутники и средства радиоперехвата. Для обеспечения информационной безопасности корпорации широко используют шифры и коды для проверки собственных сотрудников — «детекторы лжи» и другое спецоборудование.

Спецслужбы ТНК осуществляют практически все виды шпионажа — от научно-технического до политического. Разведслужбы корпораций занимаются не только сбором информации, но и подготовкой прогнозов о развитии политических событий в тех регионах и странах, которые представляют интерес для ТНК. О высоком качестве таких прогнозов свидетельствует, в частности, тот факт, что аналитики американской «Галф ойл», в отличие от ЦРУ США, смогли предсказать

¹¹ См.: Блоч Дж., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки: Ближний и Средний Восток, Африка и Европа после 1945 года. — М., 1987. — С. 227.

¹² См.: Лебедева М. М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003. № 1.

¹³ См.: Перегудов С. П. Крупная российская корпорация как социально-политический институт. — М., 2000. — С. 139.

свержение шаха Ирана за четыре месяца. Благодаря этому компания своевременно перенесла свою деятельность из Ирана в другие страны, не понеся убытков в ходе начавшихся там антиамериканских выступлений.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что в современном мире транснациональные корпорации имеют огромное влияние на институты власти в национальных государствах благодаря своей разветвленной структуре. Транснациональные корпорации способны легко преодолевать национальные границы и фактически властвовать над населением менее развитых стран. По мнению российского историка и политолога А.И. Уткина, так происходит, «потому что ни национальные правительства, ни локальные власти не смогут собственными силами справиться с проблемами, порожденными растущей взаимозависимостью»¹⁴.

¹⁴ Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. — М., 2001. — С. 480.

РЕФОРМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института философии РАН Л.П. Буева, доктор исторических наук, профессор, советник ректора Российского государственного торгово-экономического университета, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования Г.В. Саенко. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. В конце XIX века Японии предстояло совершить скачок из феодализма в современный мир. Как можно было бы реализовать эту историческую трансформацию? Опыт Европы в основном свидетельствовал о том, что без социальной революции не обойтись. Только она, как полагали многие европейские мыслители, может обеспечить стремительное продвижение из одного общественно-экономического строя в другой. Разумеется, возможность реформирования общества тоже учитывалась, но только в качестве неизбежного подспорья. В целом предполагалось, что только путем социальной революции можно разорвать путы традиции. С политической точки зрения, все революции нуждаются в уничтожении или нейтрализации внутренних враждебных сил, а также, видимо, тех сословий, которые несовместимы с их исторической ориентацией. Нельзя говорить о завершении революции, пока эта цель не достигнута.

На исходе того столетия Япония мечтала о том, чтобы восстановить власть императора. В этом лозунге, как отмечала известная американская исследовательница Р. Бенедикт, отразилось стремление оградить Японию от разлагающего влияния внешнего мира, реставрировать золотую эпоху X века. Р. Бенедикт имела в виду реформы Мэйдзи (1867–1868) — буржуазную революцию в Японии, в результате которой был ликвидирован институт «двойного правления» императора и сёгуна и «реставрировано» верховенство императорской власти. Однако такое развитие событий не нравилось многим японцам.

Императорский двор в Киото отличался крайней реакционностью. Социальный парадокс заключался в том, что восстановление императорской власти означало бы не столько учет назревших социальных перемен, сколько воз-

вращение к традиционному образу жизни. Победа сторонников императорской партии привела бы к унижению и изгнанию иностранцев. Но это влекло бы за собой укрепление патриархальности и было бы чревато неиссякаемой боязнью новых общественных веяний. Те политические силы, которые стремились к реформам, могли бы, в случае укрепления императорской власти, потерять свои позиции и даже право голоса при решении многих социальных вопросов.

Реставрация прежних устоев была выгодна «посторонним князьям», так называли феодальных властителей, которые выступали против японского полководца и государственного деятеля Токугавы. Теперь эти князья стремились к радикальным кадровым перестановкам. Они пытались изменить установленную им сословную систему, при которой общество состояло из самураев, крестьян, ремесленников, торговцев и купцов. Свои ожидания были и у крестьян, которые требовали, чтобы им оставляли большую часть выращиваемого ими риса. Но реформы они отвергали с крайней ненавистью. Самураи мечтали о том, чтобы им сохранили пенсии и право использовать свои мечи для вящей славы. Купцы давали деньги на возможное восстановление власти императора, особых претензий к феодальной системе у них не было. Им было важно расширить сферу меркантилизма.

Как разрешить все эти общественные противоречия? Возможно ли учесть совершенно разнородные интересы различных социальных слоев страны? И, наконец, как при видимом историческом движении вспять, то есть восстановлении власти императора, катапультировать Японию в новейший мир?

Эти задачи, как известно, выполнил великий японский реформатор Мэйдзи. Он сумел с помощью реформ обеспечить стране завидное место в мировой системе. В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Что такое реформа как социальный феномен?
2. Каковы положительные и отрицательные стороны реформ?
3. Какова судьба реформ в России?

1. Что такое реформа как социальный феномен?

Саенко Г. Слово «реформа» сегодня у всех на устах. Власть в России пытается преобразовать различные стороны общественного бытия — экономические, социальные, политические, культурные, религиозные. Реформа толкуется как процесс безотлагательный и позитивный. Сегодня никто уже не представляет жизни без очередных реформ. Нет ни одной политической партии в стране, которая не предлагала бы целый арсенал различных новаций.

Инноватика — перманентный лозунг дня. Социальные философы и политики предупреждают: промедление с реформами чревато утратой благосостояния и независимости. Однако ситуация складывается так, что в обществе уже обозначился страх перед затеваемыми переменами. Крепнет убеждение, что ничего хорошего эти «новшества» не содержат. Напротив, они порождают множество негативных явлений. Во всяком случае, никакой пользы народу они не несут.

Эксперты задают вопрос: можно ли назвать реформой то, что происходит в стране? На смену безобидному аскету-накопителю, инвестору и партнеру, о

которых писал Макс Вебер, является тип ростовщика и менялы, рэкетира и обманщика, лукавого управленца и расточителя. В нашей стране заметно усиливается противостояние реформам, которое подчас имеет гротескный характер. Эксперты даже утверждают, что массовое списывание заданий по ЕГЭ явилось своеобразным протестом против потока новшеств, которые щедро обрушиваются на систему образования. Поговаривают даже об эффекте «швейкования», намекая на известного литературного персонажа. Речь идет о том, чтобы путем послушания довести команды управленцев до абсурда. А попытка разрушить Российскую академию наук вообще натолкнулась на сопротивление ученых, не желающих служить бюрократам в их стремлении взять каждый гектар земли на свое хозяйство.

Буева Л. Поразительно при этом, что социальные философы не анализируют теоретические проблемы, связанные с реформой. Сложилось стойкое убеждение, что социальное преобразование — по существу, проблема прикладная, техническая. Традиция внимательного, осторожного и вдумчивого отношения к общественным переменам безнадежно утрачена. Отечественных исследований на эту тему мало. В основном интерес к теме ограничивается переводами зарубежных авторов. Среди них П. Штомпка, С. Эйзенштадт, Р. Саква, Р. Инглехарт. Эти сочинения становятся единственным источником новой методологии в анализе социальных изменений. Между тем в базовых представлениях о социальных трансформациях царят путаница и дилетантизм. До сих пор не осмыслен сам процесс грандиозной инверсии — переход от прославления революции к культу реформ.

В марксизме существовало стойкое представление о реформе как предательстве революции. Реформа отождествлялась с убеждением, что она есть не что иное, как уступка революционных масс своим противникам. Смысл эволюционизма видели в том, чтобы задержать ход радикальных перемен, отсрочить их. Социальные философы не обратили серьезного внимания на парадокс, ведь чуть позже началось исступленное развенчание революции как деструктивного общественного явления.

Гуревич П. Американский социолог Раймон Арон подчеркивал, что американская социология уводит политиков от революции к реформам. Между тем европейские мыслители пестовали другой вариант событий — от реформ к революции. Революционный миф оказался наиболее устойчивым во Франции. Некоторые революции, например Великая французская революция, русская (Октябрьская 1917 года) и китайская, оцениваются как модели для анализа революционных феноменов вообще. Однако в гуманитарном сознании нет еще обстоятельной метафизической оценки революции как феномена. Отсутствует необходимая база для сравнительного анализа и обобщений. Нередко идеалы той или иной революции оказываются недостаточно документально подтвержденными, недостаточно изученными.

В современной философской и социологической литературе, посвященной феномену революции, разворачивается критика марксистской концепции, согласно которой утверждалось, что революция есть локомотив истории, закономерный и необходимый результат классовой борьбы в антагонистических формациях, высшая форма такой борьбы. Теперь всякая революция оценивается как разрыв в поступательном историческом процессе, акт разруши-

тельности и бедствия. Классические размышления французского социолога Жака Эллюля ввели в общественную теорию противопоставление «бунта» и «революции». Современные события на Ближнем Востоке, в Африке наглядно показали разрушительную мощь революций. Реформа становится единственным паролем любых преобразований.

Саенко Г. Между прочим, далеко не все социальные мыслители прославляли революцию. Многие из них считали, что для решения общественных проблем гораздо продуктивнее медленное, постепенное движение вперед. Этот процесс характерен не только для Запада, но и для Востока. Кстати, Павел Семенович, государственные деятели, которые содействовали реформам Мэйдзи, стремились учесть социологические достижения европейской мысли. В 80-е годы XIX века принц Ито, которому было поручено разработать новую Конституцию для Японии, послал маркиза Кидо в Англию к Герберту Спенсеру, чтобы проконсультироваться с ним по поводу назревших японских проблем и способов их решения. Поразительный факт, не так ли?

Буева Л. Г. Спенсер, действительно, один из наиболее фундаментальных европейских мыслителей. Редкое современное социальное исследование обходится без ссылок на Спенсера. В «Основах социологии», самом фундаментальном своем труде, он систематизировал собственные взгляды на эволюцию общества. Спенсер считал, что усиление альтруизма есть закономерное и необходимое в историческом процессе. Он полагал, что человек, склонный к насилию, может в принципе стать глубоко страдающим индивидом. Сегодня, в условиях роста социальной агрессии, эти рассуждения могут показаться наивными. Но нельзя не посчитаться с тем, что Спенсер и его последователи аргументированно придерживались эволюционистской доктрины. Социальные изменения должны происходить продуманно, медленно, без риска, который чреват разрушительными последствиями.

Эволюционисты считали, что обновленческие (мы сказали бы сегодня — модернизационные) процессы требуют постепенности, учета пройденных этапов и тщательного изучения нежелательных результатов. Они постоянно настаивали на умеренном, накопительном и мирном характере общественных преобразований. Сторонники Спенсера были убеждены в том, что эти основоположения социальной теории важны не только для западных стран. Другие страны столкнутся с теми же проблемами. Именно поэтому эволюционисты разработали целый ряд понятий, которые могли бы выступать в качестве измерителей пройденного исторического пути. Среди этих терминов — «структурная дифференциация», «адаптивное совершенствование».

Гуревич П. Кстати, о своеобразной смычке Запада и Востока. Людмила Пантелеевна, когда японские деятели приехали к Спенсеру, он провел с ними обстоятельные беседы и дал конкретные рекомендации, которые во многом определили характер реформаторских усилий Мэйдзи. Спенсер указал на особую опасность, которую несет в себе попытка государственных деятелей устранить социальную иерархию. В Японии, подчеркнул он, сохранились традиционные институты. Их надо укрепить, чтобы обеспечить национальное благосостояние. Многие народы прошли через революции. Можно утверждать, что революции всегда были сопряжены с фазами разрушения. В каждой последующей фазе революции истреблялись деятели предыдущей. Все

революции, особенно нареченные великими, оказывались кровавыми. Во время Великой французской революции крови пролилось не меньше, чем во время русской, а в английской — не меньше, чем во французской. Буржуазная революция в Японии не предполагала свержения или умаления власти императора, а, напротив, по совету Спенсера, сопрягалась с укреплением социальной иерархии.

Сторонники Мэйдзи испытали удовлетворение от того, что получили поддержку и подкрепление собственным представлениям от европейского мыслителя. Те и не собирались устранять социальные различия и иерархические установки и после встречи со Спенсером укрепились в этом мнении. Япония могла добиться значительных успехов, отказавшись от индивидуализма, который взяли на вооружение многие нации. Напротив, под контролем «старших» страна могла избежать многих ошибок.

Саенко Г. Однако мы не можем анализировать реформы без должного сопоставления их с феноменом революции. Само слово «революция» стало неотъемлемой составной частью европейской культуры с эпохи Просвещения. Оно (и его производные) оказалось приложимым практически ко всем сферам жизни (о революции говорят не только применительно к политике, но и к экономике, науке, технике, культуре). Оно стало политическим лозунгом и научным термином. История этого слова демонстрирует взаимодействие постоянных, повторяющихся моментов и инноваций.

Буева Л. В язык политики слово *revolutio* вошло в эпоху позднего средневековья (сначала в Италии). Семантика его изначально была связана, с одной стороны, с понятием переворота и с другой — с хронологическим представлением о постоянном обращении планет. Т. Гоббс полагал, что революции вызывают постоянную смену способов правления: от монархии к аристократически-парламентской конституции, затем к демократии, а от демократии — снова к монархии. События английской революции, казалось, подтверждали это положение о постоянном возвращении политической жизни к исходному пункту, подобно круговым движениям планет. Современное понятие слово «революция» приобрело в европейских языках к концу XVIII века, в эпоху Французской революции.

Гуревич П. Надо отметить, что нынешнее понятие «революция» двойственно: с одной стороны, оно означает осуществляемую насильственным путем смену власти, с другой — структурные сдвиги, происходящие в обществе на пути из прошлого в будущее. Изначально слово «революция» обладало главным образом политическим импульсом, к которому затем добавилось более широкое социальное значение. Слово «революция» и его семантика генетически связана с тремя группами политической лексики, восходящей к античности. Во-первых, оно восходит к лексике, обозначающей политические беспорядки (точка зрения власть имущих) — сравните латинские термины: *tumultus*, *seditio*, *rebellio* («возмущение», «мятеж», «бунт»). Во-вторых, оно связано с лексикой, также обозначающей нарушение нормального хода политической жизни, но уже с нейтральной точки зрения: *discordis*, *bellum civile*, *vicissitudo* — «распря», «гражданская война», «превратности». В-третьих, обозначение политических событий с точки зрения «низов», являющихся движущей силой революции. Эти обозначения поясняют необходимость и

законность смены власти: слово «революция» противопоставляется таким словам, как «тирания», «деспотия».

Саенко Г. Но к концу XVIII века семантика слова «революция» все больше сближалась с представлениями о развитии, прогрессе человеческого общества. Революция стала «субъектом истории», объективно необходимым фактором движения к лучшему будущему. Произошло разделение и противопоставление семантики «мятежа» (отрицательные коннотации) и «революции» (положительные коннотации). В процессе секуляризации общественной жизни «революция» стала вытеснять религиозные ориентиры истории — «ожидание царствия небесного на земле».

Буева Л. Развитие слова «revolution» демонстрирует многократный процесс метаморфизации: от слова с конкретным значением («откатывание», «оборот») к астрономическому термину, затем — к политическому и, наконец, к социальному термину. Семантика слова становилась многослойной, слово сохраняло в себе «память» о предыдущих семантических сдвигах. Так, астрономическое представление о *revolutio* как сложном движении (Земля вращается вокруг своей оси и одновременно обращается вокруг Солнца) отразилось в появившемся в XIX веке представлении о социальном развитии как движении по спирали. В то же время и самое абстрактное значение слова «революция» унаследовало в метаморфизированном виде изначальную семантику движения, резкого и отрицательного сдвига.

Гуревич П. Вы говорите о различии между революцией и реформой. Но не кажется ли вам, уважаемые коллеги, что феномен реформы, радикально противостоящий слову «революция», со временем обнаружил в себе тайную родственную близость с ней? Неужели не очевидно, что отдельные реформы, даже в случае собственной неудачи, рожают в обществе такие новации, на какие не могли рассчитывать прежние революции? Буквально в течение одного-двух десятилетий в России обнаружилась и утвердилась столь мощная социальная сила, как олигархи. Финансовая буржуазия стала диктовать свои условия чуть ли не всему миру.

Макс Вебер считал, что в минувшем столетии возникло новое явление, которое он назвал универсальной бюрократизацией. При его жизни обозначился совершенно «вульгарный» бюрократический ореол, который этот ученый назвал «метафизикой чиновничества». Сегодня чиновники самостоятельно решают социальные проблемы, которые прежде находились в компетенции царей и императоров. Кто, к примеру, определяет сегодня судьбу деревни? Во всяком случае, не верховные лица страны.

Саенко Г. Другой европейский мыслитель, Альфред Вебер, тем не менее, считал, что бюрократический аппарат, который служит инструментом в руках того или иного президента, никак не должен претендовать на ореол величия. Однако в наши дни власть чиновника оказалась безмерной. Возникло новое всевластное сословие. Разве посмел бы в советские годы министр просвещения замахнуться на Академию наук? В наши дни о предстоящей реформе не был поставлен в известность даже президент РАН. Размеры поглощения населения чиновничьим аппаратом огромны. Родился феномен обожествления чиновника. Государство теперь говорит чиновнику: «Ты мой, потому что ты некогда продал мне себя. Ты — мой вассал».

Буева Л. Произошла немыслимая девальвация интеллектуальной жизни. Заметны крутые выступления против фундаментальной науки, гуманитарного знания. Обучение все очевиднее сводится к навыкам купли и продажи. Разве мыслимо было подумать еще десятилетие назад, что торговец мебелью станет министром обороны, зав. складом — вице-премьером, косметолог — сеятелем? Государственное управление в России двадцать с лишним лет, без перерывов, демонстрирует криминальный тип сознания, органически неспособный к культурной и интеллектуальной эволюции. В наши дни заметно упростился и сам тип личности. Теперь реформы реализуют те социально-политические силы, которые сумели заполучить власть в ходе общественных пертурбаций. При этом преобразуются институты общества, социально-экономические или политические отношения, структурно-функциональные связи. Получается, что эволюционные реформы используют те же самые механизмы, которые сопровождали революционные перевороты. При этом рушатся традиции, рвется социальная ткань. Появляются неожиданные последствия скороспелых преобразований, которые носят стойкий и нередко деструктивный характер. Реформа становится синонимом любых значительных трансформаций, которые убыстряют ход истории. Используются и другие понятия, которые выражают смысл реформирования, — «модернизация», «мобилизационные процессы».

Гуревич П. Все это, несомненно, так. Но эту опасность предвидели многие европейские мыслители. Например, французский психолог Густав Лебон подчеркивал, что мания великих реформ пагубна для народа, как бы ни казались хорошими эти реформы в теоретическом отношении. Неплохо сказано — «мания великих реформ»! Они могли бы, по его словам, принести пользу только в том случае, если бы оказались способными мгновенно изменить «душу нации». Но это невозможно. Реформированию, по словам Лебона, подвергаются учреждения и законы. Люди в своей жизни ориентируются на идеи, чувства и нравы. Любая реформа затрагивает основы культуры. Можно, разумеется, улучшить экономические показатели путем финансовой реформы. Но крайне непродуктивно и опасно проводить административную или образовательную реформу путем простой пересадки чужих нововведений в свою культуру.

Саенко Г. В связи с этим не следует ли пересмотреть традиционное противопоставление реформаторов и консерваторов при оценке социальной динамики? Справедливо ли полагать, что только либеральное направление мысли связано с прогрессом, с экономическим и политическим развитием? В теориях прогресса всегда существовали привычные сопоставления — демократия и либерализм против неограниченного самодержавия, социальный атомизм, индивидуализм против коллективизма и общинности, секуляризм против сакральности, эгалитаризм против социальной иерархии, массовая культура против локальной и дифференцированной культуры. Социальная практика показывает, что «надрывная модернизация» порой выступает против наращивания общественного потенциала. Консервативная позиция зачастую позволяла уберечь общество от неоправданных рывков, непродуманного парашютирования в новое цивилизационное пространство. Недаром Мишель Фуко показывал, что «беззаботность» и «пришпоривание истории» нередко

проистекают из невежества, некомпетентности, безответственности человека, института, государства, масс. Реформа на самом деле не имеет ничего общего со стремительным броском в будущее. Ее неудачи способны надолго задерживать плавный ход событий.

Буева Л. Как раз реформы Мэйдзи интересны тем, что в ходе перемен сохранилось бережное отношение к общественным устоям. Он, в частности, мы об этом говорили, делал упор на сохранение социальной иерархии. Она-то и позволила примирить разные общественные интересы и обеспечить интенсивное развитие страны. Лихорадочный гон преобразования нередко в истории оборачивался не только утратами, но и тормозил общественную динамику. Русские консерваторы настаивали на проблеме национальной идентичности. Взгляды государственников на ценностные основания этой самотождественности имели четкую практическую направленность — сохранить существующий в стране правопорядок. Ведь культура зиждется на конкретном религиозно-философском фундаменте, отражая ту или иную интерпретацию смысла и путей истории, места человека в ней.

Гуревич П. Реформа и дилетантизм — несовместимые вещи. Между прочим, Огюст Конт считал, что раньше всех других революционных изменений должна произойти революция интеллектуальная. Ни насилие, ни случайности революции не способны, как он полагал, изменить общество. Реформаторский пыл Конта сосредоточен на созидании силы духа, поэтому в сфере экономики он предстает в роли умеренного преобразователя.

Между тем реформы в современной России ориентированы, в конечном счете, только на экономический эффект, в какой бы социальной сфере они ни происходили. В то же время происходящие преобразования утрачивают интеллектуальный ресурс. Конт анализирует историческое разнообразие, детально рассматривая три движущие силы преобразования: расу, климат, политическую деятельность. Великие люди не способны, по мысли Конта, изменить ход событий. Конечно, современная социальная практика показывает, как много в общественном прогрессе зависит от личности преобразователя, его политической воли, интуиции и ответственности. Но Конт опасался диктаторской размашистости, навязывания самонадеянности и небожительской надменности. Французский социолог полагал, что планировать общество, опираясь на насилие, еще худшее зло. Реформатор может содействовать смягчению ситуаций, кризисных состояний. Он предупреждал: речь идет не об управлении социальными феноменами, а лишь об изменении их спонтанного развития. Не зная реальных законов общественного развития, лучше не затевать реформ...

Саенко Г. Мне кажется актуальной мысль Альфреда Вебера о том, что культуру не «создают», как ныне, писал он, вероятно, полагают глупцы. Она растет. Мы должны питать почву, чтобы она не пересохла окончательно и чтобы наше «духовное тело» еще продолжало жить. Но современным реформаторам мнится, что именно они творят культуру, меняют ее очертания и направленность. Любое бюрократическое помышление опирается на безоговорочный аргумент — «а у них, то есть на Западе» вот так. Всем известно, что аналог нашего ЕГЭ есть в ряде стран. Но он там не вызывает ни споров, ни коррекций, ни панических обвалов, как в нашей стране в этом году. Почему одна

и та же форма проверки знания порождает столь разные эффекты, скажем, в США и в России? Реформа вообще не должна предполагать слепого копирования. В России же огляд на Запад носит характер директивы.

Буюва Л. Отсюда весьма актуальный вывод: не только революция, но и реформа связана с насилием. История подчиняется законам. Эволюция требует времени. Иначе она все равно возжаждет крови. Невозможно реформировать общество без научной теории, без глубокой опоры на социальное знание. Аристотель утверждал, что политическая стабильность зависит от приспособления образования к форме правления. Общество может функционировать только при наличии определенной гармонии между преобладающими в нем ценностями, институтами и образованием, знанием. Что касается Конта, то он вообще считал, что без единства религиозных и моральных убеждений ни одно общество не может быть устойчивым. Классики социологии были убеждены в том, что демократия способна смягчить социальные конфликты. Но она же чревата новым деспотизмом. Особенно настаивал на этом выводе французский социолог Алексис де Токвиль.

2. Каковы положительные и отрицательные стороны реформ?

Саенко Г. Каков же общий итог феноменологии реформы? Классики социологии признали ее надежным средством социальной динамики при одном неоспоримом условии: сам характер социальной технологии для общества даже более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация. Это главная мысль Карла Манхейма. В современной политической практике властители тоже толкуют о реформах. Однако они не связывают их ни с какой социальной технологией. Бюрократы фиксируют кризисные процессы в конкретной области общественной жизни и с помощью экономических рычагов начинают «исправлять положение». Нищает характер управленческих процессов — значит, надо повысить зарплату чиновникам. Но К. Манхейм предупреждал: без целостной концепции общественного развития реформа неизбежно окажется бесплодной или разрушительной. С помощью социальной технологии можно затормозить или изменить функционирование экономической системы, разрушить одни социальные страты и поставить на их место другие. Но добиться внушительных результатов для общественного развития только путем законодательных актов невозможно.

Буюва Л. К. Манхейм считал, что сама по себе социальная технология ни хороша, ни плоха. Все зависит от того, как ее использует человеческий рассудок и политическая воля. Если экономическую систему пустить на самотек, то есть, говоря современным языком, довериться только либеральным схемам рынка, то возникнет пропасть между богатством и бедностью. Принцип социальной справедливости является не только этическим принципом, но и одним из условий функционирования самой демократической системы. Но он же подчеркивал, что требование большей справедливости вовсе не обязательно подразумевает механическое понятие равенства. Разумные различия в доходах и накоплении богатства могут сохраняться в обществе с целью стимулирования лучших достижений, пока они не нарушают общих тенденций пла-

нирования и не вырастают до таких размеров, что препятствуют сотрудничеству между различными классами.

Гуревич П. Согласен. Но немецкий социолог считал, что эволюционные изменения обладают несомненным преимуществом по сравнению с революцией. В этом контексте он обратил внимание на аксиологию реформ. Всякое реформирование имеет этическое измерение. Властитель может соблазнять массы экономическими результатами, благодеянием, потребительскими запросами. Но проблема выбора ценностей все равно окажется неизбежной при любом реформировании. Во имя чего планируются перемены? Тот же Манхейм сопоставляет религию любви и всеобщего братства, неоспоримую ценность свободы и развития личности с идеей справедливости, равенства людей. Но в общественном сознании современной России проступают также ценности национализма, чистоты этноса и плодovitости, установки на дисциплинарное послушание. Реформы в нашей стране не сплавляют народ, как это было в программах Мэйдзи или Людвиг Эрхарда, а, напротив, резче обозначают социальные противоречия, внутрисоциальные конфликты. Может ли, к примеру, административная реформа вызвать воодушевление и энтузиазм масс, если в ее сухом остатке число чиновников и их полномочия возрастают? Способна ли проведенная бывшим министром обороны военная реформа укрепить патриотические чувства народа, если ее главный итог — широкий спектр уголовных дел?

Саенко Г. Карл Манхейм предупреждал в своей книге «Диагноз нашего времени»: ни одна реформа не может быть успешной, если в ней нет аксиологической перспективы. Иначе говоря, мы, затеявая преобразования, должны подумать о том, каково нравственное содержание задуманных трансформаций? Возможно, они окажутся полезными в экономическом отношении, но ущербными в нравственном смысле. Английский утопист Герберт Уэллс саркастически заметил: можно делать консервы из людей, если речь идет только о полезном пропитании. Какой тип личности нужен нам в процессе реформирования общества? Хотим ли мы, спрашивал Манхейм, воспитать прагматиков, которые обо всем судят с позиции пользы? Или для социальной динамики потребен другой тип личности?

Буева Л. Когда, по словам того же Манхейма, возник новый метод оправдания ценностей, источником которого является вечный рациональный закон, якобы присущий всему человечеству, распахнулись двери для обоснования самых разных святынь. Утилитарное оправдание ценностей со ссылкой на их полезность или вера в неоспоримое влияние лидера стали настолько же благовидными, как и вера в право сильного. И не суть важно, находит ли последняя свое выражение в теории вечной борьбы между расами, классами или элитами. Во всех этих случаях не видно конца затуханию взаимной вражды, отмечал Манхейм, поскольку оправдание как таковое признает бесконечные произвольные притязания: почему бы моему лидеру не обладать ясновидением, а моей расе или классу призыванием править миром?

Гуревич П. Еще одна трудность того же порядка заключается, согласно Манхейму, в том, чтобы сосредоточить интенсивное внимание на каком-то видимом социальном факторе. Когда нет признанной системы ценностей, то

власть рассеивается, методы оправдания становятся произвольными, и никто ни за что не несет ответственности. Академиков РАН обвиняют в том, что они не украсили быт новыми айфонами и другими достижениями. Но ведь Академия наук занимается фундаментальными проблемами науки. Кому бы пришло в голову критиковать супругов Жюлио-Кюри за то, что они занимаются проблемами распада атомного ядра, но до сих пор не изобрели атомную бомбу? Сосредоточение власти и распределение различных степеней ответственности между должностными лицами — предварительное условие функционирования общественной жизни. Это сосредоточение, однако, затрудняется, поскольку политические лидеры могут выдвинуть в качестве неотложной любую социальную проблему. Бывший президент доказывал, что самое главное для России модернизация. Но что нужно оmodernизировать в первую очередь? Каковы приоритеты? Что такое вообще модернизация в современном мире? Эти вопросы не обсуждались, и поэтому лозунг модернизации быстро утратил свою актуальность.

Саенко Г. Реформаторы общества время от времени привлекают всеобщее внимание к отдельным порокам социальной системы, но сейчас это надо делать систематически и масштабно. Вряд ли можно сегодня полагать, что вредные последствия безработицы, неправильного питания или недостатка образования могут стать уделом только определенных классов общества. Тесная взаимозависимость событий в современном обществе вызывает у всех его членов беспокойство, что отрицательно сказывается на физическом и моральном состоянии социума. Чтобы подготовить почву для достижения согласия, надо устранить препятствия, существующие в нашем обществе. Поэтому борьба за достижение согласованности в оценках идет рука об руку с борьбой за социальную справедливость. С другой стороны, нельзя предположить, что распространение социальной справедливости на значительную часть общества автоматически приведет к согласию в оценках. В массовом обществе много других источников разногласий и противоречий между индивидами и группами, которые могут привести к хаосу, если мы не найдем правильного подхода. Поэтому одна из важнейших задач социолога — изучение условий, при которых возникают разногласия и прерывается процесс группового приспособления и примирения ценностей. Он должен анализировать причины неудач теми же эмпирическими методами исследования, которые во многих других областях указывали адекватные меры по восстановлению и обновлению пришедших в упадок общественных структур.

Буева Л. О том, сколь важны реформы, спорить не приходится. Вернемся к реформам Мэйдзи. Реформы начальной поры режима этого управленца поначалу вообще не пользовались особой популярностью. Японцы с огромным энтузиазмом ждали вторжения в Корею. Но правительство похоронило этот проект. Правительственная программа настолько не соответствовала упованиям сторонников данного вторжения, что им удалось организовать даже восстание против правительства. Начались и крестьянские выступления. Уменьшение налогового бремени они рассматривали как расчетливый обман. Крестьянам не нравилось появление школ, всеобщая воинская повинность, земельное межевание. Недовольство вызывал также тот факт, что их лишили косичек. Перед реформаторами возникла дилемма — усилить наси-

лие от имени исторической необходимости или учесть интересы разных сословий, добиться согласия в обществе, примирить социальные ожидания.

Буева Л. Если бы Мэйдзи встал на путь неумолимой интенсивной модернизации, у нас не было бы, пожалуй, повода говорить сегодня о его реформах. Япония увязла бы в социальных противоречиях. Но его правительство не стало бороться с традициями. Реформаторы не унизили и не разорили класс феодалов. Представителей этого сословия они перетянули на свою сторону, повысив им пенсии. Значительно улучшили положение крестьян. Реформаторам удалось объяснить народу, что они не намеревались обмануть крестьян, а просто искали средства для выполнения их требований: казна на первых порах была бедной. И вот случилось то, что сегодня может казаться утопией или парадоксом. Мэйдзи провел реформы, от которых выиграла вся страна и каждое сословие в отдельности. Наши реформы в основном направлены на то, чтобы у кого-то отобрать и что-то распределить заново. Об увеличении общественного продукта никто и не помышляет.

Гуревич П. Реформы, на мой взгляд, не имеют обязательного канона. Точнее сказать, они обеспечивают большую социально-культурную обусловленность. По мнению И. Галтунга, революция есть «радикальное изменение социальной структуры, которое происходит в короткий период времени». Недостатки такого определения очевидны. Оно не дает возможности отделить мексиканскую революцию от переворота в Чили, не позволяет отличить русскую революцию от социальных изменений, произошедших на Ямайке в результате отмены рабства. Все определения этого типа, т. е. более или менее широкие, предполагают возможность почти универсального использования понятия «революция» как в хронологическом, так и в географическом плане. Однако можно указать на некоторые особенности революции, которые обнаруживали себя в разных странах. Во-первых, революция есть бурный процесс, сопровождающийся внезапным потрясением; это перелом, который относится, прежде всего, к институциональной и конституционной структуре государства. Во-вторых, революция является социальным феноменом, выражающимся в движении групп и масс. И, наконец, в-третьих, революция — это выработка определенной программы или идеологии, в которой ставятся позитивные цели обновления, дальнейшего развития, человеческого прогресса.

Саенко Г. Отличие реформы от революции обнаруживается, во-первых, в том, что эволюционное социальное преобразование не предполагает ломки институциональной и конституционной структуры государства. Речь может идти лишь об изменении политической жизни в стране. Во-вторых, реформы, как правило, не поддерживаются массами, не рекрутируют их целиком. Зачастую попытки изменить традиционный уклад вызывают сопротивление населения. Наконец, реформы, которые проводятся по шаблону, без учета конкретной культуры и истории народов, обречены на провал и деструктивность. Задача реформы состоит в том, чтобы удержать ее от революционного соблазна.

Буева Л. Напротив, успех реформы гарантирован, если она опирается на традиции народов и этносов. Вернемся, допустим, к реформе Мэйдзи. Скажем, проблема соотношения власти и народа в Японии в этот период получила своеобразную аранжировку. Общий план этой реформы разительно отличался от деятельности американских или английских институтов. Р. Бене-

дикт подчеркивает, что европейцам было трудно понять основные положения этого плана. Деятели эпохи Мэйдзи распределили обязанности «должного места» между государством и народом в каждой сфере деятельности, будь то политическая, религиозная или экономическая. Так называемое «общественное мнение» не играло той роли, которое оно имеет на Западе. Руководство правительством осуществляла высшая иерархия. Но принцип выборности здесь не действовал. То место, которое тот или иной деятель занимал в социальной иерархии, зависело в основном от близости к императору. Это в основном советники. «Последняя категория, — пишет Р. Бенедикт, — включала в себя членов кабинета министров, губернаторов префектур, судей, руководителей национальных бюро и других подобного рода ответственных должностных лиц. Ни один избранный чиновник не обладал таким статусом в иерархии, и не могло быть и речи, чтобы избираемые члены парламента, например, имели право голоса при подборе или одобрении кандидатуры какого-нибудь министра или главы бюро финансов или транспорта».

Гуревич П. Это, разумеется, так. Но во всех азиатских странах, при любых режимах власть, направляясь сверху вниз, встречается где-то на середине пути с местным самоуправлением, формируемым снизу. Р. Бенедикт подчеркивает, что все различия между ними обнаруживаются лишь в том, насколько велика в них демократическая подотчетность, насколько значительны или ничтожны его обязанности, несут ли местные лидеры ответственность перед всей общиной или же, будучи подкуплены местными магнатами, действуют не в интересах народа.

Саенко Г. Раз уж мы обратились к классическому исследованию Р. Бенедикта, то надо отметить, что во всех отношениях японское управление сильно отличается от американского. Там выборные лица несут высочайшую административную и юридическую ответственность, а местный контроль осуществляется местным руководством полиции и полицейскими судами. Но формально оно не отличается от организации управления в таких западных странах, как Голландия или Бельгия. Как и в Японии, в Голландии, например, королевский кабинет министров готовит все выносимые на обсуждение законы, парламент практически не иницирует законодательства.

Буева Л. Я полагаю, что различие между японской и западной формой управления не столько в них самих, сколько в их функционировании. Р. Бенедикт подчеркивает, что японцы полагаются на старые, почитаемые ими обыкновения, которые сложились в опыте их прошлой жизни и получили формальное закрепление в их этической системе и в их этикете. На высшем политическом уровне «мнение народа» неуместно. Правительство только просит «народной поддержки». Государство во всех своих внутривнутриполитических функциях не является в Японии неизбежным злом, как это принято считать в Соединенных Штатах. Японцы считают, что государство скорее надлежит считать высшим благом.

Гуревич П. В России крайне мало знают о реформе Мэйдзи. Между тем они очень поучительны, когда речь идет об учете социально-культурных особенностей страны, подлежащей реформированию. Японский образ жизни отводит «должное место» власти и определяет надлежащую ей сферу. Он оказывает значительно больше, чем в западных культурах, уважение к «старшим», а

следовательно, предоставляет им свободу действий, но они также должны знать свое место. Девиз Японии: «Всему свое место»... В религиозной области государственные деятели Мэйдзи осуществили значительно больше странных формальных преобразований, чем в области управления. Однако они следовали тому же самому японскому девизу. Государство избрало своей сферой культ с особым почитанием символов национального единства и превосходства. Во всем остальном оно предоставило отдельному человеку свободу вероисповедания.

Недавно я участвовал в работе Международной конференции, которая проходила в Москве. Одна участница обсуждения в своем докладе критиковала современную российскую власть за то, что она опирается на Православную церковь. Но ведь в стране, говорила докладчица, множество влиятельных религиозных конфессий. Есть регионы, где жители придерживаются исламской веры. На Востоке есть даже приверженцы конфуцианства. Есть не только евреи, но и ассирийцы. Но разве власть должна искать опоры у всех религиозных конфессий? Идентичность России невозможна без православия. И в том курсе власть безоговорочно права. Но она ошибочно игнорирует другие конфессии, не стремится к диалогу различных священных символов и верований.

Саенко Г. В области промышленного развития Япония пошла курсом, не имеющим аналогии и параллели ни в одной западной стране. Власть начала за правительственный счет строить и финансировать развитие нужных, на ее взгляд, отраслей промышленности. Государственная бюрократия создавала их и управляла ими. Были приглашены иностранные технические специалисты. За границу на учебу отправили тысячи японцев. Затем, когда эти отрасли промышленности стали, по мнению японцев, «хорошо организованными, а бизнес процветающим», правительство передало их частным компаниям. Они продавались «по очень смешным ценам» избранным кругам финансовой олигархии. Государственные деятели Японии решили, что развитие слишком важно для страны, чтобы его доверять законам спроса и предложения или свободному предпринимательству. Так с минимальными издержками удалось создать отрасли промышленности, которые считались нужными для развития страны. Благодаря этому Япония смогла скорректировать обычный порядок начальных стадий развития капиталистического производства. Вместо потребительских товаров и легкой промышленности она сначала занялась ключевыми областями тяжелой промышленности. Приоритетным стало строительство арсеналов, верфей, металлургических заводов, железных дорог. Они быстро достигли высокого уровня технической эффективности. Не все перешло в частные руки. Обширная сфера военно-промышленного производства осталась в руках правительственной буржуазии и финансировалась со специальных правительственных счетов.

Буева Л. Всякая реформа, понятное дело, требует напряженных усилий. Однако насколько плодотворны такие варианты преобразований, как национальная мобилизация? В канун Второй мировой войны нашей стране пришлось ускоренным образом осуществить индустриализацию, коллективизацию, провести культурную революцию. Большевикам удалось в короткий срок реализовать труднейшие экономические и оборонные задачи. Все это

потребовало огромных людских жертв. Только в период коллективизации страна потеряла более 10 млн человек. Ради модернизации использовался рабский труд заключенных. Между прочим, опытные демографы полагали, что к концу минувшего века население России составит около 270 млн. Для российского общественного сознания реформы прочно ассоциируются с над-рывной мобилизацией. Нам просто трудно представить себе какой-то иной способ развития событий. Стратегия догоняющей страны требует предельного напряжения сил, жертвенности. Но можно ли в такой экстремальной ситуации проводить реформы?

Гуревич П. Мы толкуем о модернизации, но можно ли отвлечься от опыта вестернизации? Если опираться на труды таких серьезных ученых, как Дж. Робертс, Т. фон Лауэ, С. Латуш, этот процесс был связан с усвоением отдельными странами и народами европейских экономических, социальных и политических порядков. Эксперты предлагают различать колонизацию и вестернизацию. Они отмечают, что колонизация и истребление индейцев Латинской Америки, как и завоевание европейцами Австралии и Канады, ни в коем случае нельзя считать вестернизацией. Иное дело — реформы Петра I в России, развитие Бразилии после того, как она обрела независимость в 1822 году, или уже названные нами реформы Мэйдзи 1860-х годов.

Саенко Г. Модернизационное реформирование позволило России к концу XVIII в. стать мощной державой континентальной Европы. В той же мере Бразилия стала промышленным центром Латинской Америки. Португалия, отказавшаяся от модернизации, оказалась глухой провинцией Европы. Как раз вестернизация дала возможность Японии нанести России в 1905 году позорное поражение.

Буева Л. Реформаторское творчество разнообразно. Об этом свидетельствует опыт преобразований в посткоммунистических странах. Здесь ситуация кризиса получила разрешение в самых различных вариантах. Ни одно общество не может существовать без коллективно согласованной политики. Неизбежность социальных преобразований обусловлена динамизмом процессов современного мира. Ни одно общество сегодня не может обойтись без реформ. Однако нельзя не принимать в расчет социокультурное историческое разнообразие изменений.

Саенко Г. Положительные стороны реформирования очевидны. Однако они не безупречны. Начну, пожалуй, с того, что обеспечить реализацию преобразований невозможно без бюрократии. Здесь и кроется, на мой взгляд, один из негативов реформы как социального явления. В революциях участвуют массы, народ. Реформы пестуют чиновники. Бюрократическая машина выполняет несомненную цивилизаторскую функцию. Ее аппарат относится к силам, которые способствовали зарождению исторической цивилизации вообще. Таким он был, начиная со своего возникновения в первых культурах Древнего Египта и Вавилона, так же как в Китае времен ханьской династии. В Египте и Вавилоне бюрократический аппарат основал организованную цивилизацию и культуру, а в Китае придал ей, опираясь на старые основы, определенный характер, сохраняемый тысячелетиями. Однако этот аппарат одновременно является самым старым врагом широкой инициативы и самостоятельного формирования человеческой жизни.

Буева Л. Разве бюрократия всегда была тормозом реформ? Даже Альфред Вебер называет такой период во всемирной истории, когда жизнь, становясь исторической, принимала принципиально новую структуру, связанную с прогрессом. Вебер имеет в виду образование греческих и римских полисов, начиная с 780 года до н.э., и их распространение за пределы Средиземноморья. Там можно говорить о борьбе свободы и несвободы, бюрократии и свободном формировании существования. В XIX веке в Европе старая бюрократия не была сплошной и не пыталась полностью устранить или изменить господствующую жизненную субстанцию. Этот период либерализации с последней трети XVIII века и в XIX веке был периодом частичной индустриальной и коммуникационной механизации существования.

Гуревич П. Все это несомненно. Но вся сегодняшняя аппаратно-техническая форма существования основана на том, что над физическим трудом сконцентрирована техника, машины и бюрократическая форма существования. Духовная работа рационально разделена, технизирована, механизирована и лишена одушевленности. Начинается, по словам того же Вебера, полная технизация, она пронизывает всю жизнь, втягивая ее в свою проволочную сеть. К сожалению, этот аппарат, который стоит над чисто физическим трудом, имеет дело только с мертвым материалом, но занят принятием духовных решений, а тем самым, в целом, и судьбой человека. Возникает опасность того, что человеческое начало в осуществлении труда больше не участвует, потому что перестают чувствовать и видеть то, что духовно противостоит труду, а именно человека, с которым связано выполнение труда. Эта работа в техническом бюро становится лишенной всего человеческого, трансформируется в то, что сегодня обычно называют «бюрократическим». Это оказывает воздействие на человеческую сущность.

Саенко Г. Вебера заботит негативизм, который ведет к распаду ценностей, что порождает ощущение хаоса и является, по его версии, неизбежной для обозримого времени безысходности в напряжении между Западом и Востоком. Практический нигилизм ведет к общему распаду человека, ранее замкнутого в себе. Он стремится заменить человека «плебейской массой», которая состоит из душевно раздробленных индивидов. Немецкого социолога тревожил тот факт, что сегодняшняя техника происходит, в конечном счете, из того, что было названо «духовной сферой». Еще в эпоху Возрождения начинается оторванная от потребности человека собственная эволюция техники. Подчиняясь собственным эволюционным, технократическим законам формирования и развития нашего сегодняшнего искусственного существования, мы зависим от них едва ли не больше, чем капитан от работы машинного отделения его корабля.

Буева Л. Бюрократизм возникает, когда аппарат управления начинает работать не столько ради интересов общества, сколько на самого себя. Это одна из сложных проблем государственного управления и реформирования общества. Современный чиновник всецело поглощен организацией, учетом и контролем как таковыми, без заботы о конечных результатах деятельности подчиненных ему сфер и всего общества. В России сложилась система бюрократического абсолютизма, то есть бюрократии, претендующей на абсолютное господство над обществом. Это и привело общество к застою, а его инсти-

туты к глубокому разложению. Отгороженность аппарата управления от населения, отсутствие демократически институционализированных отношений между властью и обществом сформировали бюрократическую иерархию.

Гуревич П. Если говорить о классической модернизации, как ее описывает, скажем, Р. Инглехарт, то она сводилась к «синдрому роста возможностей». Прежде всего, речь шла об экономических и политических ресурсах, которые обнаруживались в результате индустриализации и бюрократизации. При этом экономический рост оценивается как доминирующая социетальная цель. У человека, рядового агента такой модернизации, появляются мотивы к достижениям. В парадигме же постмодернизации, напротив, место экономических достижений занимает качество жизни. Оно, в свою очередь, определяется свободой индивидуального выбора, жизненным стилем и способностью к самовыражению. Индустриальный генотип в этом случае радикально преодолевается. Тяга к материальным ценностям смещается в сторону физической и экономической безопасности. Особый акцент обретает тема развития личности, возможность ее самовыражения.

Саенко Г. Следовательно, реформа, как она трактуется в социальной философии, не имеет ничего общего с освоением лишь новых технологий или со стремлением облегчить тяготы государственного бюджета. Она понимается в современном мире как изменение образа жизни, расцвета личности, освоение возможностей развития, которые требуют инициативы, энергии и свободы. Реформа, безусловно, социальное благо, но она во многих случаях и социальное зло. Реформирование в условиях глобализации всегда болезненный процесс. Многим культурам крайне трудно приспособиться к новым условиям. Огромные трудности испытывают культуры архаического типа, которые сохранились в центре Африки, в Австралии, в Южной Америке и на крайнем севере американского и евразийского континентов. То же самое можно сказать о малочисленных народах Севера и Сибири. Культурные сообщества архаического типа наиболее незащитны перед глобальными процессами. Ядро их культуры, ее базисные основания, через которые воспроизводится образ жизни, не соответствуют нынешнему этапу культурного развития человечества. Так возникает угроза постепенного исчезновения малых народов под влиянием глобализма. Но есть риски и для жизнеспособных этнических культур. Они оказываются в эпицентре столкновения традиционных и новых ценностей, символов, поведенческих образцов. В результате возникают культурные гибриды, не имеющие ясной идентичности.

3. Какова судьба реформ в России?

Саенко Г. Но разве российский опыт проведения реформ менее поучителен, чем японский? Многие авторы пишут, что в России никогда не удастся провести общественные преобразования до конца. Это оценивается как проклятие или как патриархальная установка, укорененная в сознании народа. Не могу с этим согласиться. Часто при оценке российских реформ исследователи исходят из ленинских политических положений. Считалось ведь, что не реформы, а лишь революционная борьба может привести к модернизации общества. Объективное позитивное содержание реформ в России до сих пор недооцене-

но, больше внимания уделяется недостаткам и ошибкам в российском реформировании.

Буева Л. В 1762 году, когда вышел «Манифест о вольности дворянской», русское государство держалось на балансе «служилого и тяглого сословий», на простой смысловой связке: крестьяне принадлежат дворянам, дворяне же — государю. Первая имперская модернизация была, как известно, реализована Петром I. Он рассчитывал вывести Россию на западноевропейский уровень. Он хотел, чтобы Россия стала европейским государством. Или хотя бы подтянуть к нему. «Реформы носили разносторонний характер. Речь шла о развитии промышленности, торговли, науки, образования. Могли ли эти преобразования осуществиться, если бы не было самодержавия и крепостного права? Вряд ли. Был построен город на Неве, задымили уральские заводы, открылись Академия наук, Морская навигационная школа и Морская академия. Но все это потребовало неслыханного напряжения и растраты ресурсов. «Толчок, данный народному духу Петром Великим, — писал П.Я. Чаадаев в 1832 году, — и образ действия всех последующих государей ввели у нас европейскую цивилизацию». С тех пор Европа оказалась для России не только объектом внешней политики. Она превратилась для нашей страны в мощный фактор внутренних идеологических процессов.

Гуревич П. О модернизации мечтала и Екатерина Вторая. Она начала интенсивно изучать европейское интеллектуальное богатство. Заявленная ею в «Наказе» установка — Россия есть европейская держава — позволяла увлечь нашу страну в грандиозную эпоху Просвещения. Однако не следует преувеличивать размах данных преобразований. Достижения Запада признавались выборочно. Отдельные черты европейского уклада заимствовались, исходя из соображений утилитарной пользы, безопасности, социальной моды. Однако в коренных социальных отношениях царил азиатчина. Дворяне и помыслить не могли о том, чтобы ослабить крепостное право. Фактическое рабство большинства народа считалось нормой. Направленность к гражданскому обществу в этом контексте не получала поддержки. Дворянство хотя и стремилось быть цивилизаторским, не могло отказаться от собственных социальных привилегий. Даже такой революционный мыслитель, как В.Г. Белинский, усматривал в крепостном праве «самобытные формы русской жизни».

Саенко Г. Русские реформаторы понимали, что исторический прыжок из рабства в пространство свободы необходим. Но они справедливо считали, что хаос хуже рабства. В Европе сама логика социального развития привела к жестокой борьбе, самопожертвованию. В России этого не было и поэтому гражданские завоевания были незначительными. Медленно приживались в России и идеи гуманизма. Они были лишены революционной страсти. Подчас российским властителям казалось, что Россия уже давно превратилась в европейское государство, а у Александра I проявились даже претензии на политическое лидерство. Между тем узаконенная сословная разобщенность усугублялась еще и культурной отсталостью. Вся социальная структура обеспечивала прочную опору режиму.

Буева Л. Давайте вспомним и о том, что к началу 30-х годов XIX века стало укрепляться убеждение в том, что европейский опыт вообще не годится для

русской культуры. Чаадаев сформулировал этот взгляд в виде вопроса — «что может быть у нас общего с этой новой Европой?». Разумеется, дворяне и правительство понимали, что без учета европейской цивилизации культурный путь России немислим.

Гуревич П. Но стремление усовершенствовать мировоззренческие основы страны, не реализуя смену социально-политических процессов, выглядело утопичным. В этих условиях сложилось убеждение, что Россия вообще не подлежит реформированию. Внеправовая ущербность населения была настолько заметной, что власть не могла точно определить правовой статус крестьян, если их удастся освободить.

Саенко Г. Я полагаю, что в России был реформатор, деятельность которого не менее значима, чем реализованные проекты Мэйдзи. Он действительно проводил либеральные реформы, которые улучшили жизнь народа. В интересах людей они и осуществлялись. Александр II отменил крепостное право (1861), приступил к военной реформе (1862), поддерживал реформу народного и высшего образования (1863), провел земскую реформу и реформу судебной системы (1864), ограничил цензуру (1865), модернизировал городское управление (1870). Вот какой обстоятельный перечень! Но, как и в Японии, все эти социальные улучшения предполагали укрепление монархического режима. Он кардинально реформировал российский образ жизни.

Буева Л. Александр II отважился на самую либеральную за все правление Романовых судебную реформу 1864 года. Хотя она была соотнесена с самыми проверенными лекалами западных стандартов, все же стало очевидным, что сословная ментальность не подлежит преобразению. Судебная реформа 1864 года не включала крестьян в общую правовую культуру. Для них был устроен собственный крестьянский волостной суд, который должен был руководствоваться обычным крестьянским правом. При отсутствии гражданского (общего и личного) права дворянство было защищено сословными привилегиями. Поэтому данное сословие не испытывало тревоги по поводу своей правовой незащищенности.

Гуревич П. Сегодня уже очевидно, что крестьянская реформа 1861 года обеспечила существенное обновление общественных процессов в России. Реформа стала значимым событием в российской истории. Она привела к радикальному социокультурному преобразению русского общества. Отметим, что инновационный процесс проходил через конкретные стадии. При реализации реформы учитывались особенности политической культуры страны. Главный социальный заказ, который выполняла реформа, вызревал в течение длительного периода. Поставленная в повестку дня отмена крепостного права представителями интеллектуальной элиты страны была поддержана правительством, которое обеспечило целый спектр институционально-организационных инноваций.

Саенко Г. Крайне существенно, что отмена крепостного права не устранила традиций самодержавного сословно-иерархического русского общества. Реформа проводилась открыто, в условиях полной осведомленности, которая позволяла обнаружить разнообразные общественные интересы и социальные страсти. При разработке законодательного проекта реформы принимались в расчет социокультурные традиции России. В своей кадровой политике Алек-

сандр II опирался на самодержавные устои. Но он же понимал значимость преобразований. Важно было обеспечить социокультурный компромисс.

Буева Л. В момент практической реализации законодательно оформленных новаций, когда центр реформирования переместился на региональный уровень, оформился институт мировых посредников. Это носило характер организационно-институциональных новшеств. Такие временные институты не нарушали базовых традиций. Но без них было невозможно реализовать Положение от 19 февраля 1861 года. Не лишне напомнить, что проведению реформы предшествовал конкурсный отбор потенциально возможных проектов. Рассматривались образцы решения крестьянской проблемы — «отсзейский» опыт, инвентарная реформа 1842 года. В поле рассмотрения попали также и европейские социальные «наработки» в Пруссии, Австрии и Франции. Реформаторы вовсе не стремились во всем «догнать» Европу. Они учитывали самобытность российского общества. Не в пример нынешним управленцам, для которых любой западный опыт является непогрешимым. Реформа учитывала исторически сложившийся раскол российского общества, но в базовых своих устремлениях предлагала компромисс, а не усиление враждебности.

Гуревич П. И все же давайте поговорим о реформах без елеса и патоки. Реформа Александра II шла с огромными издержками. Ведь сама идея обсуждалась в дворянских собраниях на протяжении пяти-шести лет. Не было единодушия насчет того, как освободить крестьян. Не получил признания черноземный проект с выкупом, с отсроченными выкупами. Разве были учтены мнения всех сословий? Сколько было петиций, отправленных императору! И все же вышедший Манифест не принес радости ни крестьянам, ни помещикам. Неожиданно крестьяне сразу стали закладывать свою землю. Обнаружилось повальное пьянство.

Буева Л. Реформа вызвала озлобленность дворян. Они не могли примириться с тем, у них отторгли землю, доход с которой составлял основу их жизни. Многие из помещиков метнулись в сторону революционных классов. Истинные последствия реформ обнаруживаются не сразу. Идея реформы заслуживала всяческого одобрения, но по форме она была неприемлемой, безумной. Сейчас многие эксперты говорят о том, что революция 1917 года явилась результатом этой реформы. То же самое произносят и по поводу столыпинских реформ. Реформу нельзя оценивать по сиюминутным результатам. Важнее ее дальное действие. Но с этой точки зрения реформы никогда не обсуждались.

Саенко Г. Положение 19 февраля 1861 года повысило статус бывших крепостных. Они стали свободными сельскими жителями. Но это не нарушило традиций сословно-иерархического устройства страны. Устои помещичье-вотчинной регуляции жизни российского общества замещались традициями общинного социокультурного устройства. Разумеется, полностью разрешить социальные противоречия, которые были сопряжены с расколом российского общества, не удалось. Однако ценностно-смысловое содержание законодательства была направлено на достижение общественной стабильности. Исследователи отмечают, что опыт крестьянской реформы 1861 года свидетельствует о высоком статусе императора как субъекта реформы, осуществленной

в условиях самодержавной формы правления. При этом социальные философы отмечают способность Александра II к организационному творчеству в рамках базовых традиций политической культуры. Требования инноватики, рожденные в кругах элиты, получили поддержку правительства. Это был мощный рывок в историческом прогрессе...

Буева Л. Успехи российской экономики и промышленности (технологическая модернизация) в конце XIX века были предопределены политической, социальной и экономической модернизацией Александра I. Известный русский мыслитель К.Д. Кавелин оценивал реформу 1861 года «как одно из величайших событий русской истории». В самом деле, русские крестьяне, которые до тех пор были почти полными рабами, стали свободными, полноправными гражданами. В огромных масштабах началось их превращение «в мелких поземельных собственников». Но этот исторический социальный переворот был реализован мирно, законодательным путем. Произошло великое раскрепощение российских сословий.

Гуревич П. А вот с чего начал Петр Аркадьевич Столыпин свою деятельность? С аграрной реформы. Он убедил императора подписать Указ от 5 октября 1906 года, который позволил крестьянину свободно распоряжаться собою. Указ содержал запрет местным начальникам сажать крестьян под арест или штрафовать. Только суд позволял предпринять такие жестокие меры. Россия в те годы располагала огромными земельными пространствами. По количеству удобной земли на душу населения она превосходила Францию и Германию. Но почему же в России была столь низкая урожайность? Причина не только в отсталой агротехнике. Главное, что тормозило развитие деревни, — общинное землепользование. Что делать? Одни считали, что у крестьян не хватает земли. Может быть, отобрать часть природных пространств у богатых помещиков и поделить между крестьянами? Профессор Н. Рогалина, которая изучала аграрные реформы в России, пришла к выводу, что такое решение было бы бесполезным. Земли все равно не хватило бы. Крестьянские наделы практически не выросли бы. А в случае вполне ожидаемого прироста населения эти меры ни к чему не привели бы. Ситуация осталась бы прежней, зато помещики были бы недовольны отторжением их земель.

Саенко Г. Но был и другой вариант развития событий. Делить не землю, а повышать урожайность. Расчеты показали, что если увеличить урожайность хотя бы с 40 до 60 пудов на десятину, то удалось бы получить желаемый успех. Это означало бы, что крестьяне получили бы условно земли в полтора раза больше. Столыпин стремился освободить крестьян от яремной тяжести общинного строя. Крестьяне должны иметь свою собственность и относиться с уважением к неземельной собственности тоже. Так вот, как и в Японии, эти реформаторские предложения вызвали волну протестов. Против столыпинской реформы выступил даже Лев Николаевич Толстой. Он считал, что земля не может быть частной собственностью. В письме Столыпину он писал: «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». Надо ли цитировать ответное письмо Столыпина? «Вы считаете злом то, что я считаю благом для России. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян и создает все наше неустройство. Нельзя любить чужое наравне со своим... Оскопление нашего крестьянина, уничтожение в

нем врожденного чувства собственности ведет к бедности. А бедность, по мне, самое худшее из рабств...»

Буева Л. Но ведь социалисты тоже выступали за раздел земли. Это была общая позиция?

Гуревич П. Ни в коей мере. Социалисты предлагали раздать землю бесплатно. Разве это плохо? Столыпин полагал, что ничего не должно оказаться в руках крестьян задаром. Такое решение привело бы к массовому иждивенчеству. По убеждению реформатора, никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть изъяты через несколько лет. Столыпин предвидел, что это приведет к такому перевороту, которого еще не было в истории. Петр Аркадьевич, разумеется, крупный государственный деятель. Но подготовка и реализация его реформы не были идеальными. Ему приходилось убеждать императора и элиту в том, что эти преобразования помогут России стать крупной державой. Но опыт показал, что даже самые идеальные и хорошо продуманные реформы обречены, если они не соотносятся с вековыми традициями. Главное отличие реформы от революции должно проявляться в отсутствии насилия. Если социальные проекты сопряжены с принудительностью, это уже аромат революции. Известно, что ни одна крупная политическая сила в стране, как известно, не поддержала аграрные реформы Столыпина.

Саенко Г. Но ведь исторический выигрыш важнее. Хочу тоже сослаться на мнение профессора Н. Рогалиной. Она пишет: «Урожайность хуторских и отрубных хозяйств была значительно выше, чем в среднем по России. В 1913 году Ставрополье вышло на первое место по чистому сбору продовольственных хлебов на душу населения, обогнав Кубань, имевшую лучшие природные условия, но не затронутую реформой... Распахать бескрайние степи, основать села и хутора, вывести замечательные сорта пшеницы и породы скота могли только самые сильные, предприимчивые и трудолюбивые крестьяне, которые получили землю благодаря столыпинской реформе».

Буева Л. Да. 15 марта 1910 года Столыпин подвел первые итоги на заседании Государственного совета. Особенно удачной оказалась программа переселения за Уральский хребет, где пустовали огромные территории. Туда переселилось около четырех миллионов крестьян. Сибирь давала больше хлеба, чем Украина и Северный Кавказ. Столыпин считал, что при такой успешной работе еще шесть-семь таких трехлетних периодов, и общины в России там, где она уже отжила свой век, почти уже не будет...

Гуревич П. Может быть, не следует придавать реформам такое ускорение?

Саенко Г. Все зависит от социальной политики. Если свести реформирование к укреплению государства, тогда национальная мобилизация оказывается необходимой и ускоренной. Но прогресс — не только технические прорывы. Подлинное реформирование — это обретение свободы, развертывание инициативы и участия всего народа. В этом контексте реформы Александра II можно оценивать как исторический прогресс. А вот самодержавный кошмар Ивана Грозного, как исторический регресс, особенно если сравнивать его роль с царствованием его деда Ивана III. В свое время Д.А. Медведев призывал начать модернизацию с демократизации. Он даже подчеркивал, что такая модернизация начинается впервые в истории России. На деле программа свелась лишь к технологическому прогрессу.

Буева Л. Однако такие исторические прорывы, сопряженные с национальной мобилизацией, продолжаются в России на протяжении многих веков. Съезд Общероссийского народного фронта, по сути дела, провозгласил очередную национальную мобилизацию. Стихийность, непоследовательность и субъективизм в проведении социально-экономических реформ чреват утратой социальной ориентации.

Гуревич П. Наше обсуждение показало, что в современном мире реформы могут содействовать общественному прогрессу, устранять диспропорции общественного развития, заменять архаические элементы государственного устройства. Социальные мыслители разработали надежные инструменты социальной динамики, которые позволили многим странам добиться значительных успехов в реформировании жизненного уклада. Но... Поразительный факт — за 20 лет рыночных преобразований в нашей стране не завершилась успехом ни одна из задуманных реформ — административная, налоговая, военная, полицейская, образования и здравоохранения. Реформы — самые разные, но свелись они к общему знаменателю...

Опыт проведения реформ в России, к сожалению, может явиться наглядным пособием для начинающих управленцев, разумеется, негативным. В нем будет убедительно показано, как не надо проводить реформы, как не следует плодить социальное дилетантство, сколь велика ответственность реформаторов перед последующими поколениями. Что, наконец, невозможно преодолеть пропасть в два прыжка.

Современность (modernity), полагает сенегальский социолог С. Амин, не завершена, она открывает двери в неизвестное. Да, современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент ее истории. И модернизация страны имеет шансы на успех лишь при опоре на исторически сложившиеся архетипы общественного сознания и духовные традиции народа.

Владимир РОЩУПКИН

ОБ ОКЕАНСКОЙ ДАЛИ И О ТУРЕ ХЕЙЕРДАЛЕ

В тот день члены делегации Совета Федерации, находившиеся с визитом в Стране фьордов, а также сотрудники российского посольства получили письма с приглашением на не совсем обычную встречу. Такие же приглашения получили и редакции крупнейших национальных газет. В тексте упоминались две фамилии. Одна — русская, другая — норвежская. Обе эти фамилии известны всему миру. Но обо всем по порядку.

«Семерка»: безумная или великолепная

Среди особых достопримечательностей любого крупного города, тем более столичного, всегда были, есть и будут музеи. В столице Страны фьордов, например, почетное место в перечне объектов культуры общенационального значения занимает музей «Кон-Тики». Это визитная карточка города и, пожалуй, всей страны. Музей расположен неподалеку от берега живописной бухты, откуда хорошо видны опшвартовавшиеся многопалубные круизные и пассажирские лайнеры. Ежегодно музей посещают более двухсот тысяч человек, главным образом из-за рубежа. Почти каждый день здесь бывает до сотни наших соотечественников, причем год от года их число растет.

Так что же такое «Кон-Тики»? Это бальсовый плот, выстроенный под руководством норвежца Тура Хейердала (Thor Heyerdahl) по образцу древних мореплавателей Южной Америки. Ныне это главный экспонат музея. Плот назван так в честь древнего вождя и проповедника, который вел людей с материка на новые земли. Вместе с шестью единомышленниками Хейердал в 1947 году совершил далекое и небезопасное плавание по Тихому океану от южно-американского побережья берегов в западном направлении. Они вышли в океан порта Кальяо (Перу) и взяли курс на запад — в направлении, по которому, как гласят легенды, когда-то отправился и великий вождь Кон-Тики.

Многие тогда считали путешествие авантюрой «безумной семерки». Тем не менее все ждали сообщение о ее финале. Связь с внешним миром поддерживалась через две радиостанции (в составе команды были два опытных радиооператора с недавним военным опытом). К слову, радиостанциями экипаж снабдило американское военное ведомство, оно же выделило и сухие

пайки. Благо что и радиостанции, и пайки в изобилии оставались на складах после окончания Второй мировой войны.

Плавание по океану, который — вопреки своему названию — отнюдь не тихий, длилось 100 дней, и за это время команда не встретила ни единого корабля. На сто первый день пути команда наконец увидела землю. Это был остров Рароа (Raroia) — атолл в архипелаге Туамоту во Французской Полинезии, в 740 км к северо-востоку от Таити. Можно представить состояние местных жителей, когда на их глазах герои древних легенд стали явью. К их острову пристал плот с бородатыми белыми людьми, а на парусе был изображен сам великий Кон-Тики. Так закончилось одно из первых плаваний на реконструированных судах. Хейердалу удалось подтвердить свою гипотезу о возможности подобных путешествий в древности. Его книга «Путешествие на Кон-Тики» была переведена на 66 языков. А снятая Хейердалом кинолента «Кон-Тики» в 1951 году была удостоена кинопремии «Оскар» за лучший документальный фильм. Так что «безумная семерка» оказалась «великолепной семеркой».

Так ученый, потомок северных соседей наших предков, славян, стал первым, кто подготовил и лично участвовал в экспедиции, доказывавшей научные теории о путях миграции древних народов через океанскую даль. А установлений путей и причин целых народов — важнейшая часть изучения истории мировой цивилизации, ее формирования и развития. Как отмечают исследователи, беспрецедентный эксперимент Тура Хейердала и его товарищей, прошедших на плоту из Южной Америки через восточную часть Тихого океана до Полинезии, остается ярчайшим примером дерзания в науке. Экспедиция на «Кон-Тики» доказала, что в древнем мире и цивилизации не развивались обособленно, а народы не были оторваны друг от друга.

А спустя более 20 лет после экспедиции на «Кон-Тики» — новая дерзкая научная миссия Тура Хейердала. Команда из представителей разных стран, в том числе и из СССР (врач Юрий Сенкевич), на папирусной лодке «Ра» преодолев около 5 тысяч км, пересекла всю Атлантику. Тем самым были подтверждены сведения из древних источников о мореходных качествах папирусных судов. Используя эти качества, а также познания о направлениях ветров и океанских течений, древние мореходы задолго до европейцев побывали и в Америке, и в Океании.

Однако не все было так просто. За спиной ученого филистеры судачили: мол, это амбициозная личность, которая ради паблисити готова на авантюры. Да и в научной среде были люди, не признававшие новаторских для того времени теорий Тура Хейердала. Возможно, и потому, что он не шел (точнее, не плыл) по стандартному течению науки, исследуя и соединяя разные сферы знаний. Его выводы и гипотезы поначалу казались парадоксальными, но в итоге подтверждались.

Объективности ради следует сказать, что поначалу и в нашей стране некоторые чиновники от науки отнеслись к норвежскому ученому, мягко говоря, настороженно. В 1962 году, в самый разгар «холодной войны», когда мир стоял на пороге ядерной войны из-за разразившегося осенью Карибского (Кубинского) кризиса, Хейердал должен был выступать с запланированным ранее докладом в Академии наук СССР. Но еще до начала дискуссии с наши-

ми антропологами и археологами некий ученый муж вышел на трибуну и изрек: «Мы не верим в теорию г-на Хейердала о миграционных путях в Тихом океане, потому что она расходится с ленинским учением». Но Хейердал, как он сам позднее рассказывал своим близким, не растерялся и через переводчика ответил: «Извините, господа, я и не знал, что товарищ Ленин тоже был антропологом». В зале стали прятать улыбки, а гость свое выступление выстроил так логично и убедительно, что оппоненты промолчали. А президент Академии наук Мстислав Келдыш, уже с открытой улыбкой на лице, посоветовал: «Господин Хейердал, а почему бы вам в следующий раз не включить в состав экспедиции и русского?»

Хейердал дипломатично пообещал подумать. Но в итоге, готовясь к экспедиции на папирусной лодке «Ра», попросил Келдыша рекомендовать в экипаж русского, который был бы врачом, говорил по-английски и обладал чувством юмора. Так в экипаже «Ра», названного в честь египетского бога Солнца, и оказался Юрий Сенкевич. 23 мая 1969 года под флагом ООН Хейердал и его интернациональная команда в составе 6 человек отправились из марокканского порта Сафи в 55-дневное плавание через Атлантику. Но, проделав путь почти в 3000 морских миль, лодка затонула, не дойдя 500 миль до острова Барбадос. А в 1970 году вторая экспедиция, уже на новой 17-метровой лодке «Ра-2», закончилась успешно. Сейчас «Ра-2» экспонируется в музее вместе со своим старшим океанским братом — «Кон-Тики».

Думал ли я, что когда-нибудь побываю не только в музее, рассказывающем о научной деятельности великого сына Страны фьордов, но и в его святая святых — в отделе тихоокеанских исследований? Именно в этом отделе находятся архивы ученого, которые и по сей день таят в себе немало интересного и загадочного. Об этом мне подробно рассказал Рейдар Сулсвик (Reidar Solsvik), руководитель архивно-исследовательского центра музея. Мне, в частности, была предоставлена возможность ознакомиться с раритетными рукописями (хрониками) с тихоокеанских островов Рапануи. Для их расшифровки многое сделал наш соотечественник выдающийся ученый Юрий Кнорозов. Ему принадлежит и заслуга расшифровки языка древних индейцев майя. К слову, Кнорозов, в отличие от Хейердала, никогда не покидал пределы нашей страны.

Три концепции с корнем «сфера»

Господин Сулсвик рассказал мне, что сейчас стоит задача перевести все научное наследие Тура Хейердала в цифровой вид. Это огромное количество рукописей, документов и фотографий. Работы непочатый край, но на это нужны средства. Ведь музей не государственный, и многое в нем делается на энтузиазме. К счастью, министр культуры госпожа Хадия Таджик (Hadia Tajik), посетив в феврале месяце музей «Кон-Тики», решила выделить на его нужды 150 000 крон. Такое решение обусловлено тем, что архивы Тура Хейердала определены ЮНЕСКО как часть мирового культурного наследия. Выделенные средства покроют расходы по оцифровке всех фотографий и документов.

Хейердал и «Кон-Тики»... В нашей стране эти слова в людском сознании неразрывны. Они хорошо знакомы людям старшего поколения. В не такие

уже близкие школьные годы в числе моих любимых книг была и «Путешествие на «Кон-Тики». Она переведена на 70 языков, неоднократно переиздавалась во многих странах мира и продана в небывалом количестве 50 млн экземпляров. А вообще ученый написал 22 книги, в том числе и об экспедиции на «Ра». В книгах — не только увлекательное повествование об открытиях и приключениях в океане, но и глубокие философские размышления о судьбах земной цивилизации, материальной и духовной культуры.

И как тут не вспомнить нашего великого соотечественника — естествоиспытателя, мыслителя и общественного деятеля XX века академика В.В. Вернадского (1863–1945)! Он внес большой вклад в развитие теории ноосферы. В его понимании это сфера взаимодействия общества и природы, где определяющим фактором развития становится разумная человеческая деятельность. Владимир Иванович утверждал, что человечество в ходе своего развития превращается в новую мощную силу; оно преобразует планету не только своим трудом, но и своей мыслью. Соответственно, оно в целях своего сохранения должно будет взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу, а это потребует определенной социальной организации и новой, экологической и одновременно гуманистической этики. Порой Вернадский рассуждал о «ноосфере» как о реальности, иногда — как о неизбежном будущем.

Определенные параллели здесь можно провести и с воззрениями Тура Хейердала как мыслителя с глобальным масштабом идей. Именно он выступил в качестве основателя и разработчика концепции экосферы — взаимозависимости человеческой деятельности на планете Земля и необходимостью ее сохранения не только для себя, но и для потомков. Через призму цивилизационного подхода время подтвердило исключительную глубину и актуальность этой концепции. Наука, как известно, не в большинстве случаев говорит с человечеством бесстрастным языком. Но более образно эту же мысль Хейердала можно выразить и словами Антуана Сент-Экзюпери: «Мы не унаследовали землю у своих предков — мы берем ее в долг у наших детей».

Ноосфера, экосфера... Добавьте сюда еще одно понятие — этикосфера. Данную тему разрабатывает современный российский философ Арнольд Казьмин. Вкратце суть его концепции такова. Государством и обществом должны управлять люди, обладающие высокой нравственностью и глубокой мудростью. И уж тем более это важно для всего мирового сообщества, для управления глобальными процессами и сохранения земной цивилизации. Разрабатывая свою теорию этикосферы, Арнольд Константинович, по его словам, опирался на идеи Вернадского и Хейердала. Эти три научные концепции объединены общим корнем — сфера, что на древнегреческом означает шар. В данном случае — Земной шар. Наша планета...

В музей меня ждал большой сюрприз.

— Хотите побеседовать с Туром Хейердалом? — спросила меня сотрудница музея Суннива Линдеклейв. Конечно, я воспринял ее слова как шутку. Ведь он ушел из жизни более десятка лет назад, в 2002 году! — Подождите, — загадочно сказала Суннива.

И тут случилось чудо: в кабинет вошел... сам Хейердал!

Артист из музейного шоу? Или из фильма?

Нет, это не океанская галлюцинация. Это реальный Тур Хейердал. Только сын. Полный тезка своего именитого отца. И похож на него, как две капли воды!

Знак беды: нефть на ладони

Так что разве забудешь знакомство и двухчасовую беседу в музее с сыном ученого! Тур Хейердал-младший (Thor Heyerdahl jr.) тоже ученый-океанолог. Но у него несколько иная научная специализация: он морской биолог и многолетний член правления музея. Поводом же для нашей встречи и для официального мероприятия в музее стало 65-летие экспедиции на «Кон-Тики» и выход на экраны художественного фильма с одноименным названием. На премьере присутствовали члены королевской фамилии. В Норвегии фильм посмотрели более 800 тысяч зрителей. А в ближайшее время премьерный показ состоится и в Москве.

— Мой отец был не просто ученым и писателем большого масштаба, а гражданином мира, защитником природы, — говорит сын ученого. — В сороковые, во время своего первого океанского плавания на «Кон-Тики» — он чистил зубы, черпая пригоршней океанскую воду — она была чистой. А в экспедициях 1969 и 1970 годов на «Ра» это было уже невозможно. На ладони было черное пятно. Это нефть — следы выбросов океанских танкеров. Таким загрязненным океан стал всего-то за два десятилетия! А что будет дальше, по мере интенсификации судоходства и, главное, разработок энергоресурсов и сырья в океане?

Отец бил тревогу в научных журналах, на международных форумах. Но когда стало ясно, что это мало помогает, он стал обращаться непосредственно к государственным и политическим деятелям разных стран. Игнорировать обращения ученого с мировой славой было непросто...

А главное, продолжает мой собеседник, отец был поборником мира на планете Земля. Он ценил мир и боролся за его сохранение. Эти слова наполнены особым смыслом. Потому что Тур Хейердал-старший лично знал, что такое война и мир. Он был непосредственным участником Второй мировой войны. Судьба забросила его вместе с семьей в Канаду, где в военное время пришлось пережить немалые трудности. Были и нищета, и голод...

Вдали от родины Тур оставался истинным патриотом. Он горел желанием принять участие в освобождении своей страны, оккупированной гитлеровцами. Чтобы ускорить дело, переехал в США, добровольно вступил в армию. Хейердала направили в Англию, в школу, где готовили бойцов командос — бойцов диверсионно-разведывательных подразделений. Он получил навыки парашютиста-десантника, научился работать на радиостанции. После окончания курса спецподготовки Хейердала и его семерых сослуживцев должны были забросить в оккупированную фашистами Норвегию. С легкой иронией Тур говорил об этом так: «Настал тот день, когда рекрут Хейердал и семь его товарищей знали больше о электротехнологии, чем кто-либо в норвежских войсках». Группе Хейердала надлежало поддерживать радиосвязь штаба норвежского отряда Сопротивления в самой северной провинции (фюльке) Норвегии — Финнмарке — с Лондоном. Эта задача определялась прежде всего

стратегической значимостью региона. Там, в порту Киркенеса, находилась база немецких подводных лодок, действовавших на морских коммуникациях в направлении северных портов СССР. Именно туда приходили союзные конвои, поставлявшие по ленд-лизу вооружения для нашей страны.

Но в октябре 1944 года части Красной Армии с боями вошли в Северную Норвегию, в провинцию Финнмарк, и освободили Киркенес. Хейердала в звании лейтенанта ВМС (ensign) направили в Мурманск. В связи с чем? Мало кому известно, что тогда в составе советских войск действовали 208 военнослужащих Норвежской пехотной бригады. Причем важность миссии Хейердала была несравненно выше довольно скромного по армейским меркам лейтенантского звания. Но на подходе к Мурманску германские субмарины атаковали союзный конвой, в составе которого был и корабль, на борту которого находился Тур. К счастью, подоспели советские корабли, и общими усилиями атака вражеских подлодок была отражена.

Будучи в Мурманске, Хейердал решил побывать на родине — выбраться в приграничный Киркенес. Стоял трескучий мороз (Киркенес находится примерно в 400 км севернее Полярного круга). Но Тур на грузовике с выбитым ветровым стеклом поехал в Киркенес. «Душа пела: я все-таки был в Норвегии после стольких лет жизни на чужбине», — вспоминал впоследствии Тур Хейердал. Однако период военной службы в жизни ученого практически не отражен в книгах и исследованиях.

Удивительное совпадение: спустя десятилетия в этих же местах, на севере, довелось служить и Хейердалу-младшему. Было это на советско-норвежской границе — самой северной в континентальной Европе (протяженностью около 200 км). Тур служил там в должности командира танка. На этом участке всегда было спокойно. Иногда товарищи Тура развлечения ради даже бросали снежки через пограничные заграждения. Наши пограничники, по его словам, иногда позволяли себе ответить тем же. Разумеется, когда не было начальства...

Откуда пришли предки варягов?

В беседе с Хейердалом-младшим зашел разговор о том, что последние научные изыскания его отца были связаны с нашей страной и Закавказьем. Он вел исследования на юге России — в низовьях Дона и в Азербайджане, пытаясь найти прародину предков своих соотечественников — викингов, которых на Руси называли варягами. Отец увлекся гипотезой о том, что верховный скандинавский бог Один был реальным человеком. Как и Христос. А корни Одина следует искать в Азово-Кавказском регионе. Бойкие на язык репортеры даже называли этот проект «Охотой на Одина». А ретрограды от науки, причем соотечественники, встретили проект в штыки — как когда-то и проект «Кон-Тики».

Но Тур Хейердал очень серьезно отнесся к сведениям средневекового исландского историка Снорре Стурлуссона. Тот утверждал, что более двух тысяч лет могучий Огден, герой исландских саг и родоначальник династии скандинавских правителей, со своими воинами с Кавказа двинулся на Север, отступая под натиском римских легионов. Если точно, то Один пришел с берегов реки Танаиса (ныне Дон).

Огден — Один. А что если... В 2001 году Хейердал начал археологические раскопки в Азове, пытаясь найти доказательства теории о южных корнях нынешних норвежцев. Ученый предположил, что на месте Азова мог располагаться город (городище) скандинавских богов — Асгард. Мало кто тогда воспринял эту идею, но Тур не унывал. Примечательно, что раскопки велись рядом с городской гостиницей, где жил Хейердал. А от нее было рукой подать до центральной площади с памятником вождю мирового пролетариата. Археологи шутили: сам Ильич своей дланью благословлял раскопки.

При этом наши археологи в принципе знали о городище, которым заинтересовался Хейердал. Но, как водится, денег на раскопки у них не было. А перед Хейердалом эта проблема не стояла. В течение двух месяцев российские, норвежские и шведские археологи нашли в азовской земле несколько тысяч артефактов разных эпох. Они говорили в пользу версии о том, что в I веке до н.э на месте Азова происходили большие демографические перемены. А Стурлуссон указал, что именно на этот временной рубеж приходится уход викингов на север. Это было в эпоху правления царя Митридата VI Евпатора, который вместе с местными племенами сражался с римлянами. Можно предположить, что обычно враждовавшие между собой племена ванов и асов, от которых пошли норвежские и шведские конунги (короли), оставили распри перед общей римской угрозой. Они вместе ушли на север Европы, где представились людьми, пришедшими из Страны богов.

Хейердал был очень доволен результатами раскопок. Он сослался на найденную ранее на Ньюфаундленде круглую пряжку с подвижным язычком — артефакт эпохи викингов. «Из-за этой пряжки была пересмотрена история Америки, так как это доказывало, что викинги побывали на этом месте задолго до Колумба, — сказа тогда ученый. — А найденное нами в Азове по своей значимости равноценно трем таким пряжкам. Не исключено, что сегодня мы стоим на пороге великих открытий в истории».

Ну а что же сведения Снорре Стурлуссона? Хейердал считал: главное не в том, описывал ли Стурлуссон реальные события. Его хроники в совокупности с находками в Азове помогают «понять, каким был мир тысячи лет назад, откуда и куда двигались народы». К сожалению, исследования Хейердала остались незаконченными: он ушел из жизни в 2002 году. Но даже его незавершенные работы и выводы настолько интересны, что дают импульс для продолжения темы другим подвижникам.

Назовем хотя бы проходившую в Баку международную конференцию «Тур Хейердал и Азербайджан». В ней принимали участие Тур Хейердал-младший, супруга Тура Хейердала-старшего Жаклин Бер, ученые из Азербайджана, Норвегии и других стран. Участники конференции заслушали научные сообщения о путешествиях ученого в Азербайджан. Говорилось и о том, что ряд находок и открытий, сделанных в Азербайджане, также могут служить аргументами в пользу теории Хейердала, считавшего, что викинги (варяги) мигрировали в Скандинавию и с территории современного Азербайджана. Разумеется, есть исследователи, которые относятся к этому скептически. Но ведь соответствующие изыскания пока не завершены. Да и у более ранних гипотез Хейердала-старшего было немало оппонентов, пока они не были подтверждены в ходе его научных экспедиций в океанские дали.

Послания Кеннеди и Громыко

Однако вернемся к упомянутым в начале этой публикации письмам, полученным в российском посольстве и в редакциях местных газет. «Жизнь на нашей планете зародилась в океане. А океан — это второй Космос, загадочный и малоизученный. Юрий Гагарин был пионером Космоса. А Тур Хейердал — великий исследователь мирового океана, истории цивилизации, этнографии», — говорилось в тексте. Как и Гагарин, он снискал уважение народов в сфере того, что сейчас называют народной дипломатией. Об этом свидетельствуют послания ученого президенту США Джону Кеннеди и министру иностранных дел СССР Андрею Громыко. Их суть — предложения по укреплению мира и мер доверия. Есть и ответы на предложения Хейердала. Их позитивно восприняли и в Вашингтоне, и в Москве. Оригиналы этих документов хранятся в музее «Кон-Тики».

Так что вполне логично, что именно здесь состоялась вручение медали «Первый космонавт мира Юрий Алексеевич Гагарин» сыну ученого. Как было сказано, за «вклад в науку, за достойное продолжение высокой миссии отца». В том числе и по сохранению нашей земной и водной среды обитания. Стоит напомнить, что и Гагарин был сторонником идеи экосферы, выдвинутой Туром Хейердалом. Первого космонавта поразила красота нашей планеты, увиденная им из космоса. А потом, на Земле, на различных международных конгрессах и форумах, в беседах с политиками и учеными он призывал задуматься над тем, как ее сохранить. Об этом мне рассказал коллега и друг Юрия Гагарина, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Павел Попович. Он, кстати, с большим интересом ознакомился в свое время с экспозицией музея «Кон-Тики». Поездку тогда подготовил и организовал общественный деятель и народный дипломат Бернт Линдеклейв (Bernt Lindekleiv).

После официальной церемонии вручения гагаринской медали состоялась экскурсия по залам музея. Для гостей из России пояснения давал сам Хейердал-младший. Но при этом он скромно умолчал, что именем отца назван современный фрегат, который не так давно вошел в состав ВМС страны.

И еще отрядный факт. За верность гуманистическим идеалам Юрия Гагарина, за большой личный вклад в установление дружественных связей между российскими космонавтами и норвежской общественностью отмечен и соотечественник Хейердала — Бернт Линдеклейв, о котором упоминалось выше. Он награжден эксклюзивной фотографией первых советских космонавтов, где на левом фланге — Гагарин. К слову, у обоих великих первопроходцев в будущем году — юбилейные даты: Хейердал-старший родился в 1914 году, а Гагарин — в 1934-м...

Так жизнь соединила во времени и пространстве память о Гагарине и Хейердале — пионерах космоса и мирового океана, общественных деятелях и поборниках мира на планете Земля.

Елена КОМЛЕВА

НЕФТЬ ИЛИ ЯДЕРНЫЕ ОТХОДЫ

Б. Никипелов, один из видных руководителей советской/российской ядерной отрасли прошлого, со ссылкой на Гегеля, этику и диалектику, отстаивает мнение, что запрет на международное разделение труда в ядерной сфере — это противоречие, которое будет преодолено историей. И будут созданы крупные международные хранилища радиоактивных отходов в Китае, Монголии, Казахстане, Канаде, России¹. Мысль верная. Как и на каких площадках ее правильно реализовать? Вот в чем суть. Тем более что по аналогии с проектом Yucca Mountain стоимость только обоснования и строительства каждого хранилища (подземного)/могильника составит не менее 100 млрд долл.

Ныне мы видим, что человечество переходит от принципа национальных усилий по вечной изоляции таких отходов к интернационализации этой деятельности. А. Глюксман еще в начале века писал о совпадении интересов некоторых политических сил России и Запада по поводу международного ядерного могильника на российской территории (тогда предпочтение отдавали Челябинску) и о финансировании «уже несколько лет» процесса сближения.

Сближение в рамках темы ядерных отходов происходит на неудачном для российской атомной отрасли фоне резкого свертывания реального строительства Россией за рубежом и внутри страны новых АЭС, лихорадочных и зачастую сомнительных действий российского атомного менеджмента и в условиях, когда экономика России перестает быть российской, а обрабатывающая промышленность и машиностроение страны исчезают. Но и когда «США постоянно с нами (по словам Н. Лаверова) «советуются» по вопросам обращения с радиоактивными отходами и их захоронения.

Документы в связи с закрытием в США Yucca Mountain — американо-российское соглашение № 123 (2010 год), директива ЕС по обращению с ядерными отходами (2011 год) — вот основные правовые вехи на пути создания крупных международных подземных объектов изоляции ядерных материалов и радиоактивных отходов. В том числе и в России.

¹ Никипелов Б. Этика и диалектика в ядерной энергетике // Бюлл. по атомной энергии / ЦНИИ Атоминформ. 2003. № 10. — С. 7–14.

Хотя политическая воля к созданию международных ядерных хранилищ/могильников достаточно определенно проявлена многими странами, конкретные юридические, финансовые и экономические механизмы этого ещё предстоит создать. В том числе, и по части сбалансирования в России интересов общефедеральных и того региона, где объект будет создаваться. Видимо, как аналог будет принята схема практической реализации соглашения между МАГАТЭ и Россией (2010 год) о создании первого в мире международного банка свежего ядерного топлива.

Приветствуется и критическая правовая позиция относительно международных хранилищ, способствующая полной оценке ситуации.

Необходимо также четко идентифицировать и укоренить социокультурные (светские и религиозные) основания и критерии таких действий. Например, на базе православия, философского наследия Ф. Достоевского², с привлечением идей геоэтики и других элементов духовно-гуманитарных начал безопасности. Так называемый «индекс безопасности ядерных материалов» Фонда «Инициатива по предотвращению ядерной угрозы» (Nuclear Threat Initiative), для сравнения, предусматривает анализ условий хранения и обращения с ядерными материалами в странах мира не только в плоскости военно-технической, но и социокультурной — от прошлого к будущему).

Тем более, что уже можно говорить о нарушениях правовых норм (как и морально-нравственных, а также научных критериев обоснования). Например, «строительство подземной лаборатории возле Красноярского горно-химического комбината, несомненно, является началом сооружения пункта геологического захоронения радиоактивных отходов без получения лицензии на такое строительство, то есть является строительством несанкционированного могильника высокоактивных отходов... При сооружении подземной лаборатории... образуется депрессионная воронка, естественный гидрогеологический режим (объект изучения. — *Е.К.*) будет нарушен... т.е. от лаборатории будет больше вреда, чем пользы»³.

Некоторые правовые инициативы в связи с могильником ГХК были переданы через В. Путина в адрес глав государств G-20 участниками гражданского саммита «Группы Двадцати». Площадку, которая была выбрана первоначально для одного объекта⁴, целенаправленно «подогнали» под принципиально другой. Другой, прежде всего, по сроку существования (миллионы лет — могильник, десятки лет — завод). Понятно, что требования к площадкам и к обоснованию их надежности разные для завода и могильника.

Есть и другие признаки лукавого «протаскивания» Росатомом нужного решения. Выбранный вблизи Железногорска гранитный массив вскрыт едва ли десятью скважинами не глубже 700 м. Однако граниты в последнее время

² URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/164207>

³ URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4554>, комментарий Б. Серебрякова.

⁴ Для наземного завода РТ-2 радиохимической переработки отработавшего ядерного топлива по несбывшимся тогда планам расширения ГХК. — URL: <http://www.iapress-line.ru/dossier/item/10768-unik>

преподносят геологам поразительные сюрпризы, невообразимые ранее. Месторождение «Белый тигр» знаменито гигантскими запасами нефти в гранитах на глубинах 1–3 км. Имеются и другие примеры нефти в гранитах. Кстати, в гранитах Нижнеканского массива отмечали проявления углеводородов (Ф. Бакшт, Томск, устное сообщение). Для обоснования могильника ГХК эти факты важны двумя следствиями.

Во-первых, пришло время радикального пересмотра концепций поиска и разведки углеводородов. Во-вторых, доказано, что на глубинах в первые километры граниты могут иметь мощные зоны массопереноса, в том числе с направленностью движения флюидов к земной поверхности. Именно обнаруженные Ю. Дублянским геологические индикаторы периодического появления глубинных вод у земной поверхности впоследствии стали главным аргументом при закрытии проекта Yucca Mountain. А если под ГХК море нефти или воды? Будем потом, после эксплуатации «ядерного кластера», разведку вести, как Казахстан⁵. Германия уже обеспокоилась прогнозом наличия газа ниже подземной лаборатории «Горлебен» на глубине 3 км и соседством площадки с Эльбой. МАГАТЭ, кстати, рекомендует при обосновании площадки захоронения ДОКАЗАТЬ отсутствие в ее недрах и вблизи полезных ископаемых, особенно высоколиквидных.

Есть и глобальное третье следствие. Абиогенная нефть как частный случай нефти в гранитах позволит не принимать серьезно разговоры про принципиальную невозможность запасов углеводородов, скорое их исчерпание, и про неизбежность развития гражданской ядерной энергетики с применением опасной радиохимии.

Могильник за Уралом — исторически не первое предложение Минатома/Росатома. Какова судьба предыдущих, каждое из которых в свое время было «всесторонне обоснованным и единственно верным»? Почему «один на всех» могильник вот-вот будут строить вблизи Красноярска — географического центра России? Всесторонне ли обоснован этот вариант с учетом предыдущих и еще имеющих сейчас вариантов? А почему не построить два, но у границ (западной (Печенга) и восточной (Краснокаменск)?

Могильники у границ с серьезными соседями на несколько порядков повысят безопасность объектов. По крайней мере, о разрушениях в результате военных действий, диверсий и терактов, направляемых против России, можно будет не беспокоиться. Будем крепко помнить о работе крылатых ракет по Югославии⁶. Но никто не решится потревожить таким образом совместно Россию и Китай или Россию и Норвегию, Финляндию, Швецию. Да и другие аспекты безопасности будут выверены многократно, безо лжи, в связи с жизненно важными интересами разных стран, не только Росатома. «Ядерный остров» в границах родного мне Мурманска⁷, видимо, задумка Росатома «из той же серии». Но, надо отметить, не в самый раз: слабо, слабо... По части защиты безопасности страны и региона не только многократно хуже, чем вариант Печенги, но и, скорей всего, подрывает ее.

⁵ URL: <http://www.lenta.ru/news/2013/06/25/use/>

⁶ URL: <http://www.nuclearno.ru/text.asp?17287>

⁷ URL: <http://www.nuclearno.ru/text.asp?17345>

Единственный, которому сейчас можно безоговорочно верить — предположительный ответ Росатома применительно к Железногорску: здесь действует и будет все же расширено радиохимическое производство ГХК с целью «одним махом» покрыть все формируемые РФ такого рода потребности. Вот так: главное — обеспечить решение сиюминутной, не вполне очевидной задачи по развитию ГХК. Могильник — лишь необходимое дополнение для этого, а не самостоятельная сложнейшая проблема! Радиохимический завод «определяет сознание», а не потребность правильно, всесторонне и надежно обосновать решение по вечной изоляции отходов. Кроме того, одновременно госкорпорация запускает амбициозный проект «Прорыв», который призван сформировать новый для России и мира облик отрасли и предусматривает, видимо, опасную радиохимическую переработку при каждой АЭС нового поколения непосредственно на площадках этих станций. Что за стратегическое противоречие — раздвоение сознания? К тому же, замечу, нынешние радиохимические технологии решаются применить в промышленных масштабах гражданской отрасли далеко не все ядерные страны. Россию не смущают «странные метеориты», осваивающие маршруты над ее территорией.

Нынешняя администрация Росатома на примере программ строительства АЭС показала слабость планирования и реализации планов в интервале времени в 10 лет. Но она на примере могильника вблизи Красноярска пытается убедить общество, что на миллионы лет вперед предвидеть ход событий и тратить деньги умеет. Специалисты США несколько десятков лет поэтапно выбирали по всей стране площадку для могильника, сравнивая разные геологические формации, пока не получили право начать горные работы на Yucca Mountain. Но, увы, итог и здесь печален. А Росатом быстро, в стиле нового «прорыва» и без альтернатив, нашел подходящий массив «у забора» ГХК.

Выбор Нижнеканского массива осуществлен структурами Росатома — ВНИПИПромТехнологии и Радиевым институтом. Он не оптимален геологически. Номенклатура подлежащих долговременной/ вечной изоляции высокоактивных материалов уже сейчас не сводится только к отходам радиохимии ГХК. Со временем, особенно при ускорении процессов демонтажа ядерных объектов и все большей интернационализации отрасли, неадекватность по многим параметрам площадки вблизи Красноярска будет становиться все очевидней и отягощающей. И шаг за шагом, если могильник здесь будет построен, его функции, скорей всего, будут последовательно, каждый раз «в связи с новыми непредвиденными обстоятельствами», расширяться. Модернизация станет постоянной. Радиационные нагрузки на территорию будут возрастать.

При уважении к опыту упомянутых выше институтов следует помнить все же и некоторые неприятные итоги их научных обоснований в условиях финансовой и корпоративной зависимости от администрации Росатома. ВНИПИПромТехнологии — разработчик («научный» подход тот же — «у забора» своего объекта, но совершенно иного назначения) отвергнутого после критики РАН проекта подземного ядерного могильника на полигоне Новой Земли, незаконченного аналогичного проекта для территории ПО «Маяк».

Кто может вспомнить добрым словом эти проекты? Радиевый институт как минимум поддержал продвижение одной из технологий обращения с радиоактивными отходами на объекты ПО «Маяк» и (совместно с ВНИПИЭТОм) РосРАО, которую осудила Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Международные подземные хранилища, могильники ядерных материалов можно рассматривать как элементы будущей системы ядерного нераспространения, как панацею, в том числе, и от попадания этих материалов (возможная начинка радиологического оружия) в руки террористов.

Но прежде все же следует, минимум на двух уровнях, переосмыслить вопрос: «Нефть или ядерные отходы?» Глобальный уровень: если абиогенная нефть реальна, то нужно остановить (приостановить) развитие нынешней и любой другой будущей ядерной энергетики, неотъемлемым следствием которых есть и будет генерирование высокоактивных и долгоживущих отходов, а также — системы международных подземных ядерных могильников, в том числе приостановить работы вблизи Красноярска. Локальный уровень: если строительство могильника вблизи Красноярска необходимо, надо с помощью глубокого бурения доказать отсутствие нефти и благоприятный гидрологический режим применительно к оконтуривающим предполагаемое место заложения объекта кристаллическим породам Нижнеканского массива. Для Печенги, например, множеством скважин глубиной 2–2,5 км и Кольской сверхглубокой скважиной доказано отсутствие нефти и показаны благоприятные предпосылки естественной гидроизоляции будущих подземных сооружений.

Автор благодарит за поддержку исследований и ценные комментарии профессора Brigitte Falkenburg.

Мария КОРТУНОВА

ПУТЬ НА СОЛОВКИ

Что так влечет людей к островам, находящимся в 160 км от Полярного круга? Понятно, например, для чего туристы едут в Рим, Париж, Лондон. Но что такое Соловки? Чего искать на полупустынных островах, где почти не бывает лета? В действующем монастыре, в бывшем концентрационном лагере?

На Соловки едут не за острыми ощущениями, не за приключениями. Соловки — это место безмолвного уединения, размышления, место памяти, место святости. Соловки — это место встречи с историей, с самим собой, с Богом. И, видимо, так необходимы эти встречи современному человеку, что число стремящихся на этот отдаленный архипелаг растет с каждым годом, а побывавшие там стремятся вернуться снова. Ведь Соловки невозможно забыть — они становятся частью вашего сердца.

На Соловки дорога совсем непростая. Самый легкий способ, но и самый дорогой, — от Архангельска на самолете. Другой, которым пользуется подавляющее большинство туристов и паломников, — на поезде до Кеми, оттуда на теплоходе до главного острова Архипелага.

Мы же подвязались к небольшой экспедиции, везущей запчасти для строящегося на верфи Соловецкого морского музея моторного парусника «Святой Петр». Этот парусник — уменьшенная копия первого русского военного корабля, построенного в Архангельске в 1693 году по заказу Петра I под руководством голландских мастеров.

Экспедиция стартовала от Петрозаводска. Ехали по М18 — до Белозерска, потом повернули на Кемь.

С момента принятия решения о посещении Соловков между вами и островом возникает незримая связь. Вы начинаете оценивать, какие трудности дороги вы готовы перенести, а остров, оценивая вас, — каким этот путь окажется: легким или трудным. Что это — случайность или закономерность?

Вы поймете и почувствуете это в пути.

Теплоход до островов отправляется из Рабочеостровска, пригорода Кеми. Здесь с 1923 по 1936 год находился Кемский пересыльно-распределительный пункт. Сохранились здания штрафного изолятора, полузатопленная баржа, на которой перевозили на Соловки заключенных, и разрушенная лагерная пристань. Уже стоя на этой пристани в ожидании теплохода,

невольно думаешь о том, как стояли здесь те, для кого этот путь был последним.

Главная достопримечательность Рабочеостровска, мимо которой не проходит никто из отплывающих на Соловки, — это макет церкви на пустынном мысе на берегу моря, который был специально построен из избы для съемок фильма Павла Лунгина «Остров».

Место режиссером было выбрано очень удачно: суровое Белое море, огромные валуны на берегу, обнажающиеся во время отлива, — все это настраивало на соответствующий лад. Теперь все, кто отправляется на Соловки, обязательно приходят сюда.

У многих людей нашего и предшествующего поколений, когда они слышат слово «Соловки», сжимается сердце. «Суровая климатическая обстановка, трудовой режим и борьба с природой будут хорошей школой для всяких порочных элементов!» — постановили победители революционного переворота 1917 года и создали в 1920 году на территории «бывшего рассадника религиозного дурмана» концентрационный лагерь для военнопленных Гражданской войны. В 1923 году этот лагерь перерос в СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения — Голгофу, которую прошли тысячи людей.

Осознание реальности этого приходит, как только попадаешь на остров. Например, когда натыкаешься на источенные ветром деревянные столбики с проржавевшей колючей проволокой. Или когда сворачиваешь на просеку, чтобы срезать путь, и испытываешь странную гнетущую тревогу, необъяснимую тоску. Потом находится объяснение: по этой просеке проходила лагерная узкоколейка — дорога страданий и отчаяния.

Официально рабочий день на лесозаготовках составлял десять часов, хотя на самом деле работали значительно больше.

«Мы валим толстые деревья, обрубаем сучья... Мы не умеем ни пилить, ни носить тяжести. Мы задыхаемся, сделав полсотни взмахов пилой... Десятник бежит среди работающих... и кричит: «Давай, нажимай!.. Не то на пеньки поставлю!» Мы знаем, что это значит. Плохо работающий заключенный должен раздеться и в одном белье, босой, встать на пень... Конвой сидит у костра, а заключенный мерзнет, стоя на ветру. Иногда так замерзают совсем. Весной, когда сходит снег, в Соловецком лесу обнаруживается много трупов — замерзших, застреленных конвоем или убитых десятниками заключенных»¹.

Только за один год здесь было расстреляно 1800 человек. Палачи заводили узников в помещение, оглушали их ударом березовой палицы по голове, раз-

¹ Хомяков Г. А. Соловецкие острова // «Север». 1990. № 9. — С. 24–25.

девали и связывали проволокой. Затем людей везли к ямам, выкладывали по пять тел в ряд, убивали выстрелами в голову, а помощники в это время подтаскивали к ямам следующих.

Так были убиты философ и ученый П.А. Флоренский, реставратор А.И. Анисимов, изобретатель Л.В. Курчевский, адвокат А.В. Бобрищев-Пушкин, удмуртский просветитель К.П. Герд, идеолог панисламизма И.А. Фирдекс, сестра милосердия Л.А. Соколова-Миллер, академик С.Л. Рудницкий, «служители культа» Ш.Г. Батманишвили, П.И. Вейгель, Д.Г. Воскресенский, С.И. Эроян, профессора П.П. Казаринов, П.И. Кикобидзе, Х.И. Гарбер, С.Ф. Васильев, Р.Н. Литвинов, исследователь В.М. Чеховский, детский врач Г.А. Тюрк и многие другие.

«Расстреливали и иначе — прямо на Онуфриевском кладбище, за женбарак (бывшим странноприимным домом для богомолков). И та дорога мимо женбарака так и называлась расстрельной. Можно было видеть, как зимою по снегу там ведут человека босиком, в одном белье (это не для пытки! это чтоб не пропала обувь и обмундирование!), с руками, связанными проволокою за спиной, а осужденный гордо, прямо держится и одними губами, без помощи рук, курит последнюю в жизни папиросу...

А от других соловчан он узнает и пострашней, чем видят его глаза. Произносят ему гибельное слово — Секирка. Это значит — Секирная гора. В двухэтажном соборе там устроены карцеры. Содержат в карцере так: от стены до стены укреплены жерди толщиной в руку и велят наказанным арестантам весь день на этих жердях сидеть... Высота жерди такова, что ногами до земли не достаешь. Не так легко сохранить равновесие, весь день только и силится арестант, как бы удержаться. Если же свалится — надзиратели подсакивают и бьют его. Либо: выводят наружу к лестнице в 365 крутых ступеней (от собора к озеру монахи соорудили); привязывают человека по длине его к балану (бревну) для тяжести — и сталкивают (ни единой площадки, и ступеньки настолько круты, что бревно с человеком на них не задерживается).

Ну, да за жердочками не на Секирку ходить, они есть и в кремлевском, всегда переполненном, карцере. На ночь забирают одежду, и чтобы согреться, ложатся на пол, друг на друга. Хуже всех приходится тем, кто снизу, к утру их находят задохнувшимися. А то ставят на ребристый валун, на котором тоже не устоишь. А летом — «на пеньки», это значит — голого под комаров. Но тогда за наказанным надо следить; а если голого да к дереву привязывают, то комары справятся сами. Еще — целые роты в снег кладут за провинность. Еще — в приозерную топь загоняют человека по горло и держат так. И вот еще способ: запрягают лошадь в пустые оглобли, к оглоблям

привязывают ноги виновного, на лошадь садится охранник и гонит ее по лесной вырубке, пока стоны и крики сзади кончатся»².

Кроме Секирной, другая вершина Соловков, находящаяся на Анзере, по пророческому видению названная монахами Голгофой, оправдала свое имя в полной мере. Здесь, на склоне Голгофы, уже в послелагерные времена выросла удивитель-

ная береза. Ее ветви образуют совершенно правильный крест, как будто специально вырезанный неизвестным мастером. Монахи говорят, что никто и никогда не подрезал эту березу, и считают ее появление чудом — будто выросла береза в память тысяч невинно загубленных душ. И именно в период СЛОНа начал формироваться образ Соловков, суть которого — в духовной твердости, искупительности, мученичестве, жертвенности. Соловки стали теперь не только православной святыней — все, что связано с лагерем, также обрело особую святость и прочно закрепилось в сознании русских людей.

Но нельзя воспринимать Соловки только как символ «лобного места». Ведь на Соловках за 500-летнюю историю сформировалось особое духовное пространство русской Православной культуры. Именно сюда, в Соловецкий монастырь, ежегодно устремлялись десятки тысяч паломников со всех уголков нашего Отечества. По словам С.В. Морозова, разрабатывавшего «Соловецкую идею», «подавляющее большинство богомольцев шло на поклонение не праздно «вместе со всеми», а «по вере», «по усердию», «по обещанию» в надежде на предстательство преподобных. Соловки в народном сознании были символом защиты от всяческих бед и несчастий греховной земной жизни, а монашеский путь отцов Соловецких — прямым путем социального и духовного спасения... Успех деятельности монастыря основывался на том, насколько полно он отвечал запросам своей «духовной вотчины»³.

В итоге Соловецкая обитель для России стала значить неизмеримо больше, чем просто монастырь на далекой северной окраине. Соловки стали одним из центров национальной самоидентификации, обеспечивающим возможность существования, воспроизводства и развития русского народа и государства в целом.

Соловецкие острова — редкое по красоте место на Севере России. Человек, много путешествующий по возрождающимся русским обителям и впервые приехавший на Соловки, не найдет здесь сусального благолепия. Соловки суровы, и на их челе хорошо различимы все морщины и шрамы, какие оставляет долгая и непростая история.

² Ширяев Б. Неугасимая лампада. — Нью-Йорк, 1956.

³ Морозов С.В. Постигание Соловков. Очерки и материалы. — М.: ТСМ, 2004.

Наибольший расцвет культурной и хозяйственной деятельности человека на Соловецких островах пришелся на конец XIX — начало XX века. Именно тогда стараниями монахов и трудников монастыря было сооружено большинство построек островов, которые ныне представляют из себя основные достопримечательности Соловецких островов. К сожалению, многого из построенного уже не существует или же находится в полуразрушенном и запущенном состоянии. Соловки всегда были зеркалом состояния дел в России, и сегодня они полностью отражают действительность.

На осмотр Большого Соловецкого острова требуется не один день. Ведь здесь, кроме самого монастыря, можно посетить Секирную гору, Морской музей, Ботанический сад, монашеские скиты, проплыть на лодке по канальной системе, соединяющей несколько красивейших озер, да и просто побродить по острову, где под ногами расстилаются ковры из грибов и ягод.

На островах встречается много поклонных крестов. Воздвижение крестов на Русском Севере — традиция давняя. И хотя невелик крест по сравнению с церковью, велика была сила его эмоционального воздействия. Крест — это и памятник крестьянской письменности, архитектуры, культа, и навигационный знак поморов, нанесенный на лоцманские карты.

Как такового, коренного населения на Соловках нет. Все нынешние жители небольшого поселка оказались здесь, что называется, по воле судьбы, пришли своим путем. С середины 1980-х годов и до нынешнего времени Соловки покинула почти тысяча человек — те, кого держали здесь северные надбавки. Зато появились новые люди. Число идейных соловчан, которые живут в согласии с духом архипелага, понемножку увеличивается с каждым годом.

Для чего же едут на Соловки? Кто-то ищет на Соловках ответа на мировоззренческие вопросы, спасаясь здесь в периоды своего духовного кризиса, в поисках смысла жизни, приобщившись к жизни на Соловках, чтобы «утолить свой духовный голод». «Наиболее заинтересованные и достойные люди едут на Соловки от глубокой душевной заботы, для серьезного духовного труда. Честные поиски полноты духовного бытия требуют особых форм удовлетворения. Качество запроса требует качества ответа»⁴. Люди верующие тянутся на Соловки как к историческому духовному центру, едут в монастырь, являющийся для них олицетворением святости. Но есть и те, кто ездит лишь из праздного любопытства или коммерческого интереса. И таких людей немало.

⁴ Морозов С.В. Постижение Соловков. Очерки и материалы. — М.: ТСМ, 2004.

Возрождение Соловецкого монастыря — важное и необходимое условие возрождения национальной святыни. Необходимое, но не единственное. «Достойное будущее Соловков как национального культурного центра видится в обращении к серьезным историческим, философским и религиозно-философским проблемам прошлого и

настоящего. Это тем более важно, потому что в Соловках, как в капле воды, отражается вся Россия со всеми ее проблемами и настроениями. Все, что мучает сегодня Россию, здесь, на архипелаге, происходит наглядно, остро и подчас драматично. Таким образом, идея Соловков напрямую соотносится с русской идеей, а соловецкая духовность — явственный показатель духовности российской. Соловецкая идея должна стать фактором возрождения Соловков — точно так же, как идея русской духовности должна стать силой реконструкции России»⁵.

Уже несколько десятилетий назад Соловки перестали называться тюрьмой. Материальных свидетельств лагерей на островах почти не осталось. Строения, хранившие сотни надписей, оставленных узниками, разобраны, архив тюрьмы уничтожен. Но, смотря на всю эту суровую красоту природы, проходя под сводами храмов, превращенных тогда в бараки и карцеры, трогая древние замшелые камни, останавливаясь перед братскими захоронениями, невольно сжимается сердце, проникается болью и страданиями тысяч людей, прошедших через этот ад. Здесь, как нигде, ощущаешь соединение святости с силой человеческого духа, героический подвиг людей, сохранивших свое достоинство, осознанное до глубин души чувство долга, высокого жертвенного подвига в условиях борьбы за жизнь, голода, безграничного произвола, полного презрения к человеческой личности и ее правам, хамства, грязи, болезней, непосильного, принудительного, часто бессмысленного труда.

Уезжали с Соловков в задумчивости, с тишиною внутри. Ведь Соловецкие острова — это наша русская Голгофа, земля, обогретьная невинной кровью людей многих национальностей и вероисповеданий. Соловецкие острова — это и историческая православная святыня, общенациональное достояние России, свидетельство творческой силы нашего народа, выдающийся памятник традиционной монастырской культуры. И невольно задаешься вопросами — приблизится ли российское общество к пониманию места и значения Соловков в современной России? Получат ли, наконец, Соловки особый статус, достойный их исторического, культурного и духовного значения? Обретем ли все мы место в пространстве нашей современности, способное давать адекватные ответы на духовные запросы общества? Пока ясности по этим вопросам нет.

⁵ Морозов С.В. Постижение Соловков. Очерки и материалы. — М.: ТСМ, 2004.

Владимир ПОДОРОГА

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ И ЧЕМ ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ СЕГОДНЯ*

От редакции. В мае этого года Минобрнауки резко сократило число бюджетных мест по направлению «философия» для набора на следующий учебный год. Сильно урезана численность бесплатного набора по многим гуманитарным специальностям. В Петербургском университете число бесплатных мест для философов сократили на 10%. В Московском РГГУ придется ликвидировать философский факультет. Минобрнауки оставил для философов бюджетные места всего в 10 регионах страны. Нужны ли стране Платоны и Ясперсы? Что такое философия и зачем она цивилизованному обществу?

Вопрос о том, что такое философия, может показаться несколько надуманным. Хотя было бы странным отказаться от семантической проверки самого вопрошания. Как известно, на этот вопрос отвечали многие из философов с мировым именем. Но ни один из них не обращался к самой Философии, все они, по сути, дела отвечали на вопрос: «Что такое моя философия?» или на несколько видоизмененный: «Как я понимаю философию?» (М. Мамардашвили). Обычно вопрос этот относят к тем вопросам, которыми задается «профессор философии» на склоне лет. Спрашивают: чему ты посвятил свою жизнь? — Ответ: философии. — Ну а что такое философия? И он должен вспоминать, предоставить отчет или обзор собственного пути философствования. Заметьте, никто не спрашивает, что такое биология, что такое физика или даже что такое история или филология. Поскольку «школьный» ответ всегда в наличии: это специальные формы знания, со своими территориями, инструментами и объектами, стилем мысли и языком. Философия как дисциплина экстерриториальна, она вынуждена каждый раз создавать себя и вводить в культуру целую серию новейших понятий, чтобы определить свое место и назначение в обществе, и тогда назвать себя. Можем ли мы отвечать на этот вопрос, не предлагая нового философского образца, не творя его здесь и сейчас?

* Статья предоставлена редакцией журнала «Философия и культура».

Есть много философий, но нет одной философии в качестве универсального образца. Множество «измов» определяют смысл нашего философского выбора. Есть классика, классические образцы философии (Платон, Августин, Декарт, Кант, Гегель и далее), по которым учатся и которые время от времени подвергают интерпретации. Но такой вот «образцовой» философии, какой она когда-то была, больше нет. Вот уже более века никто не создает великих философских систем и даже не думает об этом (кроме как зачарованных собственным безумием неопитов). А это значит, что-то завершилось, время одной философии закончилось. Философия не наследуется нами как вечный инструмент познания жизни. Мыслить — это как раз видеть, почему прежний образец познания непригоден к использованию в сегодняшнем времени. Или в чем по-прежнему «пригоден». Это часть современной философской работы.

Поэтому когда мы спрашиваем, что такое философия, мы должны прибавлять — сегодня, и даже — что такое философия сейчас. Мы легко обнаруживаем время настоящего в самой структуре вопроса, ведь «что» (изначальная вопросительность) относится не к предметно определенной, не к «свернутой» по методу области философствования, где может быть получен ответ, а к скрытому существованию самой философии как определенного ментального события в культуре. Возможно, что она просто есть как устойчивый рефлекс или привычка, и этого вполне достаточно для ее легитимации. На самом деле, разве этот вопрос всякий раз, когда задается, не ввергает нас в историчность? Не избавляемся ли мы от самой философии, поскольку начинаем говорить о ней из нашего исторического бытия, т.е. ограничивая ее и завершая?

Как только мы привыкаем к тому, что философия есть сама по себе, вне всякой ясно предписанной ей области существования, то в таком именно случае она и есть. Итак, в одном-единственном вопросе мы получаем некое раздвоение в вопрошающей интенции, так как изначально предполагается, что философия есть. А по скрытой интенции задается вопрос: когда она есть, существует, то, что она? Или: что она такое, когда есть?

Можно было бы сказать, что в самом вопросе заключено превосходство существования (события) над сущностью (или чтойностью). А как тогда ответить на вопрос: что такое философия, когда она не есть? Ведь сущность, по определению, ограничена методом. Следовательно, всякое определение философии вводит специализацию по знанию, дисциплинарные границы и другие разные знания и умения знать философию. Философии умножаются по методу (феноменологический, лингвистический, герменевтический, экзистенциальный и т.п.). Если мы говорим, что есть философия, то предполагаем, что существует философствование.

Я предполагаю, что ответ на вопрос *что такое философия?* лежит вне плоскости самой философии или философствования. Этот вопрос, собственно, может быть расположен на различных горизонтах *ожидания ответа*. Вопрос открывает один горизонт ожидания, и он закрывается, как только ответ будет найден. Затем возникает следующий. Я выделяю несколько горизонтов ожидания: *исторический* (время, эпоха, период), *историографический* (событие), *генеалогический* (происхождение и место), *дисциплинарный* (институт), *аффективный* (страсть) и, наконец, *метафизический* (вопрошание как принцип). Лишь последний вопрос/вопрошание является собственно философ-

ским и изменяет по мере постановки «конечный» смысл, критерий его лежит не вне, а внутри самого опыта философствования. Только в этом случае статус самого вопроса может изменяться, поскольку ответ может быть найден в порядке самого вопрошания. Другие же горизонты ожидания, напротив, предполагают, что ответы должны быть определены, и недвусмысленно. Буду исходить из того, что называю *превосходством объекта* (Внешнего).

Что это нам дает? Прежде всего, мы выскальзываем из ловушки *метода*. Ведь всякий раз, как только я начинаю исходить из данности «я мыслю», сразу же становлюсь неким методологическим гомункулусом («попперианцем», «хайдеггерианцем», «ницшеанцем», «гуссерлеанцем» или «фрейдистом»). Я не могу начать думать без того, чтобы кто-то уже не думал за меня... Как мыслить спонтанно, без метода — вот вопрос. Поэтому попробую идти в анализе скорее окольными путями, *от внешнего к внутреннему*, т.е. повторяю, избегая соблазнов веры в *данность* мыслящего Субъекта.

1. *Историографический горизонт (история и время события)*. Вводим историческую размерность философского опыта: такие хронограницы, как эпоха, время, период. Время мысли — время событийное, которое нам нужно для того, чтобы вообще работать с историческим бытием философии; оно указывает, что мысль Платона или Декарта состоялась в таком-то историческом промежутке. Одно дело, что факт мысли (Платон или Сократ жили тогда-то, там-то, занимались тем-то...) принадлежит *хронологии жизни*, и другое, что событие мысли определяется иной временной протяженностью и представляет собой проекцию вневременную, где мысль, давно ушедшая от нас в глубь веков, возвращается к нам в текущее настоящее. Однако каждое обращение к далекому по времени опыту мысли подвергается настоящему испытанию.

Философы часто приводят в действие уснувшие навек события мысли, заново их порождая. Событийное время мысли также требует меры, не мертвых хронологий, а указания на границы события. Историографическое вопрошание ограничивает философию и одновременно открывает ее сущностное измерение, определяемое понятием события. Историография философского опыта есть описание некоторого события, тождественного рождению «нового». Такими событиями мысли можно считать: *огонь* Гераклита, *идею* Платона, *cogito* Декарта, *duree* Бергсона, *интенциональность* Гуссерля, *Dasein* Хайдеггера и так далее. Это такие точки философской работы, где сила мысли формирует саму философию в качестве События.

2. *Генеалогический (происхождение и место)*. Вопрошание, или вопрошание о месте, и поддерживает генеалогическое: вопрос о происхождении философского опыта, который заявляется в той или иной системе философии. Очень характерный момент связан, например, с формированием романтического опыта в немецкой философии XIX–XX веков, когда постепенно открывается культурный и мыслительный опыт Греции. Мы можем вспомнить такие темы: «Гегель и греки», «Гёльдерлин и греки», «Ницше и греки», «Хайдеггер и греки». Вся немецкая философия так или иначе воспроизводит себя в обращении к новому пониманию собственных истоков, перенося свою «идеальную родину» в мысль древнегреческую. Именно так немецкая культурная традиция пыталась войти в мировую мысль, доказывая свою принадлежность европейскому человечеству. Происходило удвоение мифа. Прекрас-

ные образы греческой родины проступают в поздних гимнах Гёльдерлина. Античный логос обладал сверхценностью для философствования А. Лосева и его учеников. Античная классическая мифология присутствует в психоанализе З. Фрейда. Соотносясь с идеальной родиной европейской мысли, вы смыкаете цепь традиции, перемещая ее в свое время. Ментальный ландшафт — сцена, на которой себя размещает философствование; она все время меняется, это всякий раз другая сцена. Можно выделить несколько основных философских ландшафтов: *греческий полис (рынок, гимнасия, академия, пир/симпозиум)*, *пустыня (испытание и обращение, встреча с сакральным)*. В философском умозрении присутствуют элементы геомантики. Для некоторых европейских мыслителей таким обетованным местом, «ландшафтом» или сценой, которая ни здесь, ни там, которая — нигде, были горы как замещающий образ этого «*ничейного места*». Я имею в виду С. Киркегора (гора Мория, библейская пустыня), Ф.Ницше (хребты Энгадина, Швейцарские Альпы), М. Хайдеггера (Шварцвальд, Германия), А.Белого (Каджори, восточная Грузия).

Образ Сократа — это как атопия мысли, *topos — atopos*.

3. *Дисциплинарный (специализация и свобода)*. Возьмем, к примеру, Институт философии. Он давно стал для нас общим домом и местом официального присутствия в качестве «философов» (местом подтверждения статуса, ранга и должности, трудовых и профессиональных гарантий). Мы перестали отличать принципиальную форму института, опыт коллективного (группового) творчества от государственной легитимации профессии; эта форма почти не развивается. Произошло «одомашнивание» института, креативные функции оказались переведенными в рутину повседневности; ценность индивидуального усилия, результат труда, признание оказались второстепенными факторами по сравнению с производством равенства и количественными стандартами в выполнении производственного плана. Это не значит, конечно, что «невидимый колледж» перестал существовать, но что его позиции ослабли, это факт. Сфера интеллектуального состязания сузилась, перестала быть необходимой. (Мы не касаемся здесь мировой истории самой философской институции.)

Естественно, в связи с распадом старых идеологических традиций философия получает свободу, но оказывается к ней не вполне готовой и потому защищается от «свободы» уходом в специализацию. Появляется множество небольших, но вполне академических групп философов, опирающихся на разные традиции философствования. Философская работа продолжается, и ее первые этапы, связанные с проведением громадной переводческой работы, чтобы восстановить хотя бы часть потерянной европейской философской библиотеки, были крайне продуктивными и многообещающими. Сегодня, когда, можно сказать, библиотека восстановлена, начинается этап освоения идейных богатств западноевропейской и отечественной мысли. Мы имеем дело с двойным архивом и музеем. Однако эта работа не может вестись вне текущего времени, без участия в нем. А это время «*post-modernny*», время, которое представляет новые отношения в связи с изменением культурного опыта, когда появляется новая карта философских фронтов. В чем причина недоверия? Философия рассматривается часто не как собрание «живых» идей, а как

некоторые пакеты знаний о философии. Это отразилось в практике архивирования мирового философского наследия. Сегодня то, что ты знаешь о Канте, превышает всякие возможности понимания этого знания. Ты (еще) пока не кантианец, но уже кантовед, т.е. носитель специального знания под рубрикой «история философии» (где «история» устраняет «философствование»). Какой ты философ, если ты не Кант?

С точки зрения современного историка философии, всякий пытающийся что-то сказать, пробовать философствовать, — самозванец. Философская специализация тесно связана с догматическим культом «научности», этим странным культом, в котором под именем философии объединялись власть и политика. Я хочу сказать, что специализация — это скорее политика, чем итог развития философского знания, политика знания. Может быть, невольно, но вот уже чуть ли не полвека философию рассматривают как некое приложение к чему-то... Чтобы выжить, философия должна подражать, причем всему, чему угодно: науке, искусству, логике, истории или географии. Культурологи иногда спрашивают: чем это занимаются философы? Это же сплошная *культурология*! Теперь, когда гуманитарные дисциплины получили некоторую свободу, «специалисты» пытаются задним числом присвоить в качестве собственного методологического ресурса ту философскую базу, которая была подготовлена отечественной и европейской традициями философии. Сталкиваешься с некой формой амнезии. Философию следует изгнать туда, где она станет чем-то похожим на свод догматических правил из теологического трактата; тем самым ее завершить... Нам же, говорят они, вполне достаточно и той философии, какая есть. Считаю, что мне лично повезло видеть завершение этого большого, почти столетнего цикла, наблюдать за данным процессом.

4. *Аффективность (страсть к познанию)*. Мы говорим иногда о философии так, как будто испытываем к ней страсть и даже известное чувство, похожее на любовь. Здесь имеется в виду не только любовь к мудрости. *Аффективность* — это двусмысленное понятие. С одной стороны, философия сама по себе страсть (часто даже говорят «диагноз»): тот, кто философствует, задумавшись, падает в яму, запирается в келье, медитирует на вершине горы, короче, ведет себя как охваченный безумием. С другой стороны, философия действительно требует любви, ведь философия сугубо индивидуальна, и все те, кого мы читаем, пытаемся штудировать, — это не мысль коллективов, все это Канты да Гегели, Спинозы да Хайдеггеры. Индивидуализация опыта мысли, ее сугубо личный характер и создает фон для восхищения, творческого горения и любви. Философия — это предмет личных пристрастий, не дело всех. Разве не любовь к мудрости двигает Сократом, когда он пытается доказать каждому, кто с ним вступает в спор, превосходство истины над мнением? И это превосходство будет тем убедительнее, чем больше страсти вкладывается в поиск истины. Любовь и не претендует на большее. Мы настолько расширяем представление о том, что такое философия, что сводим ее к свободному философствованию, а это равносильно простой страсти: любви к мудрости. Сегодня философствующая мудрость часто черпает свое вдохновение в восточной мудрости (подтверждая себя практикой мысли дзен, медитациями исихастов или кодексом православной аскетики). Нужно ли отличать муд-

рость от философии? Однако мудр только зрелый муж, культ мудрости и институт старчества неустранимы из восточной практики. И, наконец, нарциссизм европейски-центрированной философской доктрины заключается в опыте *идеальных* страстей, т.е. исключительно тех, которые помогают познанию («удивление», «восхищение» и т.п.).

5. *Метафизический горизонт*, или *политика философии*. Наконец, последний шаг: возвращение философии к самой себе. Или вопрос: можно ли вернуться к метафизике оснований, опираясь на прямо противоположное — на *историчнейшее* в бытии философии? Мыслить философски — это знать, из какого места, в связи с чем, когда во времени, с указанием на какую цель, прибегая к какому методу, ты мыслишь. Всегда обзор, контроль и проверка. Метафизический запрос, в конечном счете, как ни странно, смыкается с политикой. Но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция, не как приказ, который нужно принять к исполнению, а как *индивидуальное* дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, которая интерпретируется как политический выбор. Если мы окинем быстрым взглядом время с конца XIX века по начало XXI века, то мы сможем выделить, по крайней мере, три периода (естественно, не равных, но самое главное, не сводимых друг к другу): первый — это начало институционализации и культурного признания философского знания (1890–1922), отражение его в поэзии, литературе и искусстве, развитие в русском религиозно-философском ренессансе; второй — это уже после 1917 года, первые успехи в формировании традиций советской философии и полное завершение ее цикла от конца 1920-х до середины 1980-х годов (1922–1985); и, наконец, третий — это период *переходно-восстановительно-завершающий*, время радикального пересмотра философско-культурного и идейного наследия от 1990-х годов по настоящее время (1985–1993–2006). Время становления и заката тоталитарного государства. Третий период — это поиски выхода из сложного, часто трагедийно-комического событийного пространства, каким являлось посттоталитарное общество. Хаос и смешение черт, присущие образованию традиции, чье надежное направление еще надо установить. Если в двух первых периодах мы способны зафиксировать границы философской работы в культуре, то в последнем нам никто ничего не гарантирует, остается лишь задача, которую надо решать, требование к философии послужить методологической основой своего рода «переоценки всех ценностей». Я бы добавил, тех именно ценностей, которые «смикшировались» в посттоталитарных идеологиях 1990-х годов.

Философия в том виде, в каком она формировалась в советское время, была и *протестная*, и *аполитичная* одновременно, она не смогла выработать условия автономного участия в политике, оставаясь частью догматической идеологии, которая пользовалась услугами философии и формировала общее знание и представление о мире. Что и говорить, философия стала служанкой власти со всеми отсюда вытекающими последствиями. Однако служение оказалось двусмысленным, потому что вместе с ним складывались и другие стратегии философствования, которые позже, в постперестроечный период вышли на первый план. *Политическое* отсутствует не потому, что кто-то запрещает быть *политиком* или участвовать в свободном *политическом действии*, а

потому, что сама философия отрицает свою зависимость от политического и имеет весьма специфические представления о власти. И позиции философии (как цехового знания) иногда являются решающими для понимания политики в целом.

Для философии *политика* (особенно в тоталитарных и догматических вариантах) виделась как ложная практика, и от нее нужно было всеми силами уклоняться, чтобы сохранить верность «знанию» и надежду на другие возможности. Иными словами, философия, какой она предстает сегодня на выходе из тоталитарного тупика (время последних 20 лет), никогда не сталкивалась с *первичностью опыта*. Заимствуя результаты опыта из других сложившихся философских систем и идеологий, она оказалась неготовой признать собственный опыт в радикально новой ситуации. Это самая настоящая драма советской философской традиции, к которой я отчасти принадлежу, — нехватка собственного опыта мысли, отстраненность философской мысли от опыта, который должен был составить суть новых начал постсоветской мысли. Конечно, были возможности признать первоначальность собственного опыта и обратиться к нему — но этого почему-то до сих пор не произошло. Философствование оказалось замкнутым в элитарном слое интеллигенции, чьи мысли формировались в глубокой зависимости от травмирующих обстоятельств повседневного идейного террора. Однако в советской культуре, где философствование оказалось бессильным аполитичным навыком, оставалась устойчивая традиция, упорствующая в своем противостоянии власти, где опыт первоначальный постоянно изучался и передавался, — это традиции *литературы*, причем не только самоиздатской, но и всей запрещенной литературы, или забытой.

Русская и советская литература была и осталась хранительницей этого уникального первоначального опыта, который в границах различных нарративных программ передавался от одного литературного исторического блока к другому. Опыт, который сохранила литература, не мог быть эксплицирован в философских терминах, поскольку философия в обществе не была тем особым критически-рефлексивным инструментом, в котором бы это общество нуждалось. Более того, сама традиция в рамках отечественной традиции мысли долгое время видела в себе некую квазинарративную часть «великой русской литературы», даже какой-то слепой отросток этой литературы. Литературоцентристское общество, в котором мы до сих пор еще пребываем, не знает философии и не ищет ее, обходясь ценностями непрерывной передачи опыта в форме беспрецедентного многообразия больших и малых нарративов.

Когда мы начинаем обсуждать дискуссию вокруг наследия Хайдеггера («нацистское прошлое»), то сразу же попадаем в значительно более широкий круг острых вопросов, которые связаны с другой темой: как возможна европейская культура *после Освенцима* (формулировка Т. Адорно)? Эта тема обсуждается в Европе последние два десятка лет очень интенсивно. Но нет ли в этом *после Освенцима* и другой памяти: *после ГУЛАГа*? Никто и никогда не ставил так вопрос. Вероятно, тому, что он не ставился именно так, есть свое оправдание. Ведь одно дело, когда один народ убивает другой (нацистский режим), и другое дело, когда народ убивает себя (сталинский). Не могут ли все эти чередой идущие *после* истолкованы в духе этого первоначального вытес-

нения, как если бы одна часть населения под страхом и выражением верно-подданических чувств отказала другой в праве на существование лишь на том основании, что та противилась страху, которым жила первая?

В сущности, из всей литературы, которую мы можем привлечь к осмыслению того, чем был ГУЛАГ, все, включая прежде всего «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и рассказы В. Шаламова, есть литература свидетельствующая, многотомные приложения к материалам высшего Суда (правда, *кого над кем?*). Но к кому обращено свидетельство, кто признает его, кто на его основании вынесет приговор, если в фильме «Шоа» К. Ланцмана мы видим, что вокруг того, что было, выстраиваются несвязанные между собой серии свидетельств (они и не могут сообщаться), которые не оспаривают друг друга, а лишь очерчивают то, что случилось как Невозможное, не ужасное или чудовищное, а то, что не могло произойти? Свидетельства ГУЛАГа — вовсе не свидетельства: о чем свидетельствовать, об убийствах и страданиях народа, который стал собственной жертвой? Где и кто палачи? Где мы найдем Высший Суд? Вопрос — *кто* судим и *кто* судит — создает жесточайшее противоречие, отбрасывая последнее свидетельство, для которого не осталось Справедливости. Несколько недель тому назад я говорил с одним из левых итальянских философов, который выразил свою мысль приблизительно так: зачем нам ГУЛАГ? Нужно сначала разобраться с Освенцимом.

Получается, что ГУЛАГ — это исключительно проблема России, итог ее специфических «незападных» путей модернизации, т.е. вполне объяснимое явление, а «Освенцим» — что-то необъяснимое именно исторически, для него нет условий понимания. ГУЛАГ — это к тому же поражение левой мысли, подтверждающей крушение идей социализма, «великих утопий».

Философия не может претендовать на ведущие роли в отечественной культуре, раз самый радикальный опыт ею не был осмыслен, не пережит, не переработан концептуально.

Ищу ответ на вопрос: не чем *была* философия, а чем она *должна быть* сегодня? Какие вопросы нужно сформулировать, чтобы понять возможность постановки самого вопроса «что такое философия?». Дело в том, что, как вы знаете, в отечественной литературе таких определений-ответов невероятное количество. Представим следующую ситуацию: есть два месторождения, на одном добыча нормализовалась и запас ценного металла известен; на другом — нет, все только начинается, потенциал месторождения еще трудно определить. В первом случае — налицо тщательно разработанная технология добычи; во втором — нет еще ничего, никакой соответствующей инфраструктуры и технологических инструментов, все еще надо создавать.

Что назвать философским опытом: тот, который мы получаем *опосредованно* (из Науки), или тот, который получаем *напрямую* (например, из Искусства), сталкиваясь с проблемами, которые не могут быть решены прежними средствами (т.е. опосредованно).

Есть у философии сегодня доступ к опытному знанию или нет — к тому знанию, которое является исключительно *философским*, — вот главный вопрос. И я его ставлю, но отвечаю на него последующим развитием техник вопрошания...

УТРАЧЕННАЯ САМОТОЖДЕСТВЕННОСТЬ*

Брубейкер Роджерс. Этничность без групп.

**М.: Издательский дом Высшей школы экономики,
2012. — 408 с.**

В современном мире происходит процесс распада идентичности. Постмодернисты обозначают этот процесс как кризис идентификации. Они показывают, что сегодня индивид не располагает теми условиями, которые обеспечивали бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя. Самоотождественность личности разрушилась. Само понятие «кризис идентификации» было предложено Дж. Уардом. Оно относится, прежде всего, к отдельному человеку, но описывает также и состояние современной культуры.

Чем же обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других реализуется механизм идентичности. Однако индивид, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное замещает индивидуальное. Там, где человек рассчитывал обрести подтверждение своей самоотождественности, он наталкивается на безличные социальные позиции. Идентификация подменяется процессом позиционирования. Безличное тиражируется и даже копируется, как подметил Ж. Бодрийяр. Там, где индивид рассчитывал на встречу с субъектом, обнаруживается просто социальный статус, некое место. Оказывается, человек выступает под неким псевдонимом, что гарантирует ему возможность после смерти получить эмблему. Противостояние индивида и социума рождает не глубинный поиск тождественности, а «коллаж идентификаций» (Лерн). На социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0».

Журналисты, политики и исследователи описывают этнические, расовые и национальные конфликты как борьбу внутренне однородных этнических групп, отдаленных от других подобных групп непроницаемыми границами. В своей книге американский социолог Р. Брубейкер бросает вызов этому общепринятому «группизму». Но он не просто обращается к стандартным конструк-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 11-03-00599а «Проблема идентичности в современной культуре».

тивистским метафорам «текучести» и «множественности» идентичности. Конструктивизм, по его мнению, и сам превращается в набор клише. Р. Брубейкер показывает, что этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы их видения, интерпретации и репрезентации.

Что же автор называет «группизмом»? Так обозначается тенденция рассматривать ограниченные группы как основные единицы анализа, как базовые элементы социального мира. Термин «конструктивизм» используется в столь широких областях науки, культуры и искусства, что его можно рассматривать как омоним, за которым стоят совершенно разные словоупотребления. Тем не менее, можно полагать, что есть нечто общее на уровне метафорических связей и соответствий в использовании этого термина в философии, психологии, социологии, математике, архитектуре, поэзии и живописи. И это общее — построение субъектом-творцом идеальных (как в математике или философии) или материальных (как в архитектуре) конструкций, исходя из функционально необходимых задач в деятельности, например, в понимании Ле Корбюзье, «дома как машины для жилья» в архитектуре, или конструкта (познавательного эталона) — как функционального элемента в построении модели мира, себя, других людей — в психологической теории личностных конструктов Дж. Келли.

Термин «конструктивизм» вошел в активное употребление в конце 70-х годов для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении «картины мира» данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки.

Согласно методологическому принципу конструктивизма в философии, психологии, социологии (Дж. Келли, Ж. Пиаже, А. Шюц, К. Герген, П. Бергер, Т. Лукман, В.С. Степин, У. Матурана, Ф. Варела, Р. Ватславик, И. Глазерфельд), знания не содержатся непосредственно в объекте (в «объективной действительности») и не извлекаются из нее в ходе «движения от относительной к абсолютной истине», а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными. В этом плане конструктивизм стоит на позициях плюрализма или множественности истины и находится в оппозиции ленинской «теории отражения» и родственной ей «корреспондентной» теории истины.

Что касается Р. Брубейкера, то он пытается выработать способы анализа этничности, не требующие обращения к ограниченным группам. Так автор стремится придать конструктивистскому проекту новую аналитическую ценность. Одним из самых значительных интеллектуальных прорывов конца XX столетия в гуманитарных науках был «когнитивный поворот», который произвел революцию в психологии, придал новую форму дискуссиям в лингвистике, создал новую субдисциплину в антропологии и заложил основы новых исследовательских областей, таких, как искусственный интеллект и когнитивная наука.

Р. Брубейкер выступает против «группизма», внутри которого участники конфликтов регулярно представляют этнические, расовые и национальные конфликты в форме столкновений различных этнических групп. Не следует, по его мнению, воспринимать этнические группы, расы или нации как действующих лиц (героев и мучеников) соответствующих столкновений. *«Иными словами, этнизация, расизация и национализация должны быть осмыслены как политические, социальные, культурные и психологические процессы»* (с. 30). Нет, речь идет не о том, чтобы усомниться в реальности групп или рас. Решающая сила этнической и национальной идентификаций нередко не зависит от существования этнических групп или наций как фактических групп или сущностей.

«Сегодня этнические и национальные фреймы легко доступны, получают мощный резонанс и широко признаются легитимными. Это подталкивает и авторов, и аналитиков к истолкованию конфликта и насилия именно в этнических терминах» (с. 41). На самом деле важно показать, что этничность, раса и национальность просто конструируются. Субстанциалистский язык почти автоматически приводит к приписыванию группам идентичности, деятельности, интересов и воли.

Особый интерес в монографии представляют рассуждения об идентичности. Это слово означает или слишком многое, или слишком малое. *«"Мягкий" конструктивизм позволяет мнимым «идентичностям» множиться. Но по мере их умножения сам этот термин утрачивает аналитическую ценность. Если идентичность находят везде, то ее нет нигде. Если она текуча, то как понять, каким образом самопонимания крепнут, твердеют и кристаллизуются? Если она сконструирована, то как можно понять принудительность внешних идентификаций? Если она множественна, то как понять ту ужасную единичность и единственность, которой просто жаждут и иногда достигают политики, желающие превратить простые категории в унитарные и исключаяющие группы? Как мы можем понять силу и пафос политики идентичности?»* (с. 62).

Да, действительно, «идентичность» и родственные слова других языков имеют долгую историю в качестве специальных терминов западной философии, начиная с древних греков и до современной аналитической философии. Сам термин «идентичность» использовал З. Фрейд. Но он получил распространение в общественных науках во второй половине 50-х годов XX века. Тогда же появилось и словосочетание «кризис идентичности», введенное Э. Эриксоном. Здесь Р. Брубейкер ссылается на условность понятия «нация». Это весьма употребительная категория социальной и политической практики. Но термин «нация» не следует использовать как аналитическую категорию, обозначающую нечто существующее в мире. Можно вести разговор о расе, но, не опираясь на убеждение, будто они существуют на самом деле.

Нельзя не согласиться с автором, что термин «идентичность» несет многозначную, даже противоречивую теоретическую нагрузку. Даже самые утонченные теоретики, которые с готовностью признают эфемерную и проблематичную природу «идентичности», утверждают, что этот термин остается необходимым. *«В теориях, распространяющих веберовскую социологию государства на область культуры, особенно тех, что не чужды влиянию Бурдьё*

и Фуко, государство монополизирует или стремится монополизовать не только легитимно применяемую физическую силу, но и (по словам Бурдьё) легитимную символическую власть. Эта последняя включает власть именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто» (с. 91).

Мощным «идентификатором» является государство. Оно располагает материалом и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности. В некоторых обстоятельствах люди могут понимать и воспринимать себя как точку в сети пересекающихся категорий, а в других — как часть сети связей различной близости и глубины. Можно обратиться также к термину «самопонимание», которое не ограничивается ситуациями постоянного изменения и неустойчивости. Данное слово не может выполнить всю работу, возложенную на идентичность. Как термин, обозначающий собственное понимание человеком самого себя, этот термин не схватывает той ситуации, когда человек рассматривается и истолковывается другими. «Американская история, таким образом, обнаруживает силу навязанных идентификаций, но она открывает также сложность самопонимания людей, определяемых обстоятельствами, которых они не могут контролировать» (с. 116).

Р. Брубейкер отмечает, что попытка убедить людей в том, что они суть одно: что они составляют ограниченную, особую, солидарную группу; что их внутренние различия не имеют значения, по крайней мере, для данной конкретной цели, составляет нормальную и необходимую часть политики вообще, а не только так называемой «политики идентичности». Автор монографии останавливается на феномене «стереотипизации» мышления. Он не рассматривает стереотипы как характерную и патологическую склонность конкретных видов личности («авторитарная личность» или «крайне предвзятый индивид», например). Скорее они трактуются как укорененные в нормальных и повсеместных когнитивных процессах.

Иногда говорят, что этничность меняется в зависимости от ситуации и контекста. По мнению автора монографии, этничность, раса и национализм принадлежат к одной области, а не к нескольким. Попытки теоретического осмысления этнического и националистического насилия выросли на почве двух почти не пересекающихся литератур исследований этничности: этнического конфликта и национализма, с одной стороны, и исследований коллективного и политического насилия — с другой. Автор показывает, что исследования национальности и национализма с момента их появления в конце XIX в. и до настоящего времени отмечены глубокой амбивалентностью и хронической двусмысленностью. С одной стороны, национализм ассоциируется с милитаризмом, шовинизмом, авторитаризмом, узостью, ксенофобией, этноцентризмом. Но, с другой стороны, национальность и национализм связаны с демократией, самоопределением, политической легитимностью, социальной интеграцией, солидарностью.

Ценность данной монографии, на мой взгляд, в том, что она помогает глубже осмыслить кодификацию этнических и национальных категорий, показать их роль для репрезентации социальной реальности.

Эльвира Спирова

НОВЫЕ КНИГИ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВАС ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ

Идеология и процессы социальной модернизации: сб. статей / Под общ. ред. Т.Б. Любимовой. — М.: Academia, 2013. — 376 с. (тираж 800 экз.).

Книга посвящена изучению массовых идеологических процессов в современном мире. Разного рода концепции общественного сознания, несомненно, восходят по своим истокам к определенным философским трактовкам личности, сознания, общения. Вот почему особое внимание в сборнике научных трудов уделено изучению идеологических форм в модернизирующемся обществе, в особенности в России, роли массовых коммуникаций в идеологических процессах, развенчанию иллюзии деидеологизации.

Авторы введения к сборнику статей отмечают, что идеология присутствует, в скрытом или явном виде, практически во всех видах социальной деятельности. Вероятно, первым, кто в Европе пытался последовательно развить и продумать вопросы, непосредственно связанные с раскрытием социальной сущности идеологии, можно считать итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В его основном труде «Государь» были высказаны серьезные мысли о роли идей в политических столкновениях. В работах Ф. Бэкона рассмотрены некоторые познавательные особенности теории идеологии. Огромное значение для формирования концепции идеологии имела критика религии как формы идеологического сознания в трудах К. Гельвеция и П. Гольбаха. С XVIII века «критика идеологии» носила преимущественно моральный характер. Идеология, согласно просветителям, должна изобличать политические институты как средство духовного воздействия на людей, вскрывать сущность религии как способ оправдания несправедливых социальных отношений.

Вебер Альфред. *Избранное: Кризис европейской культуры.* 2-е изд. — М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2012. — 565 с.

Эта книга – сборник трудов немецкого социолога, культуролога, историка Альфреда Вебера (1868–1958), который остро чувствовал характер и направленность социальной истории и политических веяний. Потрясенный свидетель двух катастроф европейской истории, и особенно Германии, он в двух публикуемых в данном томе книгах, «Третий или четвертый человек» (1953) и «Прощание с прежней историей» (1946), и небольших сборниках статей, посвященных самым острым проблемам современной истории, ищет ответы на вопросы о смысле истории, возможностях и долге человека, роли масс и обязанностях перед ними и обществом в целом духовных и политических лидеров. Одна из основных его мыслей – безвозвратное завершение длительного исторического пути европейской культуры и наступление принципиально новой эпохи, очертания которой можно только угадывать.

Вебер представлен как социальный философ. Но это неполная характеристика его философского наследия. Он выступает также и как философский антрополог, размышляющий о судьбе современного человека, его преображении и грядущих трансформациях. Ориентируясь на типичные принципы, которые определяют формы движения культуры, Вебер пытается распознать динамику современного мира, его кризисное состояние. Он при этом проводит различие между общественным процессом, процессом цивилизации и движением культуры.

Социокультурная антропология. История. Теория. Методология / Отв. редактор тома Ю.М. Резник. — М.: Академический проект, 2012. — 1000 с. (тираж 3000 экз.).

Фундаментальный труд под редакцией профессора Ю.М. Резника содержит энциклопедические сведения о спектре антропологических знаний. В отечественной литературе аналогов такому исследованию по социокультурной антропологии нет. Это действительно своего рода энциклопедия о различных течениях философского постижения человека. Хотя на обложке труда стоит название «Социокультурная антропология», на самом деле ответственному редактору Ю.М. Резнику удалось собрать коллектив крупных специалистов в разных областях знания – философской антропологии, истории, социологии, психологии, различных течений современной антропологической мысли. Издание содержит огромный арсенал конкретных сведений, предлагает анализ различных течений гуманитарной мысли.

Энциклопедический словарь «Социокультурная антропология» на самом деле выходит за пределы этого варианта антропологических учений. Он охватывает весь спектр антропологического знания. Труд представляет собой первое и наиболее полное в отечественной литературе справочное издание, которое раскрывает историю и современное состояние данной науки, сложившееся в конце XX — начале XXI века. Том состоит из трех разделов, отражающих структуру социокультурной антропологии как научной и учебной дисциплины: раздел I. «История социальной и культурной антропологии», раздел II. «Теория и методология социокультурной антропологии», раздел III. «Основные понятия и проблемы социокультурной антропологии».

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. HARD TIMES APPROACH

1. The economists claimed the Russian economic growth slow-down and the government's trying to overcome it to be the major event in domestic economy of the first half of the year. Russia is becoming elder, its economy's dependence upon the Fuel and Economic Complex remains, the Gross Domestic Product rates of growth decay, and it is increasingly hard to the state to bear the burden of the inherited «Soviet» social infrastructure. No wonder, the state is striving to diminish its obligations for it is unable to carry on the populist social policy.

2. In July, the recurrent report by the Center for Strategic Research (CSR) was published, according to which the protest potential in the regions had grown considerably. The government's attempts to use the «Russian provinces» as the active force capable to oppose the «creative class», provoke the regional intellectual elites to realize their own subjectness.

3. The governmental political policy is most likely to become more rigid and tough to make it possible to keep the unconditional control over socio-political processes, both among the elites and, what is especially topical under the economic growth slow-down and adverse demographic situation.

PRESSING TOPICS

Mikhail Gorshkov. POVERTY IN RUSSIA

In April 2013, the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology (RAS IS) completed the unique research studies on Poverty and Inequalities in Modern Russia: Ten Years Later. The fundamental nature of the studies is caused, in particular, by the comparative analysis of the sociological research data on the Russian poverty obtained by the RAS IS experts in 2003, 2008 and 2013.

The research findings had supported the need for the government to seriously comprehend the phenomenon of poverty, for the working out strategies of the country's development which take into account no specifics of this category of the population would fail to be efficient.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

*Oksana V. Ghaman-Golutvina. THE METAPHYSICAL DIMENSIONS
OF THE RUSSIAN ELITE TRANSFORMATIONS*

The year of 2013 gives good occasions to contemplate the outcome of the last two decades in the Russian history. Were they successful, and to what degree? Answers to this question vary greatly — from bravura enthusiasm to a verdict of failing state. In search of the objective answer, the author has analyzed the distinctions between obviously successful states and those that are unable to boast of achievements. As the case is, the state the Russian politics are being in currently is viewed in the context of Lawrence Harrison's propositions on the differences between dynamically developing cultures and stagnating ones.

GEOPOLITICS

*Vladimir Dergachev. LATIN AMERICA'S GEOPOLITICAL TRANSFORMATION
(completion)*

1. Latin America has left the “world backwaters” to become the exporter of ideas in politics and culture. The Neo-Liberal doctrine that ignores the social problems has suffered its first failure here. That is why the geopolitical transformation of Latin America is of special interest to Russia and the post-Soviet countries, where the problems of the Eurasian integration and establishing the Eurasian economic union are being actively discussed.

2. Spreading the US «zone of vital interests» all over the world made the political influence of Washington in the former «backyard» weaker. Communist China has begun its successful economic expansion to Latin America though the United States is still dominant in the majority of economies in the region. There has been certain Washington-Beijing geopolitical status quo established.

3. The Latin American countries have much less suffered from the world financial crisis, than Europe. At that, the fertile years of the region's relative prosperity come to an end.

4. Latin America enters the new epoch based of the predominant account of local specifics, with a reliance on self-supporting, rather than borrowing outside support.

FOREIGN AFFAIRS

Tariq Rauf. Nuclear Non-Proliferation: Past and Future Considerations

1. In the long run, proliferation can be stopped only if motivation for nuclear proliferation can be checked through an increasing emphasis on diplomatic solutions to resolve conflict and a de-emphasis on violence — in particular, violence of use or threat of use of nuclear weapons.

2. Despite the diffusion of nuclear knowledge and technology, the technical barriers to nuclear proliferation remain formidable. Even many advanced industrial countries would encounter major technical obstacles, let alone developing countries — even with foreign assistance.

3. No nuclear weapon programme can be said to have emerged directly from a nuclear power programme. The spread of civilian nuclear energy programmes very likely does not constitute major proliferation risks. Providing full-service packages to nuclear energy users would strengthen non-proliferation while facilitating nuclear energy for human development, along with multilateral approaches to the nuclear fuel cycle.

Andrey Suzdaltsev. THE BELARUS-EU DIPLOMATIC CRISIS

Usually, the peak of recurrent aggravation in the Minsk-West relations is reached at the period of improving interrelations with Russia, and vice versa.

In 2011, having found the country suffered a heavy structural economic crisis, despite the fact the Belarusian economy of that period had been extensively donated by the Russian side, the Belarusian leadership made use of the attempts of some European Union member-countries to start dialogue with Minsk to the obvious purpose of inserting pressure upon the Russian leadership.

Crisis has proved inefficiency of the Belarusian socio-economic model based on four major factors — the open access to the Russian cheap energy resources and the Russian market; the inner market closed for the Russian competitors; and the public sector monopoly position in the Belarus economy.

The economic sanctions introduced by the European Union do not have any harmful effect upon the Belarusian economy. But, as late as mid-February 2012, A. Lukashenko launched, both in the Belarusian and the Russian media spaces, a furious propaganda campaign against the Western sanctions.

Playing the role of a virtual «victim» of the West's economic pressure, A. Lukashenko could apply to Russia for new donations and preferences, putting aside implementation of the agreements on integration of Belarus into the Common Economic Space until the next provoked crisis with the West.

The Belarus-EU diplomatic crisis would be solved not by the efforts by Minsk and Brussels, but by Moscow's good will. As soon as A. Lukashenko gets a new share of gratuitous economic support from Russia, there will be no need in the conflict with the West.

Alexander Os'kin. LEFT WING PARTIES STRUGGLING FOR POWER IN POLAND

1. Nowadays in Poland, some 20 to 25 % of voters are Leftists by their views. But, eventually, the left wing parties did not play any significant role on the Polish political arena since 2005. In general, the contemporary Polish history reveals not just the Leftists' inability to keep the power, but also their certain withdrawal from their own ideals.

2. The left attitudes are so strong in the society, that they have to be taken into account by all political forces. This year, all left wing associations in Poland are witnessed to be active, as instanced by both Palicot's Movement and the Democratic Left Alliance (DLA).

***Yevgeny Kanayev.* THE THIRD NUCLEAR TEST IN DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA: RUSSIA'S CHALLENGES, RESPONSES AND INTERESTS**

The North Korean nuclear problem acuteness might be decreased just along with the simultaneous strengthening the overall security system in the Northeast Asia. The topical task is to establish some a sub-regional multilateral diplomacy platform with the mission to develop common approaches to the problems needed collective solutions by the key political, economic and security players in the Asian Northwest.

Such a development of the events would directly meet the interests of the Russian Federation aspiring not just to develop the relations with its partners of the Asian Northeast countries, taking economic gains from various interactions with them, but also to strengthen its status of the influential political and security player in the Asian-Pacific Region, importance of which steadily increases in today's world.

***Alexey Pil'ko.* THE RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS (1992–2013): THE INEXORABLE LOGIC OF CYCLISITY**

1. In the period of 1992–1999, the relation between Russia and the United States had come through the full cycle which logics might fit the term «from love to hatred». Both sides suffered from the illusions lost. In Washington that was the feeling Russia could have become its partner to help in solving some international problems, while it had proved to become a degrading, unstable and aggressive entity. In Moscow that was the feeling, that the West or, for that matter, the US had just deceived it, having benefited from voluntary dismantling the Warsaw Treaty Organization and granting the Union Republics the right to succession from the USSR/ while Russia having had nothing to gain in exchange.

2. In 2000–2008 the RF-US relations passed through the familiar cycle. From the attempts of closer intimacy to the gradual deterioration to about the level of animosity.

3. In 2009–2010 the bilateral relations gained good positive dynamics. Though the changes in the international life have increasingly affected the Russian-American relations.

The final chords that turned the Russian-American relations to the worse took form of the US interference in Russia's internal affairs during the election cycle of December 2011 — March 2012, and Moscow's attempts to bring to order the activities of the broad network of «political» NCO funded by the USA and their allies, «the Magnitsky Act» passed by the Congress, and the Russian response in kind, «the Dima Yakovlev Law». In December 2012 it became clear, that «resetting» is finished.

If the situation develops the same way as before, Moscow and Washington are to face the next bitter crisis in 2016.

***Eldar Kasayev.* «THE GAS OPEC»: ON-THE-SPOT MYTHS SHATTERING**

1. The Gas Exporting Countries Forum (GECF) is not some sort of «the Gas OPEC». The GECF cannot establish quotas on gas, and its main objective is to support the sovereign rights of its member-states on their gas resources, as well as their possibilities to independently plan and manage their own steady, effective and ecologically pure development. Besides, the GECF is aimed at exchanging the best practices, views and information on development of the gas industry.

2. But alongside with noticeable successes, there are numerous drawbacks in the GECF activities. It ought to be stated, the Forum does not justify the expectations it had been entrusted in. Today, the current long-term character of Russia's trade relations with the various countries in gas deliveries, options of the further development of cooperation within the Russia — EU energy dialogue (as well as with Japan, China, other Asian states) make it possible to consider the quotas mechanism inexpedient. The matter is, this contradicts the well-established system of the Russian gas deliveries to the consumers based of long-term contracts.

3. Taking the fact into account, Russia is advisable not to go on with lobbying the establishment of «the Gas OPEC», but to focus at asserting the Russian more essential interests within the Forum frameworks.

***Sergey Demidenko.* THE INTERNATIONAL SITUATION ABOUT SYRIA. THE REALITY AND MYTHS**

The first article in this series is to be an attempt to expose the myth of all the current mess in Syria had been inspired by the West (particularly, by the USA), and the people is singled to everyone in their support of the president's power.

Today, any more or less reasonable person can see that the USA and the West in general are obviously unwilling to forcefully interfere into the events in Syria.

Being drawn into a large-scale military campaign, the West would gain nothing (considering the poverty in the country), would not even have the ammunitions cost repaid, but it would certainly face a huge amount of problems, considering the extremely complicated ethno-religious situation in Syria.

Israel's position is also an impediment for the USA and Europeans. As a matter of fact, the Jewish State follows the policy of strict neutrality in the Syrian conflict and hinders any display of aggression.

However, while the players global are dissociated themselves, the regional powers — Iran, Turkey, Saudi Arabia and Qatar — are very active in the Syrian track. Ruling houses of Qatar and Saudi Arabia, investing huge sums of money into Europe and the USA, have a liver to press, through their lobby, both the Old World governments, and the US Administration.

In his time, the young Syrian president had succeeded in a number of reforms that definitely essentially improved the living of a most economically active part of the population. Those measures had improved the social situation in the country, strengthened the position of the private sector that give their support to the president today.

Up till now the economically developed part of the country is in a winning position at this war.

The second article is to expose the myth of a bloody tyrant Bashar Assad keeping himself in power just by means of the boundless cruelty of the special services that had rallied the Syrians with blood and fear, and thanks to support of Iran and Hezbollah, the latter almost single-handedly having crushed insurgents forces at Al-Qusayr.

(To be completed)

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashov. RUSSIAN ECONOMICS: FROM GROWTH IMPAIRMENT TO THE RECESSION

The crisis has come back to the Russian economy. The Russian economy's moving from delay to recession in the early 2013 was caused by lacking the domestic demand and instability of the raw materials world market.

Russia's anti-crisis policy, having been worked out by the Fall, would not relieve the economy of the pressure of problems. It would even become unable to preserve the state on affairs. Setting up a Megaregulator by the Bank Russia empowered as the Federal Service on Financial Markets (FSFM) that is to become just a unit in the new structure will establish new regulatory mechanisms. But this in itself provides for no new economic policy. The country has entered the territory to be run by «the second wave» which cannot be deterred without qualitatively different policy course.

Alexander Goncharenko. THE NORTHERN SEA ROUTE AS COMPETITIVE TRANSPORT AND LOGISTIC SPACE

Today's ice breakup caused by the global warming makes the Northern Sea Route (NSR) a very topical issue. More and more often the NSR is considered to be Russia's major resource in the Arctic that gives the country-in-poseess some significant advantages, though it has some drawbacks as well.

As far as the Russian companies are concerned, using the NSR is directly linked to prospects of the Arctic oil and gas development. For the time being the foreign competitors are well ahead of us in working out the technologies of the Arctic drilling and extraction. If there are no our own projects developed in the Arctic regions, if our own port and icebreaking infrastructure is not improved, the Russian companies might become aliens in this seemingly indigenous Russian route.

Debut

Yulia Sokolova. MULTINATIONAL CORPORATIONS VIEWED AS THE PLAYER IN MODERN WORLD POLITICS

1. The multinational corporations (MNC), having ceased to be dependent upon any government policy long ago, became to play a special role in the process of globalization. Top leaders in the world

economy, big corporations, at the same time, are influential participants in the socio-political life of both particular countries and the globalizing world in general. The political role the MNC play is a volatile quantity, it cannot be predetermined in advance by the scale of corporate business.

2. The political potential depends directly upon distributing the property both in the particular companies, and in the corporate sector as a whole.

3. The MNC have proved to become players, rather than play-things, in the world politics, they are actively participating in all global processes in the world. In fact, the MNC solve the problems of the new world economic and political repartition, they are on the verge of creating some world supra-national government. Things go as they go, because neither the national governments, nor the local authorities can deal with the problems that had been brought in by the growing interdependence on their own.

THE «ROUND TABLE»

REFORMING AS A SOCIAL FENOMENON

The participants in the discussion were Academician L. P. Buyeva of the Russian Academy of Education, Professor, Dr.Sc. (Philosophy); G. V. Saenko, Dr.Sc. (History), Professor, Assistant to the Rector of the Russian State University of Trade and Economics.

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr. Sc. (Philosophy).

The following questions were under the discussion —

1. What is reforming as a social phenomenon?
2. What are the positive and negative sides of reforms?
3. What has been the fate of reforming in Russia?

PUBLICATIONS

Vladimir Roschupkin. THINKING OF THE OCEAN THAT IS LONG WAY OFF AND THOR HEYERDAHL WHO IS STILL CLOSE BY

1. Thor Heyerdahl became the first to prepare and personally participate in the expedition aimed to prove the academic theories on the migration ways of the ancient peoples through the ocean distance, the first to sail on a raft from the South America through east part of the Pacific ocean to Polynesia.

2. He has also proved to be a thinker with the ideas of the global scope. It was he who became the founder and the developer of the concept of ecosphere — interdependence of human activity on the planet of Earth and necessity to preserve it not just for the living human race, but for its descendants as well.

3. Thor Heyerdahl's latest scientific researches have covered Russia and Transcaucasia. He studied the lower reaches of Don River and some places in Azerbaijan, trying to find out the great-ancestral home of the ancestors of his contemporary fellow-citizens. Unfortunately, these studies had not been completed: the scholar died in 2002.

4. He was a great scholar and a great fighter for peace. His messages to President John Kennedy of the USA and Foreign Minister Andrey Gromyko of the USSR are to testify this. Their essence was to suggest measures to strengthen the peace and to enhance the trust. Heyerdahl's suggestions had been answered. They have been positively apprehended both in Washington, and in Moscow.

Elena Komleva. OIL OR NUCLEAR WASTE

There are considered some anthropo-social aspects of the nuclear energy phenomenon. They refer to the first attempt of constructing an international underground repository for nuclear materials near Krasnoyarsk. There are mentioned some problems identified by this connection.

Eye Witnessing

Maria Kortunova. THE WAY TO SOLOVKI

1. They hit the road to Solovki in search of no exciting experience, nor adventures, for Solovki is a place of silent solitude, place of the memory, a holy place, a place to meet the history, yourself, God.

The very place where throughout five centuries of history the special spiritual space of Russian Orthodox culture had been developed. To Russia, the Solovetsky Monastery was not just a cloister in a faraway Northern district, but a centre of the national self-identification that provided for the existence, reproduction and development of the Russian people and the state as a whole.

2. Many people imagine Solovki as some «place of execution» as well, where in the early 1920s the Solovetsky Special Purpose Camp (SSPC), a Golgotha which thousands of people went through, was established. Nowhere but here, you feel so much the sanctity linked with the power of human spirit, the heroic exploit of the peoples who preserved their dignity, high sacrificial exploit under the conditions of struggling for life.

3. Solovki are being ruined. Under the conditions of the contemporary spiritual and moral crisis in Russia, could Solovki be restored as a national cultural and spiritual centre? The question has no clear answer, as yet.

Philosophy and politics

Valery Podoroga. PHILOSOPHY AND POLITICS

This May, the Ministry of Education and Science (MES) drastically cut in numbers the state grunts for the students to master “Philosophy” in the next academic year admission. The free admission for students of many liberal sciences has been dramatically decreased. At the St.-Petersburg University the number of free vacancies for philosophers-to-be reduced by 10%. In the Russian State Liberal University (Moscow) they have to close the Department of Philosophy. The MES allowed the state-subsidized vacancies for philosophy student just in 10 regions of the. Does the country need Platos and Jasperses? What is the Philosophy and why a civilized society needs it?

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

THE LOST SELF-IDENTITY

Brubaker, Rogers. *The Ethnicity Without Groups*. M: Higher School of Economics Publishing House, 2012. 408 pp.

1. The contemporary world is witnessing the process of identity decay. The postmodernists tem this process as the crisis of identification. The personality self-identity has been ruined. The openness of one individual towards another has proved to be a trap. There is no subject, there are only social roles. The social comes in the stead of the individual.

2. Journalists, politicians, and researchers describe ethnic, racial and ethnic conflicts as the struggle of inner homogeneous ethnic groups separated from other similar groups by impenetrable borders. In his book, the American sociologist R. Brubaker challenged this commonly agreed upon Groupism.

3. R. Brubaker claims, that an attempt to persuade peoples that they are essentially the one — that they make up the constrained, peculiar, joint group, that their inner differences are meaningless, at least, for the given particular objective, — constitutes normal and necessary part of the politics in general, rather than just the so-called «identity politics».

Elvira Spirova

New books that might be of interest

Reviewed by Elvira Spirova, PhD

The Ideology and Processes of Social Modernization: Collection of Articles / Ed. by T. B. Lyubimova. M.: Academia, 2013. 376 pp. (Circ. of 800 copies)

The book studies the mass ideological processes in the modern world. The scholar collection pay special attention to studies of ideological forms in the modernizing society, particularly in Russia, of the role the mass communications play in ideological processes, of debunking the illusion of de-ideologization.

Weber, Alfred. *The Selected Works: The Crisis of European Culture*. 2nd ed. M.-SPb.: Center for Humanitarian Initiatives, 2012. 565 pp.

The book is a collection of works by Alfred Weber, German sociologist, culture expert, historian (1868–1958).

Weber is presented as a social philosopher and philosophical anthropologist reflecting on the destiny of Modern Man, his transformation and the future transformations. Guided by the typical principles that stipulate the forms of culture movement, Weber tries to get knowledge of the modern world dynamics, of its crisis condition. At that, he draws distinction between a public process, a civilization process, and culture movement.

The Socio-Cultural Anthropology. History. The theory. Methodology / The volume ed. by Yu. M. Rez-nik. M.: Akademichesky Proekt, 2012. 1000 pp. (Circ. of 3,000 copies).

This work is a kind of encyclopedia on various trends in philosophical comprehension of the Man.

Yu. M. Reznik has succeeded in joining the team of great scholars in various sciences — philosophical anthropology, history, sociology, psychology, various currents of modern anthropological thought. The book contains a huge arsenal of concrete data, gives the analysis of various trends in the liberal thought.

ОБ АВТОРАХ

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Специалист в области изучения политических элит, политического лидерства, политической культуры и политического сознания. Автор монографий «Политические элиты России: веки исторической эволюции»; «Бюрократия Российской империи», «Цивилизация. Культура. Личность» (в соавторстве); ответственный редактор книг «Самые влиятельные люди России-2003», «Властные элиты современной России». Автор более 150 научных работ.

Гончаренко Александр Владимирович — эксперт Института стратегических оценок и анализа. Окончил Социологический факультет МГУ, кандидат социологических наук. Сфера интересов — нефтегазовый сектор экономики.

Горшков Михаил Константинович — директор Института социологии РАН, академик РАН. Один из основателей социологии массового сознания. Разработчик теории и методов социологического изучения состояний массового сознания, структуры российской идентичности, социальных типов граждан в постсоветской России.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008), двухтомника «Больше, чем одна жизнь» (2013). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия — Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Дергачёв Владимир Александрович (Украина) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук, основатель Интернет-портала «Институт геополитики». На основе разрабатываемой профессором Дергачёвым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010–2012, www.dergachev.ru). Персональный сайт: www.dergachev.farlep.net

Касаев Эльдар Османович — юрист-международник, специалист по инвестициям в энергетику стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Родился 20 января 1985 года в Москве. После окончания Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России находился на дипломатической службе в Катаре, затем занимал должность научного сотрудника Центра ситуационного анализа РАН. Автор более 220 научных и аналитических статей. Автор монографии «Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития» (2013) и брошюры «Россия — Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей» (2013). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российского и иностранного бизнеса в ТЭК государств БВСА. Участвует в ситуационных анализах, а также других исследовательских проектах по заказу российских нефтегазовых компаний и политических структур. Регулярно выступает гостем в аналитической программе «Панорама» телеканала «Россия аль-Яум», арабская редакция RT (ранее — Russia Today).

Канаев Евгений Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Комлева Елена Владимировна — научный сотрудник университета Дортмунда (Германия), аспирант Мурманского государственного технического университета, переводчик, сотрудник Международного отдела Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук, Кольского научного центра РАН). Обладатель международных грантов из нескольких научно-исследовательских институтов. Является автором ряда научных работ по экологии и ядерной безопасности.

Кортунова Мария Васильевна — сотрудник Института стратегических оценок и анализа. Окончила МГИМО МИД РФ по специальности экономист-международник; фотограф, участник программ Фонда развития визуальной коммуникации «Объективная реальность».

Оськин Александр Владимирович — председатель правления Ассоциации распространителей печатной продукции, вице-президент Союза издателей и распространителей печатной продукции. Кандидат экономических наук. Основатель и первый президент Гильдии издателей периодической печати. Ранее работал в аппарате ЦК ВЛКСМ, затем пять лет на посту первого секретаря посольства СССР в Варшаве. С 1990 года — работает в СМИ.

Работая в медиаотрасли, занимал должности редактора международного отдела и отдела новостей в газете «Рабочая трибуна», директора по маркетингу в «Экспресс-газете», генерального директора ЗАО «Сегодня-Пресс», генерального директора газеты «Комсомольская правда», генерального директора Концерна «СММ», заместителя председателя правления банка «Тройка» и др. Член Союза журналистов России.

Пилько Алексей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Подорога Валерий Александрович — доктор философских наук, профессор, зав. сектором аналитической антропологии Института философии РАН.

Автор ряда книг и более 200 научных статей, эссе, бесед; ряд его работ переведен в США, Англии, Австрии, Франции, Нидерландах, Германии, Японии.

Наиболее значимые этапы научного пути отражены в книгах: «Метафизика ландшафта» (1993), «Выражение и смысл» (1995), «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию» (1995), «Мастерская визуальной антропологии». Курс лекций. — «Художественный журнал», 2001 г. (Соавт.), «Навязчивость взгляда. М.Фуко и живопись». — «Художественный журнал», Автобиография. Вопрос о методе (2001), (Соавт.), «Мимесис. Аналитическая антропология литературы». Том 1. «Культурная революция» (2006), «Апология политического» (2010). Лауреат премии имени Андрея Белого (2001).

Рауф Тарик — возглавляет венское отделение организации Nuclear Solutions, Inc. С 2002 по 2012 год руководил департаментом по контролю и координации политики в области безопасности

МАГАТЭ и являлся сменным главой делегации МАГАТЭ на конференциях по рассмотрению действия ДНЯО с 2002 по 2010 год. В МАГАТЭ был старшим советником Генерального директора по вопросам ядерного нераспространения, разоружения и гарантий при использовании ядерного топлива.

Рощупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук.

Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Соколова Юлия Дмитриевна — студентка Московского государственного лингвистического университета.

Суздальцев Андрей Иванович — доцент, заместитель декана факультета мировой политики и мировой экономики ГУ-ВШЭ. В 1983 году окончил Дальневосточный государственный университет. С 1990 года — кандидат исторических наук. Профессиональные интересы: проблемы стран постсоветского пространства, геополитика постсоветского пространства, модели экономического развития, трудовая миграция на постсоветском пространстве, влияние России на политические и экономические процессы на постсоветском пространстве.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

OUR AUTHORS

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA — Dr.Sc. (Political Science), professor at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. The expert in studying political elites, political leadership, political culture and political consciousness. Authored such monographs as the *Political Elites in Russia: Historical Evolution Milestones; the Bureaucracy in the Russian Empire; the Civilization. Culture. Personality* (in co-authorship). Was managing editor of the book publications the *Russia's Most Influential People-2003*; the *Power Elites of Contemporary Russia*. In total, published more than 150 scientific works.

Mikhail K. GORSHKOV — Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology. One of founders of the Sociology of Mass Consciousness. The creator of the theory and methods of sociological studying the state and conditions of mass consciousness, the Russian identity structure, social types of citizens in the post-Soviet Russia.

Alexander V. GONCHARENKO — expert, Institute of Strategic Studies and Analysis. Graduated from the Moscow State University, sociology faculty. Candidate of Sociology Science.

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia — Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), «*Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)*» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Vladimir A. DERGACHEV (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics, the founder of the Institute of Geopolitics internet portal. On the basis of the geopolitical theory on the Big Multidimensional Spaces, developed by professor Dergachev, a series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, focused on formation of analytical thinking were published. Authored 40 books, including *Geopolitics* (2000, 2004); *Geoeconomy* (2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Religion Studies* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); *The International Economic Relations* (2005); *Global Studies* (2005), *The Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), *Geopolitics. Geophilosophy. Geoeconomy* in 27 volumes (the electronic edition on CD, 2009), the *Geopolitical Encyclopaedia* (2010–2012, www.dergachev.ru). Personal site www.dergachev.farlep.net

Yevgeny A. KANAYEV — Dr. Sc. (History), chief researcher of the Center of Asian-Pacific Studies at the Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations.

Eldar O. KASAYEV — lawyer on international affairs, expert in investing into power engineering of the Mid-Eastern and African (MEA) countries. Born on 20th January, 1985, in Moscow. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (2008). Had been in the diplomatic service at Russia's Embassy in Qatar (2010-11). Worked as the researcher in the Center for Situation Analysis, Russian Academy of Science. Authored over 220 scientific and analytical works and articles. Author of a monograph «Qatar in XXI century: Modern tendencies and prospects of economic development» (2013) and a brochure «Russia and Turkey: modern state and possible scenario of economic relations' development» (2013). Research interests include studying legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian and international business activities in the fuel-and-energy complex of the MEA countries. Is going to present the *MGIMO* International Law Chair with the dissertation for the degree of Candidate of Science (Law). Takes part in situational analysis process as well as in others research projects initiated by Russian oil companies and political structures. Regularly takes part in analytical TV-program «Panorama», Rusiya Al-Yaum Channel.

Yelena V. KOMLEVA — the researcher at the University of Dortmund, Germany, the postgraduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Maria V. KORTUNOVA — the employee at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Graduated from the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs MGIMO University with the diploma in international economics; photographer, participating in programs run by the Objective Reality Foundation for Development of Visual Communications.

Alexander V. OS'KIN — Cand. Sc. (Economics), Chairman of the Board, the Association of Printed Matters Distributors, Vice-President, the Union of Publishers and Printed Matters Distributors. Founder and the first President of the Guild of Periodicals' Publishers. Was stuff-employee at the all-Union Lenin Young Communist League Central Committee, afterwards, for five years, served as the First Secretary at the USSR Embassy in Warsaw. Since 1990, engaged in mass media business.

While in media, posted as Foreign Editor and News Editor in the Rabochaya Tribuna newspaper, Marketing Director in the Express-Gazeta, Director General at the Segodnya-Press Closed Joint Stock Company, Director General in the Komsomolskaya Pravda newspaper, Director General at the SMM Concern, Assistant Chairman of the Board of the Troika Bank, etc. Holds membership in the Russia's Union of Journalists.

Alexey V. PILKO — Candidate of Historic Science, professor of the History Faculty of Moscow State University

Valery A. PODOROGA — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Analytical Anthrology Sector at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Authored several books and over 200 scientific articles, essays, discussions; some of his works were translated in the USA, Great Britain, Austria, France, the Netherlands, Germany, Japan.

The more significant stages of his academic creativity are reproduced in such books as — The Metaphysics of Landscape (1993); the Expression and Sense (1995); Body Phenomenology: Introduction to Philosophical Anthropology (1995); The Workshop of Visual Anthropology: Course of Lectures (co4authored in the Khudozhestvenny Zhurnal / Art Journal, 2001); The View Obtrusiveness: Michel Foucault and Painting (the Khudozhestvenny Zhurnal); Auto4bio4 graphy: A Matter of the Method (2001), (co4authored) The Mimesis. The Analytical Anthropology of Literature. Vol. 1. The Cultural Revolution (2006); The Apologia of the Political (2010).

The winner of the Andrei Bely Award (2001).

TARIQ RAUF — is President of global Nuclear Solutions in Vienna, Austria. From 2002 to 2012 he was Head of Verification and Security Policy Coordination at the IAEA and was the Alternative Head of the IAEA Delegation to NPT review conferences from 2002 to 2010. At the IAEA he was the

senior advisor to the Director General on nuclear non-proliferation, disarmament and fuel assurances.

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand. Sc. (Politology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the Khranitel (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Julia D. SOKOLOVA — student of Political Science faculty of the Moscow Linguistic University

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Andrey I. SUZDAL'TSEV — Cand.Sc. (History), the associated professor at the World Politics chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Research interests include the problems of the post-Soviet space countries; the geopolitics of the post-Soviet space; models of economic development; labor migration in the post-Soviet space; Russia's influence on political and economic processes in the post-Soviet space.

*Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации*

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(53)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

*Корректura А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина*

*Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года*

*Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru*

Тираж 1200 экз. Цена свободная

*Подписано в печать 16.08.2013 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ № 540.*

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

*ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru*

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

*через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

SUBSCRIPTION TO VESTNIK ANALITIKI ABROAD

*Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

Подписать и приобрести отдельные номера журнала
 «Вестник аналитики» можно в редакции.
 Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
 для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Форма № ПД-4	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»		
		(наименование получателя платежа)		
		ИНН 7718163808		
		(ИНН получателя платежа)		
		№	р/с 40702810900000080011	
			(номер счета получателя платежа)	
		в АКБ «Росевробанк» г. Москва		
		(наименование банка и банковские реквизиты)		
		к/с № 30101810800000000777 в отделении		
		2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777		
Кассир	Подписка на журнал	"Вестник аналитики"		
		(период подписки, номер журнала)		
	Дата	Сумма платежа	Руб.	коп.
	Плательщик			
	(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)			
	Квитанция	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»		
		(наименование получателя платежа)		
		ИНН 7718163808		
		(ИНН получателя платежа)		
		№	р/с 40702810900000080011	
(номер счета получателя платежа)				
в АКБ «Росевробанк» г. Москва				
(наименование банка и банковские реквизиты)				
к/с № 30101810800000000777 в отделении				
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777				
Подписка на журнал	"Вестник аналитики"			
	(период подписки, номер журнала)			
Дата	Сумма платежа	руб.	коп.	
Плательщик				
(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)	Кассир			